

18+

Gulnara Maharramova

Дуальность времени

Том 1. Фантомный Палач



Gulnara Maharramova

**Дуальность времени.
Том 1. Фантомный Палач**

«Издательские решения»

Maharramova G.

Дуальность времени. Том 1. Фантомный Палач /
G. Maharramova — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654293-8

В течение трех лет начальник отдела убийств Детектив-Лейтенант Жак Бенколин отслеживает коварного и безжалостного серийного убийцу. На этот раз ему помогает ученый Дэниел Льюис и его команда. Новое изобретение приводит их к неожиданным событиям, и Жак Бенколин понимает, что поимка серийного убийцы — это не конец, а начало. Команда путешественников во времени вынуждена бороться со временем. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-654293-8

© Maharramova G.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Место преступления	8
Глава 2. Отчет о вскрытии	13
Глава 3. Погружение	15
Глава 4. Гаспар Ривера	23
Глава 5. Налет в кафе	27
Глава 6. Брифинг	31
Глава 7. Сделка с дьяволом	35
Глава 10. Первая миссия	48
Глава 11. 11.06.2040	52
Глава 12. День рождения	58
Глава 13. В погоне за убийцей	61
Глава 14. Катамаран	67
Глава 15. Больница	72
Глава 16. Ривера и Тристан	77
Глава 17	80
Глава 18. Кастильо	88
Глава 19. Деловая сделка с Кастильо	93
Глава 20. Место преступления	97
Глава 21. Дэниел	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дуальность времени Том 1. Фантомный Палач

Gulnara Maharramova

© Gulnara Maharramova, 2025

ISBN 978-5-0065-4293-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0065-4294-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дуальность времени.

Часть I. Фантомный Палач

События разворачиваются в Сан-Вриго, столице вымышленного островного государства Врига-Вриго, расположенного к северу от Испании и к западу от Франции. После наводнения 1972 года большая часть земли потеряла плодородие из-за попавших в воду отходов химического завода. Только земля в городе Фертилесойл-велли осталась чистой и известна как самая плодородная в стране. Фермеры упорно трудились, чтобы спасти страну от голода, старались вырастить урожай за короткое время и преуспели в этом. Однако в этот период начались голод и беспорядки, и в стране постепенно воцарился хаос. Со временем появились банды и уличные драки, люди пытались выжить, грабя дома друг друга. Сильные подчиняли себе слабых. Банды поделили улицы, начались территориальные войны. В девяностые годы уровень преступности в стране достиг пика. Тюрьмы были переполнены. Даже полиция не могла справиться с ситуацией. Однако после заключения сделки с бандами Альянса в 1998 году в стране стало спокойнее и безопаснее. До серийных убийств, которые начались в 2015 году.



В течение трех лет начальник отдела убийств Детектив-Лейтенант Жак Бенколин отслеживает коварного и безжалостного серийного убийцу. На этот раз ему помогает ученый Дэниел Льюис и его команда. Новое изобретение приводит их к неожиданным событиям, и Жак Бенколин понимает, что поимка серийного убийцы – это не конец, а начало. Команда путешественников во времени вынуждена бороться со временем.

P.S. Названия городов, используемые в книге, вымышлены. Персонажи и события не имеют ничего общего с реальными людьми и учреждениями. Это полностью выдуманная история. Содержит насилие, страх, поведение, которое может послужить негативным примером.

От автора.

Приветствую вас, дорогие читатели.

С самого детства я жила с одним постоянным спутником – воображением. Оно шептало мне истории в темноте, рисовало образы в утреннем свете, приходило в снах и не отпускало. Одна из этих историй особенно глубоко пустила корни. Годами она жила во мне, менялась, обрастала деталями, пока, наконец, не потребовала выхода наружу – стать книгой. И вот, я делюсь ею с вами.

Перед вами – мир, полный тайн и неожиданных поворотов. Мир, где ничего не даётся просто так. Здесь нет случайных встреч, а прошлое, порой, опаснее будущего. В этой истории

много героев. Они не всегда поступают правильно, не всегда добрые и светлые. Но каждый из них мне дорог, как старая рана, которая болит – и потому жива.

Я верю, что кто-то из них останется и в вашем сердце. Может быть, вы будете за них переживать. Злиться на них. Смеяться, тревожиться, грустить вместе с ними.

Я просто прошу: доверьтесь этой истории. Позвольте ей увлечь вас. Остальное – она сделает сама.

Приятного чтения.

Глава1. Место преступления

23.09.2018

Четверг.

Было 4:16 утра, когда Детектив-Лейтенант Жак Бенколин – вот уже три года возглавлявший бюро по расследованию убийств в Сан-Вриго – появился у ленты, ограждающей место преступления. Сорокалетний офицер был высок, крепко сбит, с густыми бровями, крючковатым носом и тёмно-синими глазами. Его чёрные, зачёсанные назад волосы намокли от влажного утреннего воздуха. На нём было длинное чёрное кашемировое пальто.

Когда ему позвонили, он не спал – хроническая бессонница давно сделала ночи мучительными. Несмотря на спешку, команда судмедэкспертов и оперативников, включая его напарника, уже работала на месте.

Он огляделся. После ночного ливня воздух был насыщен влагой, асфальт блестел. Лица у всех были мрачными. Бенколин прошёл под лентой и подошёл к полицейской машине, возле которой столпились сотрудники. Его напарник – детектив Йен Ли, худощавый, жилистый, невысокий мужчина корейского происхождения – сразу заметил его и кивнул.

«Что у нас?» – коротко спросил Бенколин, глядя на Ли.

«Девушка, пропавшая 13 дней назад, Кэндис Маккензи, – Ли вытер нос тыльной стороной ладони, – судя по всему, она бежала сюда через лес. Бедная девушка пробежала неизвестно сколько километров босиком, в темноте и под дождем».

Бенколин подошёл ближе. Девушка лежала на земле, словно выжатая тряпичная кукла. Криминалисты щёлкали затворами камер, а судебный эксперт, доктор Джессика Адамс, брала образцы из-под ногтей, осматривала тело.

Указав на след от шприца на руке, она сказала:

«Лейтенант, судя по всему, ей вкололи что-то. Полагаю, наркотики».

Бенколин выругался про себя. Его взгляд задержался на ране, прикрытой тканью. Когда фотографии закончили, доктор Адамс аккуратно разрешила запачканную рубашку и упаковала её в пакет для улик. Под ней оказались свежие следы от укуса.

«Похоже на укус собаки, – сказала подошедшая криминальный психолог Гвендолин Майерс. – Домашней. Хищник разорвал бы плоть»

Бенколин поднял взгляд на Гвендолин – 36-летнюю женщину среднего роста, с округлым лицом, зелёными глазами и волнистыми каштановыми волосами. Он знал эту милую, но упрямую женщину хорошо: работали вместе уже три месяца. Почти на каждое преступление она приезжала вместе с командой, чтобы составить психологический профиль преступника. Гражданская, но с острым умом, она нередко подмечала то, мимо чего проходили мужчины с пистолетами.

Бенколин, хоть и не был в восторге от присутствия женщины в таких делах, не мог отрицать её пользу. Но при этом – опасность. Она не умела защищать себя, а значит, в случае чего – ответственность за неё ложилась на него.

Гвендолин убрала в бок, непослушную челку и грустно улыбнулась, на обеих щеках появились ямочки.

«Я вижу, вы успели приехать раньше нас и осмотреть тело, мисс Майерс», – сухо заметил Бенколин, почесав бороду на подбородке.

«Просто я была ближе к месту происшествя, чем вы, мистер Бенколин, – ответила она, чуть смягчив тон. Потом посмотрела на рану. – Судя по характеру пулевого повреждения, доктор Адамс полагает, что в нее стреляли из дробовика. Одна пуля пробила внутренние органы,

вероятно, она умерла в течение двух минут, но, конечно, точные данные мы узнаем после вскрытия».

«Понял, – сказал Бенколин, повернувшись и посмотрев на своего напарника спросил: «Ли, – а что здесь делал полицейская машина? Совпадение?»

Йен Ли, невысокий детектив с постоянной болью в шее из-за межпозвоночной грыжи, неловко стоял, глядя прямо перед собой. Поворачивать голову ему было тяжело, а потому, разговаривая с более высоким другом, он лишь иногда бросал короткий взгляд вверх.

«Нет, это не совпадение, – сказал он негромко. – Водитель грузовика, проезжавший ночью мимо, услышал выстрелы и вызвал полицию. Патруль Дональда Стивена был поблизости. По его словам, всё произошло очень быстро: первый выстрел, второй... а потом перед машиной выскочила девушка – вся в крови».

Жак Бенколин, чьи тёмно-синие глаза буквально светились от возбуждения, сжал кулаки.

«Я же говорил, что он однажды оступится», – сказал он с горечью, словно все эти три года охоты стоили ему части души.

Йен скосил взгляд, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

«Дружище, ты рано радуешься, – предостерег он. – Мы ещё не знаем, Фантомный Палач это или кто-то другой».

Навязчивая одержимость Жака этим делом давно вызывала в Йене тревогу – и всё сильнее с каждым днём.

«О чем это ты? Это же очевидно! – Бенколин вспыхнул, указывая на девушку, лежащую на земле. – Кэндис Маккензи исчезла в свой восемнадцатый день рождения. Она борец и сумела вырваться! Благодаря ей у нас впервые есть тело. Есть улики!»

Йен сдержанно кивнул.

«Тогда Фантомный Палач, должно быть, в панике, – рассудил он. – Понимает, чем ему это грозит. Паника может заставить его ошибиться. Или затаиться».

Жак смотрел на девушку с мрачным уважением. Его лицо напряглось.

«Посмотри на неё, Йен... Один Бог знает, через что ей пришлось пройти за эти тринадцать дней. Босиком, в тонкой ночной рубашке, вся в грязи, в крови – бежала через тёмный лес под дождём. Этот ублюдок украл у неё жизнь. Я скоро поймаю его, и он заплатит за все. Клянусь вам... клянусь своей душой».

Йен молча сжал губы, но подумал, что Жак только что поставил свою душу под серьёзную угрозу.

Гвендолин Майерс присела на корточки у тела и протянула руку, осторожно тронув окровавленную ткань.

«Посмотрите, что на ней, – тихо сказала она. – Длинная белая ночная рубашка. Она не окровавленная, не вызывающая. Напротив – символ невинности. Возможно, он пытался сделать из неё чей-то образ».

Гвендолин склонилась ниже.

«И волосы... – добавила она. – Когда Кэндис исчезла, у неё были длинные волосы. Теперь – короткие. Он сам их обрезал».

Йен кивнул.

«Все жертвы Фантомного Палача обычно выглядят одинаково» – пробормотал он, сжав руки в карманы плаща.

«Доброе утро», – сказал человек, медленно приближаясь. Голос был хриплый, натянутый, как струна. Карие глаза цепко скользнули по земле и остановились на теле девушки. Не отвращение, не страх – сосредоточенность. Он изучал, как хирург изучает рану.

Гермес Гарсиа. Тридцать семь лет. Сотрудник Управление по борьбе с организованной преступностью. Высокий, гибкий, с длинными ногами, в чёрных джинсах и кожаной куртке,

как из самой темной страницы жизни. Лицо – смуглое, с острыми, будто вырезанными ножом чертами. Он походил на волка, который в одиночку пересекает границу закона.

Жак Бенколин знал его – не близко, но достаточно, чтобы понимать: этот человек – беда. Проказник, нарушитель инструкций, импульсивный. Но, чёрт побери, честный до костей.

«Гермес, – кивнул Жак, нахмурившись. – Что ты здесь делаешь?»

«Когда я услышал об этом, – сказал тот, опускаясь на одно колено, – мне захотелось взглянуть на кое-что».

Он осторожно взял руку мёртвой девушки, отогнул рукав.

«Вот оно. Следы от шприца. Зеленоватый оттенок. Похоже, это то же самое вещество.»

Гвендолин Майерс наблюдала за ним внимательно. Испанская внешность, угловатая челюсть, губы – натянутые, будто он забыл, как это – просто так улыбаться. Волосы коротко стрижены, зачёсаны назад. Всё в нём говорило о привычке жить в боевом режиме.

«Какое вещество?» – спросил Жак, хмурясь.

Гермес поднялся, медленно стряхнул с рук листву.

«Новый наркотик. Ужасно мощный. Вызывает галлюцинации, эйфорию, агрессию. И смерть. Зеленый пигмент – его фирменный знак.»

Йен подошёл ближе, нахмурился:

«Ты знаешь, кто это распространяет?»

Челюсть Гермеса дёрнулась. Он сжал губы, будто внутри сдерживал гнев.

«Нет доказательств. Но я знаю. Только один человек в этой стране контролирует наркотики. И это он. Гаспар Ривера. Он за этим стоит. Я клянусь.»

На лице Бенколина вспыхнула тень надежды – и тут же угасла. Он усмехнулся. Мрачно. Безрадостно.

«Хм»,

Гермес приподнял брови.

«Это что сейчас было?»

«Ты слишком заиклился на Ривере», – бросил Жак с холодком.

Глаз Гермеса блеснул. Голос его стал стальным:

«Как ты заиклился на Фантомном Палаце?»

Бенколин будто окаменел. Брови сошлись, словно тучи перед бурей. Он знал – Гермес гонится за Риверой восемь лет. И каждый раз – в пустоту. Как за тенью.

Гарсиа шагнул к телу, указал на руку:

«Ривера построил систему. Всё через одного человека – доктора Марио. Он не человек – алгоритм. Ты не найдёшь цепочку. Всё – через сообщения, пакеты, закладки. Продавец даже имени клиента не знает.»

«А IP-адрес?» – подала голос Гвендолин.

Гермес впервые посмотрел на неё. Глаза его дрогнули. Он запнулся, потом выдал:

«У них есть хакер. Всё исчезает. Следов нет. Платят криптовалютой. Ноль шансов.»

Жак медленно провёл рукой по лицу. Ему казалось, наскучил этот разговор, отрывисто бросил:

«Наша команда уже сканирует лес. Пойдём, Йен».

«Я с вами», – поспешно сказала Гвендолин, вскинув голову.

Жак повернулся к ней с вымученной улыбкой, в голосе звучала подчёркнутая вежливость.

«Не стоит, мисс Майерс. Лес большой и коварный. Мы дадим знать, если найдём что-то важное».

Гвендолин поймала его взгляд, полный скрытого раздражения, и вежливо, но твёрдо ответила:

«Благодарю за заботу, мистер Бенколин. Но я не собираюсь оставаться в стороне. Это моя работа. Или вы боитесь, что я буду вам мешать?»

Бенколин нахмурил густые брови и процедил сквозь зубы:

«Конечно нет. Вы уполномочены».

Йен едва сдержал смехок, прикрыв рот. Гермес усмехнулся про себя – упрямая, избалованная, но чертовски смелая.

«Я тоже с вами, – коротко бросил он. – Чем больше людей, тем лучше.»

Они двинулись в лес.

Гвендолин Майерс большую часть своей жизни посвятила заботе о матери. Лора Майерс страдала от тяжёлой сердечной недостаточности – и когда четыре года назад её прооперировали, пересадив сердце, казалось, что худшее осталось позади. Но год назад Лора впала в кому.

Теперь Гвендолин приходила к ней трижды в неделю, садилась у постели, держала её холодную руку и, несмотря на мрачные прогнозы врачей, упрямо верила: однажды мать откроет глаза.

Отец, Айзек Майерс работал страховым агентом в Голденхорнберге и это отнимала всё его время. Они виделись редко, и, возможно, потому Гвендолин бросила всю свою жизнь на алтарь чужой боли.

Она стала экспертом в криминальном профилировании – преподавала в университете, сотрудничала с полицией, составляла психологические портреты преступников. И делала это лучше многих.

Последние три месяца она официально работала под началом дяди – шефа полиции Рейнольда Уильямсона. Именно он настоял, чтобы Гвендолин присоединилась к их команде, хоть Жак Бенколин, детектив с тяжёлым характером и упрямством дикого быка, смотрел на неё как на лишний багаж.

Для Бенколина она оставалась гражданским лицом, несмотря на полицейские курсы и сертификаты. Он недоверчиво прищурился, как будто ожидал, что она в любой момент оступится и создаст им лишние проблемы. И всё же он молчал – из уважения к Уильямсону, человеку, которого почитал почти как отца.

Сам Бенколин был сыном покойного Бернарда Бенколина, детектива-лейтенанта, трагически погибшего в 2000 году при исполнении. Рейнольд Уильямсон, его давний друг, был тогда рядом – и с тех пор оберегал Жака так, словно тот был ему родным.

Жак нахмурил свои густые брови и, отрывисто, будто наставник нерадивого ученика, сказал:

«Я прошу вас только об одном, мисс Майерс. Оставайтесь рядом. Не хотелось еще и искать вас в лесу вдобавок ко всем этим».

Лес встретил их глухим шёпотом дождя и туманом дыма, расплывшимся по земле.

Ветки хлестали по лицу. Гвендолин осторожно раздвигала их ладонями, шагала за Жаком.

«Не волнуйтесь, начальник, – сказала она спокойно, – я с детства привыкла к лесу. С дедом, дядей и отцом мы часто уходили в походы и охотились. Я знаю, куда ставить ногу».

Бенколин хмыкнул.

«А в тех лесах тоже разгуливал убийца?» – съязвил он, поддразнивая.

Гермес шагал рядом с Гвендолин. Раздвигал ветки, придерживал колючие заросли. Он молчал, но краем глаза наблюдал за ней. Она двигалась уверенно, сдержанно, без лишних слов. Не девочка из офиса.

Внезапно она заметила царапину на тыльной стороне его руки.

«У вас рука, – тихо сказала она. – Кровоточит»

Он глянул на руку, пожал плечами:

«Пустяки. Просто царапина.»

Она достала из рюкзака пластырь с милым смайликом. «Можете подхватить инфекцию». Остановила его. Наклеила пластырь на рану, аккуратно. Её пальцы были тёплые. Пластырь выглядел нелепо – и трогательно. Впервые за долгое время о Гермесе кто-то заботился. Он даже не знал, что делать в такой ситуации.

Он усмехнулся, впервые по-настоящему:

«Серьёзно? Это ваш боевой арсенал? – он вдруг стал серьёзен. – Спасибо»

Она улыбнулась уголком губ. Он ей нравился. Но не настолько, чтобы это мешало делу.

Впереди Йен склонился над кустами:

«Здесь сломанные ветки. И кровь. Она шла здесь.»

Гвендолин хотела сказать что-то – как вдруг Жак резко схватил её за руку. Она вздрогнула от неожиданности и хотела уже вырваться, но заметила, что и Жак, и Йен смотрят вниз, затаив дыхание.

Гвендолин медленно перевела взгляд.

На грязной земле, среди мокрых листьев, лежала собака. Тело было искалечено, лапы раскинуты в стороны.

Она непроизвольно ахнула.

«Кажется, мы нашли того, кто оставил следы зубов на её руке», – хрипло сказал Бенколин, глядя на труп животного.

Гвендолин тут почувствовала, что он всё ещё держит её за руку – его пальцы были холодными и крепкими. В ту же секунду они встретились глазами. Жак отпустил её руку, словно спохватившись, и резко отвернулся. Он хмыкнул, чтобы скрыть неловкость, и наклонился к мёртвой собаке. Гермес тоже подошел и внимательно взглянул на труп собаки.

Из глубины леса медленно поднимался дым – густой, сизый, с горьким привкусом горящих брёвен.

Йен прищурился, вглядываясь в даль.

«Жак... это то, о чём я думаю?» – спросил он хриплым голосом.

Бенколин встал скривив губы, пнул валявшийся рядом камень и резко выдохнул, будто пытаясь подавить надвигающуюся панику.

Рация на его поясе ожила резким треском.

Глухой голос полицейского, кашляющего от дыма, донёсся сквозь шипение:

«Начальник... Мы у охотничьей хижины... Она горит... Вся хижина в огне!»

Именно этого и боялся Бенколин, и он сердито выдохнул сквозь стиснутые зубы, пытаясь подавить поднимающийся внутри него вихрь паники.

Глава 2. Отчет о вскрытии

Комната для вскрытия, как всегда, пропахла формалином и чем-то ещё – сладковато-гнилым, вьёвшимся в стены и кафель. Холодный свет медицинских ламп свисал с потолка на длинных шнурах, разливая на полу бледные пятна света.

Доктор Норма Андерсон, высокая, крепкая женщина лет сорока пяти, с рыжими волосами, собранными под прозрачную одноразовую шапочку, стояла у металлической раковины. Она бесстрастно откинула пустую упаковку антисептика в мусорное ведро у стены.

Жак Бенколин стоял напротив стола для вскрытий, чуть сторбившись, в тусклом свете казавшийся старше своих лет. Его пальцы лениво листали страницы отчёта, но глаза оставались внимательными, цепкими, не пропускающими ни одной строчки.

«Жак, – заговорила Норма, не оборачиваясь, – то, что меня беспокоит, – это вещество в её крови. Не кокаин. Не героин. Что-то новое. Что-то... странное».

Она вытерла руки бумажным полотенцем, скомкала его в ладони и швырнула в мусорное ведро. Затем привычно втерла в ладони дезинфицирующее средство.

«Я уже сталкивалась с ним раньше, – продолжила она, и её голос дрогнул. – Управление по борьбе с наркотиками сообщило, что на рынке появился новый наркотик».

Жак перевернул страницу, лицо его потемнело.

«Надо будет поискать. Возможно, если я выясню, где он брал наркотики, это приведет нас к Палачу».

Он поднял брови, прочёл дальше и медленно выдохнул.

«Здесь сказано, что девушка подверглась сексуальному насилию. – Он посмотрел на Норму, в глазах его читался гнев. – А ты не нашла образец спермы?»

Доктор тяжело оперлась на край стола, её круглое лицо побледнело.

«К сожалению, нет Жак. Убийца, использовал презерватив. Ни одной клетки. Ни под ногтями, ни на коже. Ни следов побоев. Он... – она сглотнула. – Он связал ей руки и ноги. Всё спланировал. Всё предусмотрел».

«Как, чёрт возьми, можно иметь труп – и не иметь ни капли зацепки?!» – взорвался Бенколин, и его голос эхом прокатился по пустому помещению.

Норма печально покачала головой, взглянула на тело на металлическом столе – юная девушка, бледная, как фарфор, с рассечённой губой и пустыми глазами.

«Я больше не отпускаю своих девочек гулять одних. Они злятся, но... – она сжала губы. – Я не могу рисковать. Эта бедная девочка... Ей было всего восемнадцать. И она не заслужила этого. Ни одна из них не заслуживала».

Жак облокотился на подоконник, вглядываясь в дождь за стеклом. Его лицо было каменным, но в уголках глаз блестело что-то неумолимо человеческое.

«Я сообщил её родителям, – наконец сказал он. – Мать поблагодарила. Представляешь? Поблагодарила за то, что теперь сможет похоронить её тело целиком. До этого... они жили в страхе. Ждали, какую часть тела этот ублюдок пришлёт по почте. Он три года отправлял родным части тел. Девяносто четыре семей. Девяносто четыре кошмара. И у нас до сих пор – ничего».

Норма, не говоря ни слова, подошла и положила руку ему на плечо. Тепло, по-дружески. Он не ответил, только глубже втянул воздух сквозь нос.

Серый, стерильный коридор больницы поглощал шаги. Гвендолин остановилась у служебной двери. Женщина в белом халате мелькнула в тени. Их взгляды не встретились. Гвендолин молча протянула конверт. Бумага хрустнула в её пальцах – он был набит деньгами. Медсестра быстро сунула карту доступа в её пальто, словно передавала яд, и скрылась, не произнеся ни слова. Всё было оговорено заранее.

Гвендолин глубоко вдохнула и шагнула внутрь морга. Холод ударил в лицо, как пощёчина. Металлический запах смерти повис в воздухе.

Дверь захлопнулась за её спиной. Она подошла к нужному шкафу, открыла. Гвендолин достала чёрный мешок для мусора из сумки. Зашуршал полиэтилен. Ей пришлось наклониться, кряхтя от усилия, приподнять собачий труп, словно он весил не пятнадцать кило, а все сорок. Упрямо всунула его в мешок, затащила горловину, задыхаясь от вони и паники. Движения были резкие, неуклюжие.

Она выпрямилась и закрыла шкаф. Прислушалась – тишина. Только сердце стучало в ушах. Сжав мешок, она двинулась назад – коротким путём, к задней двери.

Снаружи, в узкой подворотне между бетонной стеной и мусорным баком, Жак Бенколин зажигал сигарету. Огонёк дрожал на ветру. Он сделал затяжку, выпуская дым в сторону. Когда задняя дверь больницы открылась, он затаился. В свете показалась Гвендолин Майерс которая казалась растерянной и напряженной, нервно оглядываясь по сторонам. Бенколин быстро выбросил сигарету на землю и раздавил её, затаив дыхание, прячась за мусорными баками, чтобы не попасть в её поле зрения.

Гвендолин, заметив, что всё спокойно, поспешно направилась к своей машине. Чёрный пакет для мусора в её руках был таким тяжёлым, как будто он скрывал нечто гораздо более важное. Интерес Бенколина разгорался. Он последовал за ней, не спеша, чтобы не привлекать внимания.

Когда она припарковала машину возле паба под названием «Океания», его подозрения усилились.

Она вышла из машины, взяла с заднего сиденья чёрный мешок для мусора и вошла в паб. Бенколину было очень любопытно, что находится в мешке и почему она пришла в этот паб среди бела дня. Поэтому он тихо прошёл следом.

В пабе её встретил парень, вялый и с усталым взглядом, вытирающий пол. Она не улыбнулась, а просто кивнула. «Все на месте, Натан?»

«Да, они ждут тебя, – ответил очень дружелюбный и веселый молодой человек, глядя на мешок с мусором в руках Гвендолин, – Тебе помочь?»

Гвендолин покачала головой. «Справлюсь сама. Ты лучше оставайся здесь»

Через кухню она прошла к скрытой двери, ведущей в подвал. Там располагалась современная лаборатория с экранами, машинами и резервуарами.

Глава 3. Погружение

На стенах старого подвала вибрировал свет неоновых ламп. Пахло металлом, изоляцией и чем-то сладковатым – как в операционной.

Это было большое помещение, заполненное различным лабораторным оборудованием, компьютерами и машинами. Множество экранов, зондов и фиброволоконных проводов. Над одной из капсул мерцал трёхмерный силуэт собаки – полупрозрачный, как призрак.

Внутри находилось несколько человек: профессор Дэниел Льюис – белокожий мужчина в белом халате, с тёмно-синими глазами и чёрными волосами, его помощники – Логан, крепкий электрик с военной выправкой и сосредоточенным взглядом; Рут, молодая программистка с яркими голубыми глазами за толстыми очками и быстрыми пальцами; и Мэтью, нейрохирург средних лет с рыжими вьющимися волосами и усталым, внимательным лицом и две женщины в гидрокостюмах – Ирен и Николь.

Обеим было около тридцати, но их образы были совершенно разными. Одна из них – темнокожая красавица, с атлетичным телосложением, стройная, черные дреды, собранные в хвост. Другая – латиноамериканка, с мягкими чертами лица. У неё были светло-каштановые волосы, падающие лёгкими волнами на плечи, ореховые глаза, крючковатый нос и полные губы, придающие её облику привлекательную округлость.

Они готовились к погружению в капсулу с жидкостью.

Дэниел обернулся к Ирен, и, спросил:

«И долго ты собираешься дуться на меня?»

Та взглянула на него с явным недовольством на лице.

«Мы просто собирались посидеть с моими друзьями, выпить пива и повеселиться»

«Не я начал ссору, – сказал Дэниел очень спокойным тоном, – и мне очень жаль, но твои друзья очень невежественны. Они не могут поддержать дискуссию о книгах, политике или даже о простых текущих событиях. Я до сих пор не понимаю, почему ты с ними дружишь. Они только понижают уровень твоего достоинства».

Николь слегка фыркнула. Ирен восприняла это как насмешку и бросила быстрый пронзительный взгляд на нее. Та притворилась, будто рассматривает какое-то несуществующее пятно на своих ногтях. Эти двое никогда не нравились друг другу. Им просто нужно было работать вместе, вот и все.

«Разве нельзя принимать людей такими, какие они есть?» – спросила она тихо, почти шёпотом, и сразу пожалела. Ответ ей был известен.

Дэниел был ее первой любовью, и они были вместе уже долгое время. Он был старше на пять лет, умнее, образованнее. Он был как путеводная звезда, когда они только начали встречаться. Он подсовывал ей книги, обсуждал статьи, вместе они разгадывали кроссворды – почти как интеллектуальная игра в сближение.

Она любила это. Любила *его*. Его уверенность, вкус, логичность. Она принимала его решения и с радостью следовала за ним – поначалу.

Но в какой-то момент внимание стало чувствоваться как давление. Он комментировал, что она ест. Советовал, что надеть. Критику стал называть заботой. Слово «любовь» постепенно стало звучать как «улучшайся».

Он никогда не принимал людей такими, какие они есть. Даже её он пытался перековать. Сделать *лучше*. Сделать *удобнее*.

«Давай не будем ссориться из-за других людей – сказал он, поглаживая Ирен по щеке». Это прозвучало как требование, а не как просьба.

К ним подошел доктор Мэтью. Очки с прозрачными стеклянными линзами сидели на его носу. Он аккуратно начал надевать на головы девушек устройство, напоминающее шлем с мно-

жеством мигающих лампочек. Ирен не ответила на вопрос Дэниела, лишь мельком улыбнувшись уголками губ. Она и сама, не была настроена на дальнейшие споры.

Логан подошёл к аппарату, ворча что-то себе под нос. Его длинный нос и резкие черты лица говорили о человеке, привыкшем к точности и порядку. Он пытался соединить кабели от шлема с гигантским аппаратом, стоящим рядом с аквариумом, размером с фортепьяно. Мужчина снял с запястья зажим, аккуратно собрал свои волосы длиной до плеч в пучок и достал из кармана чёрных брюк с множеством карманов набор инструментов.

Ирен первой заметила, что Гвендолин пришла.

Та, немного устала, но с улыбкой приветствовала всех.

Она слегка приподняла мешок и, поглядывая на всех присутствующих, сказала:

«Мне потребовалось время, чтобы достать его. Прошу прощения за задержку»

Гвендолин преподавала в том же университете, где и Дэниел. Они были хорошими друзьями, хотя познакомились четыре года назад, когда она была назначена сюда.

доктор Мэтью подошел к ней, забрал из рук мешок: «Ты как раз вовремя. Я подготовлю собаку к погружению, будем готовы через пять минут».

Он открыл мешок и, будто с лёгкостью, вытащил безжизненное тело собаки, аккуратно положив его во вторую стеклянную ванну рядом с девушками. Тот же процесс, что был применён к ним, теперь был повторён и для животного. Все стояли в ожидании, пока всё не будет готово. Дэниел аккуратно нажал несколько кнопок на панели управления.

Неожиданно, обратив внимание на своего друга, он спросил с лёгким укором:

«Логан, а ты почему все еще дуешься?»

Тот, стоявший в другом конце машины и проверявший соединения, лишь коротко взглянул на него, не переставая своей работы.

«Я с самого начала был против этого. Нельзя помещать их в мертвый мозг, мистер Франкенштейн».

«Клетки мозга собаки еще не совсем мертвы, так что риск минимален».

Гвендолин, подслушав их разговор, подошла, положила руку на плечо Дэниела: «Эй, Дэниел! Я знаю, что твое изобретение еще не испытывалось на людях, но я подумала, что мы могли бы попробовать хотя бы таким образом».

Дэниел уже собирался открыть рот, чтобы возразить, как вдруг сзади раздался глухой удар и щелчок – будто кто-то с силой закрыл массивную дверь. Все вздрогнули и синхронно обернулись.

В проёме стоял Детектив-Лейтенант Бенколин. Слегка нахмуренный, он держал пистолет, опущенный к бедру, но палец на спусковом крючке. Рядом парень вытиравший пол у входа.

«Простите, ребята... – пробормотал тот, избегая взгляда Дэниела. – Он наставил пистолет и показал значок. Я... не знал, что делать».

Гвендолин взвизгнула:

«Начальник?! Вы следили за мной?!»

Щёки залила краска, в глазах – гнев и удивление.

Бенколин шагнул вперёд, внимательно осматривая помещение.

«Что здесь происходит? – голос его был глухим, но цепким. – Что вы имели в виду, когда говорили о «проникновении в подсознание собаки?»

Смущённая, Гвендолин покосилась на Дэниела.

«Прости, Дэн... Я не знала, что он следит за мной...»

«Всё в порядке», – ответил тот удивительно спокойно. Он вышел вперёд, приглушённым, но уверенным голосом сказал:

«Раз уж вы здесь, думаю, будет лучше объяснить всё как есть».

Он протянул руку.

«Профессор Дэниел Льюис. Это моя лаборатория».

Бенколин пожал ему руку с некоторой неохотой, оценивая взглядом с головы до ног. Его глаза задержались на каждом человеке в комнате.

«Все, кто здесь, – лучшие в своих областях», – сказал Дэниел, и представил ему свою команду. Бенколин перевёл взгляд.

Рут поправила очки, сползшие на нос, ярко голубые глаза, сильно увеличенные из-за корректирующих линз, моргнули.

Наконец Дэниел шагнул к двум девушкам за прозрачной перегородкой:

«Николь Эванс и Ирен Кальдерон. Обе – носители редкого нейрогенетического паттерна. Их мозг активнее, чем у большинства. Это делает их идеальными проводниками для моего изобретения».

Бенколин хмыкнул:

«Обычно я не придаю значения сверхъестественным вещам. Не моя компетенция. Но, – он прищурился, – вы правда собираетесь... войти в подсознание собаки?»

Дэниел объяснил, что они собираются подключиться к умирающему мозгу собаки, чтобы через него увидеть воспоминания – возможно, лицо убийцы. Аппарат позволяет соединить два сознания: животного и человека. Ирен и Николь – проводники. Через нейроинтерфейс они видят мир глазами животного.

Бенколин внимательно изучал его лицо.

«И вы утверждаете, что это работает?»

«Да. Наш первый эксперимент был проведен с обезьяной по имени Рори», – с гордостью объяснил Дэниел.

Гвендолин вмешалась:

«Привести сюда Кэндис не представляется возможным, поэтому мне пришлось взять с собой собаку. По крайней мере, с ее помощью мы можем увидеть убийцу и составить его портрет или хотя бы получить о нем какую-то информацию».

Дэниел резко повернулся к аквариуму.

«Нам нужно погрузиться в подсознание, потому что с каждой секундой клетки мозга собаки полностью разрушаются. Это означает, что воспоминания, к которым мы можем получить доступ, будут необратимо уничтожены».

Он обернулся к Бенколину:

«Раз уж вы здесь, – его голос звучал уверенно, – можете наблюдать мистер Бенколин».

«Хорошо, – пробормотал он. – Покажите, на что вы способны».

Они заняли места у пульта и стали внимательно наблюдать. Комната наполнилась низким гулом приборов, запахом раскалённой электроники и озона. Всё вокруг вибрировало ожиданием.

Дэниел обернулся к команде, резко хлопнул в ладони – звук отразился от голых стен:

«Вперёд, друзья, мы должны поторопиться».

«Образцы ДНК готовы», – отозвался доктор Мэтью Рэмсей, не поднимая глаз от прибора.

«Машина готова к работе», – сказал Дэниел из-за главного экрана.

«Трёхмерное изображение готово», – сказала Рут, высунув голову из-за компьютера и показав большой палец вверх.

«Все эти устройства стоят кучу денег. – произнес Жак негромко, чтобы слышала только Гвендолин. – Мистер Льюис из богатой семьи?»

Гвендолин слегка улыбнулась, но в её глазах скользнула тень грусти. Она покачала головой:

«Нет. – Её голос дрогнул. – Отец ушёл ещё до его рождения и исчез без следа. А мать погибла, когда он был совсем младенцем. Его усыновила няня-арабка, воспитала вместе со своим мужем... Но когда Дэниелу исполнилось шесть, она умерла от болезни».

Она замолчала на секунду, опустив глаза. В помещении послышался тонкий, еле уловимый скрип.

«С тех пор он живёт только наукой, – продолжила Гвендолин. – Всё, что он делает – попытка найти лекарства. Спасти других... когда уже не смог спасти своих».

Бенколин сжал губы. Что-то болезненное и личное отразилось на его лице.

«А как же эта лаборатория?» – спросил он, в голосе звучало явное удивление.

Гвендолин выпрямилась, будто собираясь с силами:

«Его поддерживает „Фонд молодых умов“. Благотворительная инициатива Леофрика Паскаля. – Она тяжело вздохнула. – Четыре года назад Дэниел провёл презентацию своих исследований. Паскаль увидел её, впечатлился... и начал вливать деньги».

«Электрический поток стабилен, – мрачно отозвался Логан Скотт, выглядывая из-за панели. – Амперметр на минимуме».

«Мозговая активность в пределах нормы, – не отрываясь от экрана электроэнцефалографа, проговорил профессор Рэмсей. – У всех троих. Но неокортекс у собаки – почти разрушен. Некоторые воспоминания потеряны. Навсегда. Нам нужно торопиться».

«Тогда я запускаю Сабрину», – сказал профессор Льюис и потянул рычаг. Машина загудела, загорелись зелёные лампочки. Раздался голос – женский, механический, безэмоциональный:

«Сабрина приветствует вас. Отсчёт времени погружения начинается с десяти...»

Аквариум наполнился пузырьками газа. Ирен и Николь глубоко вдохнули, закрыли глаза и медленно погрузились под воду. Когда голос досчитал до нуля, внутри машины грохнуло – будто грянул гром.

«Сабрина – имя матери Дэниела, – прошептала Гвендолин. – она погибла в результате несчастного случая на работе. Она была блестящим физиком».

«Очевидно, у Дэниела генетический интеллект, – отметил Бенколин. Он был встревожен. Все это напоминало ему научно-фантастический фильм.

«Логан, прибавь до 5 ампер», – сказал Дэниел.

Логан высунул голову и, посмотрев на друга с озадаченным выражением лица:

«5 ампер? Что, ты хочешь, чтобы я зажарил им мозги?!» – огрызнулся Логан Скотт.

«Делай, как я сказал, пожалуйста. Собака мертва, и ее мозговые клетки умирают».

«Но девушки живы. Мы потерпели неудачу. Вот и все. Иногда мы должны признать поражение»

Бенколин закрыл лицо руками, сжал виски – его терпение трещало по швам.

«Дэниел, – вмешалась Гвендолин мягко. – я думаю, нам стоит остановиться. Собака мертва уже слишком долго».

«Машине не хватает тока, чтобы объединить три мозга, – не сдавался Дэниел. – Пять ампер – это всего 30 ватт, это не критично».

«Всё! – буркнул Бенколин. – Я ухожу. Хватит этого цирка».

Он уже шёл к двери, когда Дэниел резко дернул рычаг. Машина загудела. Все вскрикнули. Бенколин застыл на месте.

«Ты что наделал?!» – Логан уставился на него с округлёнными глазами.

Свет замигал, погас, включился резервный генератор. Напряжённая тишина. Затем – визг машины. Линии на мониторе ожили.

«Сработало!» – воскликнула Рут.

Бенколин вернулся к дисплею. Он не понимал, как именно, но чувствовал: они пробили стену.

Логан смотрел на Дэниела, будто впервые его увидел. Потом – на главный монитор.

Тем временем, где-то *там*, во внутреннем мире...

Ирен и Николь стояли в темноте, держась за руки.

«Кажется, они справились, – прошептала Николь, указывая на тусклый свет вдали. – Что бы ни случилось, не отпускай мою руку. Если потеряешься... я не найду тебя».

Ирен кивнула, сжимая пальцы подруги. Пепельно-русые волосы прилипли к щекам от влажного ветра.

Вдруг – вспышка.

Они оказались среди деревьев. Они видели мир... глазами собаки. Рыбьим, искривлённым взглядом.

«Мы в лесу. Судя по листьям... почти настоящее время», – сказала Николь.

Речь, которую они хотели передать людям в лаборатории, появилась на экране компьютера в виде текста. Они использовали свой мозг, чтобы решить, что передавать, а что нет. Рут зачитывала вслух.

«Вы двое целы? Все в порядке?» – с беспокойством спросил Логан.

«Мы в порядке», – ответили они оба.

«Мы в лесу, у охотничьего домика, – добавила Ирен. – Холодно. Собака голодна, но привычна к этому. Хозяин не заботится о ней»

«Попробуйте найти хозяина», – неожиданно предложил Бенколин. Атмосфера затягивала и была настолько реалистичной и напряженной, что он увлекся.

«Всё размыта», – сказала Николь.

«Нормально. Нейроны почти мертвы, – объяснил доктор Рэмсей. – У вас три минуты, потом я вытаскиваю вас».

К собаке подошли ноги.

«На нем военное пончо и черные охотничьи ботинки, – сказала Николь и добавила: Он дал собаке еду. Он носит балаклаву. Цвет глаз не ясен, потому что собаки не могут различать цвета. Но это скорее светлый оттенок».

«Осталось две минуты», – напомнил Логан.

Ирен и Николь вдруг оказались в другом воспоминании. Собака была в доме и искала еду.

«На столе лежат бумаги, Ирен, ты можешь их прочитать?» – спросила Николь.

«Они размыты, но я увидела только имя Саманты Мёрфи», – ответила Ирен.

«Кто это? Это одна из его жертв?» – спросила Рут.

«Нет, – ответил Бенколин, – я знаю их всех наизусть. Жертв с таким именем пока нет».

«Осталась одна минута и восемь секунд», – напомнил Логан.

Ирен собрала все свои силы и внимательно посмотрела на бумаги, лежащие на столе. Она увидела фотографию девушки.

«Я вижу фотографию девушки, могу сказать, что она красивая и стройная, – описала ее Ирен. – У нее волнистые волосы, спадающие до плеч, могу сказать только, что они имеют темный цвет».

«Эта девушка может стать следующей жертвой», – взволнованно сказал Бенколин.

«Последние 20 секунд! Готовим извлечение!» – крикнул доктор Рэмсей

«Подождите! Еще немного!» – сказала Ирен.

Вдруг обе женщины побежали через лес. Аппарат запищал. Сердцебиение участилось.

«Что происходит?! – закричал Бенколин».

«Они там слишком долго! Рут, вытаскивай их!» – потребовал Натан.

Ирен и Николь начали биться в воде, будто в припадке.

«Давай!» – крикнул Дэниел.

«Проклятье! Соединение разорвано!» – Рут яростно стучала по клавиатуре.

Сигнал тревоги. Паника. Дэниел и Натан бросились к резервуару, вытащили дрожащие тела.

«О, Боже... – Гвендолин схватилась за рот. – Делай что-нибудь!»

В сознании собаки Ирен и Николь наблюдали, как она вцепляется в руку девушки. В руке Кэндис – нож.

«Это тот момент... – прошептала Николь. – Когда она убила собаку. Почему нас не вытаскивают?!»

«Мы потеряли с ними связь...»

Нож вспорол воздух. Они закричали.

«Осталось три секунды!» – крикнул доктор Рэмсей.

Логан резко потянул рычаг. Машина заглохла. Голос объявил: «Перезагрузка. Подождите 30 секунд».

Все затаили дыхание.

«Это сработает?» – спросил Бенколин.

«Надеюсь. Иначе – повреждение мозга. Вегетативное состояние», – ответила Рут.

Тридцать секунд. Свет мигнул – и стал нормальным. Девушки перестали дрожать.

«Ирен!» – вскрикнул Дэниел.

«Николь!» – позвал Натан.

Обе одновременно вздохнули и открыли глаза. Дэниел обнял Ирен.

«О Боже, как же я испугался!» – сказал Дэниел, крепко обнимая Ирен.

Натан погладил Николь по голове: «У меня чуть не случился сердечный приступ, ты должна мне ужин», – и рассмеялся.

Все вздохнули с облегчением. Лишь Николь не улыбалась. То, как Дэниел прижимал к себе Ирен, как срывался голосом, волнуясь за неё, вызывало в Николь мучительную зависть.

Она влюблена в него – давно и безнадежно.

Иногда ей казалось, что он всё понимает... но тут же отворачивался, как будто боялся этого чувства.

Четыре года с Ирен. Четыре года, несмотря на то, что её дед, по слухам, убил мать Дэниела.

«Однажды он поймёт, – думала Николь, стискивая зубы. – Однажды он поймёт, кого любит по-настоящему».

«Молодцы, приятели. Мы сделали это!» – сказал Дэниел, и в тот же миг его вывел из равновесия внезапный удар в челюсть, и он чуть не упал бы, если бы Натан не подхватил его.

«Что это было, черт возьми?» – спросил он, схватившись за подбородок и подняв на Логана сердитые и растерянные глаза.

«Ты возомнил себя богом?! – прошипел он. – Девушки могли погибнуть. Всё из-за твоей алчности! Ты ослеп – ты больше не тот человек, которого я знал!»

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что дрогнули стены.

Наступила тяжелая тишина, и только кашель Бенколина нарушил её.

«Саманта Мерфи», – наконец сказал он. Все головы повернулись к нему.

«Я должен найти её, – добавил он и поднял телефон. – Я пробью её по базе данных».

Но прежде чем он успел что-то нажать, его остановила Рут Моррис с прищуром охотницы: «Я могу»

Бенколин уставился на неё, подозрительно прищурив глаза:

«Как?»

«Мистер Бенколин, – усмехнулась она щелкая по клавишам ноутбука, – не хочу показаться самонадеянной, но нет такой информации, которую я не могу найти. Дайте мне минуту».

На экране начали мелькать фотографии. Пальцы Рут танцевали по клавиатуре. Она нахмурилась, заметив одну общую деталь.

«Все жертвы похожи между собой. Итак... Мы ищем Саманту Мерфи. Восемнадцать лет, длинные волнистые каштановые волосы, зелёные глаза. Живёт в Сан-Вриго, верно?»

Бенколин кивнул, подошел ближе, навис над монитором.

«Ага. Убийца всегда похищает девушек в день их восемнадцатилетия».

Рут продолжила, быстро сужая круг поиска. На экране замелькали восемнадцать лиц.

Ирен и Николь, подсушивая волосы полотенцами, тоже подошли поближе.

Когда Рут открыла фотографию седьмой девушки, оба одновременно выдохнули:

«Эта девушка!»

«У неё день рождения 25 сентября 2000 года», – уточнила Рут.

Бенколин хлопнул ладонью по столу.

«Вот оно! – сказал он с неожиданной радостью. – На этот раз я опередил его. Я поймаю его с поличным, когда он попытается похитить Саманту!»

Гвендолин, стоявшая в стороне, слегка кашлянула, привлекая внимание. Бенколин обернулся.

«Мистер Бенколин, хотите что-нибудь сказать?» – спросила она, вглядываясь в него с лёгким ожиданием.

Бенколин ощутил её молчаливую просьбу, но только сухо сказал:

«Да. Я хотел бы поблагодарить профессора Льюиса за помощь».

На лице Гвендолин промелькнула тень разочарования.

Дэниел Льюис вежливо улыбнулся:

«Нет необходимости. Я просто исполнил свой гражданский долг. Я изобрёл „Сабрину“, чтобы спасти людей. Рад, что пригодился».

«Мне пора, – сказала Гвендолин, глядя на часы, – у меня пара через 20 минут. Студенты не будут ждать. Удачи».

Она попрощалась и удалилась со скоростью света.

«Меня насторожила одна деталь, – сказала Николь, задумчиво выжимая дреды полотенцем. – Ни в одном из воспоминаний собаки мы не увидели лица убийцы. Разве это не странно?»

Бенколин погладил свою бороду, погружаясь в размышления.

«Получается, убийца скрывал свое лицо даже от собаки? Какой в этом смысл? Она ведь может узнать человека по запаху»

Николь, чуть наклонив голову, покачала ею.

«От мужчины странно пахло... – она нахмурилась, вспоминая. – Ну... как зелёный чай или какой-то травяной отвар. Приторный запах, как из аптекарского шкафа».

В это время Ирен, обернутая в полотенце, шагнула ближе.

«Позвольте спросить, мистер Бенколин, вы нашли нож, которым была убита собака?»

«Нет. Но после такой грязи и ливня вряд ли там остались отпечатки», – устало ответил он. Ирен нахмурилась.

«Я мельком видела нож. Он казался покрытым золотом. На нём был узор... похожий на дракона. И какие-то буквы. Одна большая – возможно, „Б“ или „Р“.»

Она сжала плечи, будто извиняясь за неполные воспоминания.

Это ценная деталь, – задумчиво сказал Бенколин. – Спасибо. Мы прочесали лес с собаками, но ничего не нашли. Возможно, Кэндис уронила нож, а убийца подобрал его, когда погнался за ней... не знаю. Пока всё это – догадки.

В этот момент в его кармане завибрировал телефон. Он вытащил его, глянул на экран.

«Простите, мне нужно ответить», – пробормотал он.

Ирен кивнула и бесшумно ушла, оставив его с Рут.

«Алло... через час? Чёрт... Ладно, Йен, я сейчас приеду. Буду через час», – сказал Бенколин и сбросил вызов.

Он повернулся к Рут.

«Мне нужно идти. Не могли бы вы прислать мне адрес Саманты?»

Телефон пискнул. Он взглянул на экран – новое сообщение. Лицо его слегка вытянулось.

«Как... как вы узнали мой номер?» – спросил он.

Рут ухмыльнулась и подмигнула.

«Мистер Бенколин, привыкайте. Я же говорила – не существует информации, до которой я не доберусь».

Он склонился чуть ближе, голос понизился:

«Мисс Моррис. Ещё вопрос. Вы сможете найти IP-адрес, который другой хакер спрятал за шифром?»

Рут сняла очки, слегка постучала ими по губам, задумалась.

«Лейтенант, это сложный вопрос. Потому что у каждого хакера свои методы. Умные защищаются хорошо, это сложновато»

Тот уже потерял надежду, когда она добавила: «Но не невозможно. Потому что нет такого замка, который я не смогла бы открыть»

Жак снова ощутил прилив надежды.

«Мне нужен IP одного наркоторговца. Его зовут доктор Марио. Он управляет операцией через компьютер, отдаёт приказы бандитам по сообщениям».

Рут подняла брови, усмехнулась.

«Доктор Марио?»

«Почему вы удивлены?» – насторожился Бенколин.

«Доктор Марио – это знаменитая аркадная игра девяностых, – пояснила Рут и, заметив интерес на лице Жака, продолжила, – там уничтожают вирусы, расставляя цветные лекарства. Почти как „Тетрис“. Вот почему это остроумное прозвище для наркоторговца».

«Аркадная игра... – протянул он, окинув взглядом комнату, будто обдумывая значение этих слов. – И вы сможете его найти?»

Рут кивнула и снова надела очки.

«Если дадите хотя бы одно его сообщение. Ничего не обещаю, но попробую».

Бенколин тепло улыбнулся, в уголках его глаз собрались морщины.

«Спасибо. И ещё кое-что. Вы можете найти мне семь девушек, которым исполнится восемнадцать в ближайшие семь дней, прибавить к ним Саманту, составить список из восьми и распечатать его?»

Рут щёлкнула пальцами:

«Считайте, что уже готово», – и её руки вновь заиграли на клавиатуре.

Глава 4. Гаспар Ривера

На последнем этаже «Вавилона» – стеклянной башни, возвышающейся над городом, словно небесный трон – царила тишина. В огромной, пропитанной ароматом дорогого дерева и кофе гостиной, Гаспар Ривера сидел в кожаном кресле, откинувшись на спинку. Его длинные ноги были вытянуты на лакированный журнальный столик, отражающий огонь из камина, как зеркало. На пальцах вертелся хромированный спиннер – движение медленное, почти ленивое, гипнотизирующее. Из-за правой руки тянулась прозрачная трубка капельницы.

Квартира, превращённая в домашний офис, пахла успехом и деньгами. Стереосистема играла *Lacrimosa*. Моцарт словно сопровождал конец чего-то важного. В камине потрескивали дрова, огонь бросал пляшущие тени на стены. Рядом, на пушистом ковре, лежала его верная спутница – пятилетняя ротвейлерша. Она зевнула, положив морду на лапы, будто всё это было ей скучно и давно привычно.

«Вавилон» был не просто зданием – это был город в городе: элитные и стандартные квартиры, гостиничные люксы, торговые галереи, офисы с пуленепробиваемыми окнами. Всё это принадлежало ему – Гаспару Ривере. Президент *Rivera Holding*, второй по влиятельности бизнесмен в стране после Леофрика Паскаля.

Гаспару было тридцать один. Красив, харизматичен, сдержан. Всё в нём было уверенным, но не показным. Он знал себе цену. И знал, чего хочет.

Верности.

Контроля.

Тишины, в которой можно слышать собственные мысли.

Женщины обожали его. Но Гаспар никогда не позволял себе даже флирта, если был в отношениях. Верность была для него не моралью, а инстинктом. Он был слишком занят, чтобы тратить время на драмы и сцены. И именно поэтому Барбара Паскаль была идеальной.

Она не липла к нему, не требовала звонков каждую минуту, не устраивала истерик, когда он уходил на совещания. Она была самостоятельной, умной, целеустремлённой. Молодая, красивая, но без капли глупости.

Барбара была не просто дочерью Леофрика Паскаля. Она была человеком, которого он уважал.

Пять спокойных, зрелых, честных лет. И всё потому, что она знала, когда говорить, а когда молчать. Когда остаться, а когда уйти. А ещё – она не боялась тишины.

Гаспар Ривера был молод, но он уже стоял на вершине мира – богатый, влиятельный, неприкасаемый. В бизнес-кругах о нём говорили с уважением и страхом: холодный ум, железная хватка, интуиция убийцы. Его имя было знаком власти.

Но никто, даже самые приближённые, не знали, что внутри него пряталась бомба замедленного действия. Генетическое заболевание. Наследие, которое тихо, методично разрушало его изнутри. Раз в месяц он впускал в своё тело прозрачную сыворотку с лёгким синим оттенком – холодную, как лёд в венах. Сыворотка держала болезнь в узде. Временно.

Он не жаловался. Никогда. Не позволял себе слабости – ни телом, ни духом. Потому что был не просто бизнесменом. Он был хищником. И лидером *ALYANS* – самой закрытой, самой жестокой мафиозной группировки.

Полиция годами пыталась подкопаться к нему. Вели дела, устраивали прослушки, запускali агентов. Но всё было тщетно. Ривера всегда был на шаг впереди. Он не доверял никому полностью, даже Барбаре.

Он был безжалостен. Но не из злобы. А из принципа. В его мире не выживали добрые.

Гаспар не боялся смерти. Но он боялся слабости. Она могла разрушить всё – бизнес, контроль, ALYANS. Его лицо всегда оставалось каменным. Его улыбка – редкой. Его серые глаза – непроницаемыми.

Капли падали с монотонной точностью, словно отмеряли не только лекарство, но и само время. И именно в этот момент, когда ничто, казалось бы, не могло нарушить утреннюю тишину, в комнату вошла Роуз Ривера.

Высокая, стройная, с ровной осанкой, в элегантном брючном костюме. Черные волосы собраны в аккуратный пучок. Дорогие часы на запястье, лёгкий запах духов и взгляд – такой, что мог бы остановить переговоры на бирже. Председатель совета директоров. Мать.

Она замерла у двери, сжав губы.

«Не мог бы ты убрать ноги с журнального столика? Если тебе неудобно, пусть принесут тебе пуф или стул», – сказала она с укоризной, вытирая ладонью невидимую пылинку с лацкана.

Гаспар не оторвал взгляда от спиннера.

«Мне так удобнее, мама. Не надо указывать мне, как мне сидеть».

Голос был ровный, почти бесстрастный. Но в нём звучала сталь.

Роуз подошла ближе. На мгновение её лицо смягчилось – в глазах вспыхнула тревога. Она увидела тонкие, почти лиловые вены на руке сына, где крепилась капельница.

«Как ты себя чувствуешь?» – спросила тихо, почти шёпотом.

Он чуть склонил голову.

«Устал. Симптомы становятся хуже. Всё, как говорил Линкольн».

Она опустилась на край кресла рядом. Дотронулась до его руки, как будто могла вытянуть из него боль.

«Мы найдём решение, Гаспар. Я не позволю...»

Он отдернул руку.

«Не надо!» – в голосе прозвучал резкий укол. Серые глаза впились в лицо матери. – «Ты уже однажды поступила так же. Именно поэтому я живу вот так».

Огонь в камине вспыхнул, словно откликнувшись на его слова.

Роуз резко выпрямилась, скрестила руки на груди, в глазах – гнев.

«Если бы я тогда не приняла решение, ты бы сейчас не сидел передо мной и не хамил. Ты бы умер, Гаспар. Я спасла тебя».

Он отвёл взгляд. Уставился в дальнюю стену, словно хотел оказаться где-то далеко, вне этого города, вне этой жизни.

«Ты не спросила моего мнения», – прошептал он.

Роуз сжала губы в тонкую линию.

«Я бы сделала это снова. Потому что ты – мой сын».

Помолчала, потом добавила, уже уходя:

«И, кстати, Моцарт звучит, как будто мы на похоронах. Включи что-нибудь... живое»

Она скрылась за дверью. Пахнуло её духами. Осталась тишина. И тень.

Час спуска.

Его дыхание было ровным, почти беззвучным. Снотворное делало своё дело, погружая его в забытье. Его лицо, обычно резкое и сосредоточенное, сейчас казалось спокойным, почти юным. Спящим. Капельница закончила свою работу. Лакримоза стихла.

Тяжёлая дверь открылась почти беззвучно, и в комнату вошёл Тристан Остин – высокий, широкоплечий, с шагами убийцы, знающего, где скрипит пол. Единственный, кому Ривера действительно доверял.

Тристан был мулатом, сыном белого священника из Врига-Вриго и афроамериканки. Он был красив, по-своему груб, с коротко подстриженными кудрявыми волосами, загорелой кожей

и янтарными глазами, полными осторожности. Лицо его было хищным. В нем было что-то дикое, пугающее. Люди отступали, когда он входил в комнату.

Но сейчас – тишина. И грусть в глазах.

Он стоял над Гаспаром, как солдат над раненым командиром.

Он любил этого человека – по-своему. И даже несмотря на это – он всегда знал своё место.

Ривера был тот кто спас его от небытия и превратил в оружие.

Он был киллером. Наёмным убийцей. Но не чудовищем.

И всё же – он знал, что когда настанет момент, Гаспар пошлёт его и на смерть. Без колебаний. Без сожаления. Просто прикажет.

И он пойдёт. Ведь он принял его, когда отвернулась семья. Они выросли вместе. Детство – в одном дворе, в одних драках, в одних кошмарах.

В их мире нельзя было быть слабым. Тристан выучил это на улице. Его научили бить первым. Его научили, что за его цвет, за его взгляды, за его ориентацию – мир будет ломать ему кости, если он даст слабину. Он не давал. Он не раскрывался никому, кроме одного человека. Ривера был единственным, кому Тристан когда-либо позволил подойти ближе. Он был его крестом. И его богом.

Он шагнул ближе к креслу и наклонился. Пальцы его, обычно сжимающие спусковой крючок, теперь мягко приподняли тонкое шерстяное одеяло и укрыли спящего. Он присел на корточки рядом, на уровне лица Риверы. Несколько светло-каштановых прядей упали тому на лоб. Тристан медленно, с почти религиозной осторожностью, убрал их в сторону. Он задержал взгляд – позволил себе это – пока мог.

Ему разрешено было смотреть только, когда тот спал. В другое время – взгляд Риверы прожигал насквозь, вызывал страх, парализовал.

Он хотел остаться так ещё хоть минуту – рядом, в этой тишине, где никто не требовал от него быть жестоким.

Но дыхание Риверы изменилось. Он пошевелился, чуть нахмурился, и открыл глаза.

Он фокусировал взгляд, и, увидев перед собой Тристана, прохрипел:

«Моя мама ушла?»

«Да, сэр, я послал людей проводить её до машины, – ответил Тристан, не поднимая взгляда. Его голос был ровным, почти отрешённым.

«Хорошо, – Ривера чуть кивнул и прищурился. – Ты хотел что-то сказать?»

Тристан сжал губы. Серые глаза Риверы были холодны. Он чувствовал их взгляд, как будто тому было всё видно – даже то, чего он ещё не произнёс.

«Ну... – начал он, глядя в пол. – Сэр, Палач ошибся...»

«Тристан, – перебил Ривера. Его голос был тихим, но твёрдым. – Перестань мямлить и скажи мне правду».

Тристан прочистил горло, собрался:

«Девушка... которую он держал... она сбежала»

Он сразу добавил, быстро, как будто хотел заглушить собственные слова:

«Он застрелил её в последний момент. Она не сможет говорить. Но... тело... у них».

Пауза. Пламя камина отразилось в глазах Риверы, словно вспышка на линзе снайперской винтовки.

Он резко выпрямился, лицо потемнело.

«Он что, с ума сошёл? – прорывал он, и схватил трубку капельницы. – Как он мог это допустить?! Он подвергает опасности и нас!»

Он выдернул иглу из вены. Кровь хлынула тонкой струйкой.

«Чёрт!» – пробормотал Тристан и метнулся к аптечке. Схватил вату, прижал к ране, зажал руку выше локтя. Его пальцы дрожали. Не от страха – от злости на Палача, на ситуацию, на то, что Ривера снова страдает из-за чьей-то глупости.

«Тристан... – сказал Гаспар, глядя не на него, а куда-то в темноту. – Позаботься об этом. Копы не должны разоблачить Палача».

«Да, сэр, – кивнул Тристан. Он выждал пару секунд. – Детектив... Он сегодня побывал в той лаборатории. Они проникли в подсознание собаки. Но, конечно, ничего особенного не узнали».

Ривера глубоко вздохнул. Покачивая головой, он промолчал глядя в огонь, как будто искал там ответы.

«Кстати... – сказал Тристан. – Что касается... другого вопроса. Вы хотите, чтобы я сделал это сегодня?»

Молчание. Только треск огня. Пахло кровью, спиртом и железом.

Тристан уже открыл рот, чтобы повторить, когда Ривера заговорил:

«Да. Причём как можно скорее».

Что-то в его голосе заставило Тристана напрячься. Он никогда раньше не слышал в нём такой задумчивости. Как будто внутри него что-то ломалось. Или уже сломалось.

Но Тристан был умён. Он знал, когда лучше не задавать лишних вопросов.

Глава 5. Налет в кафе

Липкое утро повис над улицами, будто город затаил дыхание. Где-то вдали басил автомобильный клаксон, а в кафе на углу, в котором пахло старым кофе и надеждой, молодой человек стоял за стойкой, подсчитывая свои долги.

Матео Кальдерон. Тридцать лет, тело – спортивное, лицо – из тех, что женщины помнят, даже если видели один раз. Короткие русые волосы, едва заметные морщинки от вечного напряжения и... глаза, которые всё время искали выход.

Он шевелил губами, глядя в цифры на листе бумаги, будто те могли ответить, как заплатить за электричество до пятницы. Долги множились, как тараканы в темноте.

Матео устало оперся на стойку и посмотрел на фотографию – летний отпуск: его жена, сестра, сын, мама, дед. Все улыбаются. Пять лиц, полных счастья, которое теперь кажется недостижимым, как солнце зимой.

После обеда Матео почти засыпал на ногах от безделья. Когда последний клиент расплачивался по счету, в дверь вошла его сестра Ирен. Она сняла с плеча свою тёмно-зелёную сумку и кинула её на стойку:

«Эй! Здесь опять пусто? Сколько человек сегодня?»

Матео прикрыл счета ладонью – поздно. Она всё увидела. У неё был такой взгляд – мягкий, но беспощадный, как у матери.

«Всего двадцать четыре. Большинство из них берут чашку кофе и сидят по 2 часа, пользуясь бесплатным Интернетом. – Он провёл руками по голове, растрепав волосы. – Забудь обо мне. Как у тебя день?»

Она направилась к задней стене, надела фартук.

«У меня был интереснейший...»

ХЛОП!

Выстрел. Стекло взорвалось, как хрустальная люстра под молотом. Кафе задрожало. Летели чашки, кричала посуда, грохотал мир.

Матео и Ирен рухнули на пол, скользнули под стойку. Пахло пылью и жареным кофе. Мир превратился в бойню.

Ирен подняла полные страха глаза на брата и закричала: «Тео, что происходит? Кто они?» – кричала она.

«Я не знаю», – сдавленно ответил он. Хотя знал. Знал слишком хорошо. Ростовщики.

«Давай позвоним в полицию!» – сказала Ирен.

«Мой телефон остался на стойке».

«Мой в сумке! Черт!»

Выстрелы прекратились. Тишина упала, как бетонная плита. Брат и сестра посмотрели друг на друга. Ни у одного из них не хватало смелости высунуть голову. Кто-то вошёл. Нет, несколько.

«Вылезайте из норы, в которой Вы прячетесь», – приказал глубокий голос.

Матео мельком взглянул на сестру, затаившуюся за барной стойкой, и жестом велел ей: *не двигайся*. Потом выпрямился, поднял руки медленно.

Он вышел вперёд. Перед ним стояли трое: беловолосый ростовщик. Худой и высокий, будто вытянутый на дыбе. На нём – длинный пиджак с узором под змеиную кожу, темнокожий мулат с янтарными глазами и двухметровая громила руками, способными согнуть человека, как спичку.

Тристан поднял пистолет. Дуло смотрело Матео прямо в сердце.

«Пусть выйдет и другая», – сказал он, голос хриплый, спокойный, как гробовая доска.

Матео едва сдержал дрожь, язык прилип к небу, но он собрал остатки голоса и сказал чуть твёрже, чем мог:

«Здесь больше никого нет. Я один».

Тристан скользнул взглядом в сторону Гориллы.

«Осмотри».

Горилла кивнул. Медленно шагнул вперёд, как гусеничный трактор. Его голова едва не снесла люстру. Пол под ним хрустел – осколки стекла трескались под подошвами, как льдины в оттепель. Он подошёл к стойке.

«Здесь больше никого! – воскликнул Матео. Голос сорвался. – Зачем вы... там никого нет!»

Но Горилла молча оттолкнул его вбок одной рукой. Матео споткнулся, но устоял. Горилла наклонился, заглянул за стойку – и вытащил Ирен. За волосы.

«Отпусти её! – крикнул Матео. – Твое дело со мной! Прошу, отпусти её!»

Тристан подошёл ближе и ударил Матео тыльной стороной ладони. Щелчок – и тело Матео, словно кукла, покатилося на пол, опрокинув стул.

«Тео! – закричала Ирен, извиваясь в руках Гориллы, – что вам от него нужно?! Мы вызвали полицию! Они уже едут! Убирайтесь! Вы обречены!»

Она билась, как дикая кошка, но тот держал её под мышкой, словно игрушку. Он даже не замечал её кулаков, коленей, криков. Лишь моргал лениво, как сытый бык.

«Отпусти, ты, чёртов Шрек! – завизжала она. – Спусти меня, картофельная башка!»

Он всё-таки поставил её перед Тристаном. Ирен упала на колени, вскрикнула от боли, но сразу же вскочила. Взглянула на Матео – кровь на губах, лицо в ссадинах. В груди у неё что-то взорвалось.

«Кто вы такие?! – закричала она. – Что вам нужно от нас? Посмотрите на кафе – разве мы похожи на тех, кто может платить вам дань?!»

Ростовщик по имени Квентин шагнул вперёд. Ирен глянула на него – длинные, как палки, ноги, смешная шея, крошечная голова. Он был похож на злого страуса из ночного кошмара. Его голос был, как железная пилка по стеклу.

«Твой брат, – сказал он, – заключил с нами сделку. Мы вытащили его из задницы. Оплатили его долги. Но теперь он не хочет платить по счетам».

«Это ложь! – прохрипел Матео, – Я взял кредит под условие, что верну его через месяц. Никто не сказал, что проценты подскочат до двадцати, если я не верну часть через неделю!»

Горилла подхватил Матео одной рукой, как мешок с картошкой, поставил его на ноги и схватил за шею.

«Двадцать процентов?! – Ирен ахнула. – Ты с ума сошёл?»

Тристан вытащил из кармана сложенный вексель. Расправил, как палач топор.

«Следовало читать внимательно, – бросил он и ткнул пальцем в мелкий шрифт. – Два процента в месяц, при условии, что двадцать процентов ты возвращаешь за две недели. Всё по закону».

Ирен глянула. С юридической точки зрения все было законно. Она поняла, что Матео подставили. Эти ребята не собирались отпустить его так просто.

«Но... месяц ещё не прошёл! – воскликнула она. – Мы выплатим вам деньги, до срока! Почему вы крушите наш бизнес?! Кто заплатит за окна, которые вы разбили?!»

Тристан вдруг схватил её за волосы и дёрнул. Голова откинулась назад. Матео рванулся, но тут же согнулся от удара в живот. Воздух из лёгких вылетел, как пар из котла.

Ростовщик рассмеялся. Смех был громкий, как выстрел, и липкий, как мокрая тряпка по лицу. Каждое движение этого человека вызывало раздражение.

«Джейсон Дуглас, – сказал Тристан, глядя ей в глаза. – Ваш партнёр. Друг твоего брата. Попытался украсть вексель. Кончил на дне океана. Тело не найдут».

У Ирен волосы встали дыбом. Джей Ди... Они вместе открыли и управляли этим кафе. Он вчера ушёл, сказал: *если не вернусь – ищите меня у дьявола*. Матео думал, он шутит.

«Ты... ты убил Джей Ди? – Матео едва стоял на ногах, дрожал. – Это правда?»

Он знал план своего друга и не мог дозвониться до него со вчерашнего вечера.

«Никто не смеет нас перехитрить! Хотите повторить его судьбу? Платите. Сейчас!»

Ирен попыталась вырваться, глаза сверкали от слёз и ярости:

«Это грабёж! Вы мошенники! Никто не предупредил нас о плате через две недели!»

«Ты нас обвиняешь, сучка? – прошипел Тристан, щуря янтарные глаза».

Квентин наклонился к Ирен, которую Тристан схватил за волосы. Улыбнулся – и стало ясно: зубы у него давно не знали щётки. Светло-жёлтые брови, глаза, подведённые чёрным карандашом, козлиная бородка, в которой поблёскивали кольца – всё в нём кричало: *не доверяй мне*.

«Если к концу месяца не появится двести тысяч баксов... плюс сорок процентов – проценты, детка, – он лениво провёл пальцем унизанной золотым колечком по горлу Ирен, скользя к её вырезу. – Мы за последствия не отвечаем».

Ирен не могла понять, как Матео и Джейсон могли доверять такому человеку и занимать у него деньги.

«Убери свои грязные руки от моей сестры!» – взорвался Матео.

Ростовщик ухмыльнулся, поднял ладони в воздух, будто в шутливом жесте капитуляции, и отступил. Ирен попыталась отстраниться, но страх склеил ей дыхание. У неё кружилась голова.

«Двести тысяч?! – её голос дрожал. – Когда ты успел задолжать столько?»

Матео ссутулился и не мог поднять глаза.

«Я... мне нужно время...»

«Никаких отсрочек, – рявкнул Тристан. – Завтра. Или начнём с твоей сестрички».

Он отпустил её волосы, но тут же вцепился в руку и дёрнул к себе. Ирен вскрикнула.

«Где я возьму такие деньги?! Прошу вас, дайте ещё немного времени! Я всё верну, клянусь!»

«Клянешься? – переспросил ростовщик, залившись хохотом. – Мы не верим. Твоя сестра пойдёт с нами. Гарантия, так сказать».

«Нет!» – Матео кинулся вперёд, но Тристан легко остановил его ладонью, словно отмахнулся от надоедливой мухи.

«Принеси деньги – и заберёшь её», – сказал он, потащив Ирен к выходу. Его тяжёлые ботинки хрустели по битому стеклу.

Ирен дёргалась, пыталась вырваться. – «Отпусти меня! Ты не имеешь права!»

«Если ещё пикнешь, – прошипел Тристан, – я сломаю тебе челюсть».

Она плюнула ему в лицо.

Он взревел. Удар – резкий, звонкий. Щека вспыхнула, как от ожога. Но Ирен не сдалась. Она боролась, цеплялась за косяки, как зверёныш.

«Не трогай её! – Матео кричал, изрыгал проклятия. – Я всё заплачу! Не трогайте мою сестру!»

Но Тристан уже затолкал её в машину. Дверь с глухим стуком захлопнулась.

Ростовщик ещё раз подмигнул Матео, после чего отвесил ему удар – быстрый, размашистый. Матео упал. Потом второй. И третий. Всё было как в бреду.

Когда машина скрылась за поворотом, Матео остался один, среди битого стекла и равнодушных стен. Люди, услышавшие шум, даже не выглянули. Его губы были разбиты, а душа – расплюснута, как банка под грузовиком.

Он встал, шатаясь, и, хрипя от боли, двинулся к монитору – стёр запись с камеры. Он не мог рассказать правду. Он не имел права рисковать Ирен. Надо было играть по их правилам.

Когда пришла полиция, он всё отрицал. Не узнал лиц. Не заметил машины. И ни слова об Ирен.

Позже, в кафе вошёл мужчина весь в чёрном. Сняв очки, он бросил взгляд в сторону стойки.

Матео, который мыл пол, вздрогнул.

«Сержант Гермес Гарсия. УПОБ, – представился тот, показывая жетон. – Вы уже дали показания. Я пришёл услышать правду».

Матео поднял голову. Взгляд у него был затравленный.

«Сержант Гарсия, я всё рассказал... То, что произошло...»

«Мистер Кальдерон, я не хочу слушать сказку, которую вы рассказали другим полицейским, расскажите мне, что произошло на самом деле. Если Вам угрожают, не нужно бояться. Я защищу вас и вашу семью».

Матео почувствовал беспокойство. Он не сомневался, что если он расскажет этому полицейскому правду, то у него будут неприятности. Полиция не могла вечно защищать его и его семью.

Поэтому он сказал: «Нет, мне ничего не угрожает. Просто незнакомые мне люди выстрелили в кафе и ушли. Вот и все».

«А эти ссадины?» – Гермес кивнул на его лицо.

Матео машинально коснулся брови.

«Я неуклюжий. Упал» – сказал он и попытался улыбнуться.

«Это люди Риверы угрожали вам? Вы занимали деньги под проценты?» – спросил полицейский, подходя ближе. Его голос стал тише. Увидев, что Матео молчит, наклонился к нему, положил руку ему на плечо: «Послушайте, я не знаю, сколько вы должны, но поверьте, вы не сможете выплачивать этот долг до конца жизни. Они не позволят вам мой друг. Они воспользуются этим. Подумайте о семье. Завтра они могут даже подставить вас под преступление и обвинить в убийстве. Тогда я точно не смогу помочь вам выкрутиться», – сказал он со всей искренностью.

«Вы и сейчас не сможете мне помочь сэр! – Матео оттолкнул его руку. – У них есть документ, и все законно! Самая большая помощь, которую вы в данный момент можете мне оказать, – это оставить меня в покое. Я не хочу попасть из-за вас в еще большие неприятности».

Гермес начал было открывать рот, но Матео помешал ему.

«Вы сказали, УПОБ? Сколько наркобаронов вы уже поймали? Вы никого не посадили в тюрьму, кроме нескольких мелких дилеров. Так что найдите себе другую наживку. Я ни на кого не жалуюсь! А теперь, с вашего позволения, я хотел бы продолжить свою работу».

Он вернулся к швабре. Руки дрожали. Сердце колотилось.

Гермесу больше нечего было сказать. Он понял, что Матео не будет с ним сотрудничать. Он решил пока просто следить за ним.

Глава 6. Брифинг

Когда Жак Бенколин вошёл в зал заседаний, там уже собрались почти все. Стук его шагов эхом разнесся по натертому до блеска полу. Он скользнул взглядом по рядам полицейских, отыскивая знакомое лицо, и поспешил занять место рядом с Йеном.

Йен, завидев его, расправил плечи с облегчением, но тут же нахмурился, придвинулся ближе и, опустив голос до шепота, процедил:

«Где тебя носило? Ты говорил, что после леса поедешь за отчётом. Потом просто исчез. Всё в порядке?»

Он выглядел напряжённым, как натянутая струна, и время от времени бросал осторожные взгляды на дверь.

Бенколин уселся, потирая уставшие руки.

«Ага, не волнуйся. Потом расскажу – пробормотал он, устраиваясь поудобнее, – что это за экстренный брифинг с губернатором?»

Йен отвёл взгляд, ссутулившись.

«Не знаю. Но ничего хорошего от этого ждать не стоит. – Он понизил голос ещё больше. – Слухи ходят, что Ройтман очень суровый человек. Я молился, чтобы не навлечь на себя его гнев».

В этот момент двери распахнулись. В зал вошёл сам губернатор Ричард Ройтман, сопровождаемый начальником полиции Рейнольдом Уильямсоном. Шуршание одежды, приглушённые шорохи – все встали в едином движении. Только после короткого, властного кивка губернатора снова сели.

Ройтман выглядел как тощий тигр: высокий, жилистый, лицо – острое, словно выточенное из кости, глаза карие, хитрые, чуть раскосые. Его белоснежные волосы резко контрастировали с густыми чёрными бровями, но это несоответствие почему-то только усиливало мрачную серьёзность его облика. Он стоял, выпрямившись как штык, рядом с широкоплечим Уильямсоном, и ни капли не терял в уверенности.

Пару мгновений царил тишина, словно в зале вдруг кончился воздух. Затем начальник полиции прочистил горло и начал:

«Наш губернатор, мистер Ройтман, присоединился к сегодняшнему брифингу. Он хочет лично выслушать отчёты. Мы расследуем убийство, связанное с серийным маньяком, известным как „Фантомный Палач“. Три года он был кошмаром для Сан-Вриго, и сегодня мы, наконец, имеем тело и место преступления. Прорыв, господа. Кто доложит о результатах вскрытия?»

Йен поднялся, неловко постукивая пальцами по папке в руках.

«Вскрытие показало следы укусов – скорее всего, охотничья собака. Причина смерти – огнестрельное ранение. Пуля разорвала внутренности жертвы. Судя по содержимому желудка, убийца кормил её перед смертью. На запястьях и лодыжках...»

Он запнулся. Его голос осекся, когда губернатор поднял руку – резкий, как удар хлыста.

«Я сам умею читать отчёты, – холодно произнёс Ройтман. – Мне интереснее, что вы знаете об убийце».

Йен на мгновение застыл, будто его ударили по лицу. Он почесал нос, прочистил горло и попытался взять себя в руки:

«Мы прочесали весь лес...»

Но снова – жест рукой, как щелчок кнута. Губернатор снова остановил его с таким видом, будто только что нашел волосок в последней ложке супа.

«Почему другой детектив говорит об этом, когда здесь находится начальник отдела убийств? Начальник Бенколин утратил дар речи или проглотил язык?»

Словно вынырнув из дурного сна, Жак Бенколин медленно поднял голову и уставился на губернатора. В его глазах читалась холодная расчетливость.

Он видел Ричарда Ройтмана лишь на экранах – ловкий политик с гладкой речью и лицом человека, которому невозможно доверять. Вживую губернатор выглядел ещё неприятнее: словно тигр, выжидающий момента для прыжка. Жак так и не понял, чем успел ему не угодить. Они никогда прежде не встречались, а уже словно были заклятыми врагами.

Он медленно поднялся со стула, чувствуя, как под одеждой напряглись мышцы.

«Я не хотел прерывать своего напарника, – произнёс он, сдерживая раздражение. – Кроме того, думаю, не так важно, кто докладывает. Результат от этого не изменится».

В зале повисла напряжённая тишина, плотная и тяжёлая, как липкий дым.

Губернатор усмехнулся, в его голосе звенела едкая насмешка:

«То есть, у вас опять ничего нет».

Он сделал шаг вперёд.

«Вы ведёте это дело три года, мистер Бенколин! Три! – Голос его перешёл на резкий окрик. – Это не призрак, не демон! Он человек! Почему у вас до сих пор ничего на него нет? Даже сейчас – у вас в руках труп, целый проклятый лес – а вы стоите тут и смотрите на меня, как баран на новые ворота!»

Губернатор размахнулся рукой, как будто разбрасывая вокруг обвинения.

«Государство платит вам, чтобы вы бездельничали? Нет? Тогда, может, найдётся кто-то получше! Если вы настолько бесполезны, сдайте значок и оружие! Убирайтесь вон и дайте дорогу кому-нибудь умнее вас!»

Последние слова он выплюнул почти с ненавистью, а глаза его горели злостью.

Жак стоял, едва сдерживая себя. Он чувствовал, как напряглись плечи, как стиснулись зубы. Руки сами собой сжались в кулаки. Всё его существо рвалось вперёд – одним ударом снести эту самодовольную ухмылку с лица губернатора.

В комнате не шелохнулась ни одна душа.

Начальник полиции Уильямсон нервно поёрзал на месте. Он слишком хорошо знал Бенколина и видел по его лицу, что тот стоит на краю.

Шеф поймал взгляд Жака, отчаянно умоляя его глазами: «Не поддавайся».

Жак выдержал ещё мгновение, а затем, тяжело выдохнув через нос, выпрямился. Его голос был ровным, почти ледяным:

«Господин губернатор, я не говорил, что у нас ничего нет. Это ваша личная интерпретация. Сегодня я выяснил кое-что важное о Палаче».

Губернатор скривился в ядовитой улыбке:

«Эврика!»

Он развёл руками в театральном жесте, как будто встречал героя, вернувшегося с великими вестями. Улыбка его тут же сползла, и лицо вновь застыло в ожидании.

«Пожалуйста, продолжайте, Детектив-Лейтенант. Мы все тут просто умираем от любопытства», – процедил он с фальшивой вежливостью.

Жак ни на секунду не отвёл взгляда. Он заговорил, твёрдо, как гвоздь в дерево:

«Как вы только что подчеркнули, я охочусь за этим серийным убийцей уже три года и знаю его достаточно хорошо», – спокойно сказал Бенколин, игнорируя сарказм, скользящий в голосе губернатора. – «Побег Кэндис Маккензи задел его гордость. Он скоро снова проявит себя. Ему нужно будет утолить своё эго».

Он сделал небольшую паузу, чтобы все могли понять, что он имеет в виду. Он не мог прямо назвать имя Саманты Мерфи. Ведь тогда ему пришлось бы рассказать об изобретении Дэниела Льюиса, а этого он делать не мог. Поэтому ему пришлось придумать ложь.

«Исходя из анализа, я составил список девушек, которым в следующие семь дней исполнится восемнадцать лет. Все они соответствуют типу убийцы. Я выделю по два офицера

на каждую из восьми девушек», – сказал он ровным голосом, как будто зачитывал дорожную сводку.

В зале воцарилась тишина.

Ройтман скривил губы в кислой ухмылке, словно Бенколин только что заявил, что Земля на самом деле стоит на трёх китах. Он прищурился и бросил, растягивая слова:

«Вы хотите оторвать шестнадцать полицейских от работы... из-за одной лишь догадки? Это абсурд. Где ваши доказательства, лейтенант? Не домыслы, а факты!»

Бенколин заметил снисходительную складку в уголках глаз губернатора. Заметил – и проглотил гнев. Его пальцы дернулись, но он сцепил их за спиной и ответил без дрожи в голосе:

«Господин губернатор, в нашей работе интуиция иногда важнее доказательств. Чтобы поймать убийцу, нужно думать, как он. Убийца снова похитит девушку при первой же возможности, чтобы доказать свое совершенство. Наш профайлер, Гвендолин Майерс, согласна со мной».

Несколько мгновений губернатор молча смотрел на него, обдумывая слова. По его лицу, строгому, с резко очерченным подбородком, скользили тени мыслей. Наконец он кивнул.

«Я хочу взглянуть на список», – сказал он, уже без прежнего пренебрежения.

Бенколин подошёл ближе. Шеф полиции Уильямсон рефлексивно шагнул ближе, напрягшись, словно ожидая, что лейтенант вдруг нападет на губернатора.

Теперь, стоя лицом к лицу, их разница была особенно заметна: Бенколин возвышался над Ройтманом как утёс над скалой, а плечи его казались вдвое шире. Однако, судя по его уверенности и выдержке, было ясно, что для Ричарда Ройтмана звание губернатора имеет гораздо больший вес, чем физическое телосложение детектива.

Бенколин медленно достал из внутреннего кармана измятый листок и протянул его. Ройтман взял бумагу худыми пальцами. Его глаза быстро пробежали по списку. Лицо оставалось таким же пустым, как мокрая дорога ночью.

Бенколин знал: ему никогда не заслужить одобрения этого человека.

Через плечо губернатора заглянул Уильямсон и, скептически хмыкнув, спросил:

«Почему вы так уверены, что убийца поймает жертву в течение недели?»

Бенколин поднял голову и ответил:

«Если бы Кэндис не сбежала, он убил бы её завтра – день, когда истекли бы две недели с момента похищения. И он снова принялся бы искать жертву. Срыв планов задел его, но не изменил сути. Он захочет доказать, что ситуация не повлияла на него».

Часть этой речи была правдой. Но только часть. Настоящие улики были добыты... другим способом. Тем, о котором никто из них знать не должен был.

Ройтман поднял глаза, в которых на миг мелькнуло нечто похожее на уважение. Он молча вернул список Бенколину.

«Надеюсь, вы не ошибётесь, детектив-лейтенант Бенколин, – произнёс он. – Потому что это ваш последний шанс. Иначе я передам дело „Фантомного Палача“ другому».

Бенколин сжал челюсти так, что скулы побелели. Забрать у него это дело – значило бы перечеркнуть три года охоты, три года боли и надежд. Он не мог этого допустить.

«Я вас понял, сэр», – ответил он, кивнув и отступив к своему месту.

Губернатор окинул взглядом зал, его тон стал громче, обволакивая всех присутствующих:

«На сегодня всё. Вы несёте ответственность за безопасность наших граждан. Не забывайте об этом. Благодарю за участие. Вы свободны».

Стулья закричали, когда люди начали вставать. Уильямсон поспешил сопровождать губернатора к выходу.

Йен, полицейский с вечно взъерошенными волосами и живыми глазами, подошёл к Бенколину, потирая шею.

«Приятель, что это было? Почему этот старый гад смотрит на тебя так, будто ты помо-
чился у подножья его любимого дерева?» – спросил он.

Бенколин только мрачно усмехнулся, но за него ответил другой офицер, пожимая пле-
чами:

«Всё просто. Ройтман хочет пристроить своего племянника. И чтобы расчистить дорогу,
ему нужно, чтобы Бенколин провалился».

Они обменялись быстрым взглядом, полным молчаливого согласия.

«Через мой труп», – процедил Бенколин сквозь зубы. Его глаза метали молнии, когда он
резко развернулся на каблуках и направился к выходу.

Йен догнал его, ухватил за рукав:

«Эй, куда понёсся? Не хочешь объяснить, что сегодня произошло? И... откуда вообще
взялся этот список?»

Бенколин устало провёл ладонью по лицу, словно стирая напряжение.

«Пошли. Выпьем кофе. Я всё расскажу», – сказал он.

И, не оборачиваясь, направился к тёмному коридору.

Глава 7. Сделка с дьяволом

Подземный паркинг «Вавилона» был похож на бетонный лабиринт. Фары автомобиля выхватили из темноты колонны, сточные решетки и следы шин на цементном полу. Двигатель заглох, и звук эхом отлетел от стен.

Тристан вышел первым. Лицо его было расцарапано, губы вздуты. Рубашка порвана, будто он продирался через заросли терновника. Он открыл заднюю дверь и грубо вытащил Ирен – схватил за плечо, другой рукой зажал ей рот. Её глаза метались, дыхание было рваным, как у пойманного зверя.

«В лифт», – бросил он сквозь зубы.

Она упиралась, извивалась, била его локтями, ногами, но всё напрасно. Он был сильнее. Кожа на её запястьях побелела от напряжения, а на щеках дрожали мышцы – Ирен сдерживала крик. Лифт скользнул вниз, сквозь уровни, словно спускаясь в самое сердце ада.

Двери отворились, и они оказались в нижнем этаже – заброшенном складе, переоборудованном под тайник. Металлические стены, обшарпанный пол, тусклая лампа, покачивающаяся под потолком и отбрасывающая зыбкие тени.

«Заходи», – рявкнул Тристан, толкая её внутрь.

«Где мы?» – её голос дрожал, но не от страха, а от ярости. – Почему ты притащил меня сюда?

Она попыталась выскользнуть, но он толкнул её обратно.

«Заткнись!» – взорвался он.

«Не трогай меня, ублюдок! – закричала она, отшатываясь. – Отойди! Ты псих!»

«Это ты держись от меня подальше, – зарычал он, подходя ближе. – Не понятно кошка ты или собака! Молись, что нам приказано не убивать тебя. Или...»

«Или что? – Ирен подняла подбородок, её глаза сверкнули. – Ты будешь меня пытаться? Или убьешь, как остальных? Мразь!»

«Я могу свернуть тебе шею одной рукой, – прошипел он. – Сиди тихо и не зли меня!»

«Кто твой хозяин? – спросила она, голос её стал ледяным. – Кто тебе платит? Я хочу его видеть. Вы не можете обмануть моего брата еще и взять меня в заложники!»

Он рванулся вперед и схватил её за плечо потому что она сделала шаг назад. Вернее, она лишь повернула голову, изучая способ бегства, но ее ноги остались на месте. Но Тристан, словно прочитав ее мысли, предвидел это и другой рукой сомкнул пальцы на её горле. Мгновенно.

«Мне плевать, что ты женщина, – процедил он. – Я сдеру с тебя кожу, если понадобится. Я плохой человек. Чудовище, и ты это уже поняла».

Ирен не могла дышать. В глазах потемнело. Она замотала головой, слабо, в отчаянии, умоляя. Он отпустил. Она рухнула на колени, кашляя, жадно глотая воздух, сжимая горло дрожащими пальцами.

«Рад, что мы всё поняли», – сказал он, разворачиваясь.

Но в ту же секунду стул, стоявший у стены, взвился в воздух и с хрустом врезался ему в спину. Глухой удар, дерево треснуло. Тристана отбросило в сторону, он зашатался, но удержался на ногах.

Ирен метнулась к двери. Страх придал ей скорость. Её сердце грохотало в ушах. Она врезалась в грудь человека. Отпрыгнула. Подняла голову.

Перед ней стоял мужчина – высокий, собранный, в дорогом костюме. Его глаза были серыми, словно облачное небо перед бурей. Он держал её аккуратно, почти вежливо.

«Помогите! – воскликнула Ирен, указывая на Тристана, выскочившего из-за её спины. – Этот человек взял меня в заложники!»

Тристан, красный от злости, с мокрой от пота рубашкой и перекошенным ртом, вскинул руки.

«Прошу прощения, сэр, – сказал он, будто жалуясь на непослушную собаку. – Я старался быть вежливым, как вы просили. Но эта женщина... она не понимает доброты».

Мужчина перевёл взгляд на растрёпанного, взбешённого Тристана. Его лицо не дрогнуло, но уголки губ на миг приподнялись, едва уловимым движением, скорее рефлексом, чем улыбкой. Ему стало интересно, как женщина могла довести его до такого состояния.

Ирен потребовалась целая минута, чтобы понять, что тот имел в виду. И когда это случилось, ее мышцы напряглись и она попятилась назад.

«Что, черт возьми, это значит? Вы его босс?» – скептически спросила она. Стоявший перед ней человек казался очень порядочным и богатым. Он не был похож на убийцу или мошенника.

«Мисс, – сказал он, – прежде всего, давайте успокоимся. Мы все здесь цивилизованные люди»

От голоса мужчины по позвоночнику Ирен пробежали мурашки. Он напоминал рык льва, доносящийся из глубин, и хотя его голос был спокойным и мягким, каждое слово подчеркивало необходимость повиноваться его приказам.

«Разрешите представиться. Гаспар Ривера. Как к вам обращаться?»

Имя срезало воздух, как лезвие. Ирен знала это имя. Владелец Вавилона. Она знала, что тот был главарем мафии, скрывавшимся под личиной бизнесмена. Человек, о котором шептали полицейские, а судьи делали вид, что не слышат.

Она видела его фотографии в журналах, но не узнала с первого взгляда, потому что не присматривалась. Теперь она лучше понимала, почему её привезли в сюда. Это было очень плохое развитие событий. Ее брат, сам того не понимая, ввязался в крупные неприятности. Ирен поняла, что даже полиция не сможет им помочь, и впала в отчаяние. Нужно было отдать им деньги, которые они требовали. Сначала она не поверила, что партнера Матео убили, думала, что их просто пытаются напугать, но теперь, увидев перед собой Риверу, поняла, что человек, в которого она только что бросила стул, был киллером главара мафии и вполне мог убить Джей Ди.

«Ты что, оглохла? Тебе задали вопрос, отвечай!» – предупредил Тристан как и подобает верному псу.

Ирен поняла, что, несмотря ни на что, она не должна показывать свой страх, поэтому собрала все свое мужество.

Она выдавила:

«Ирен Кальдерон... Я хотела поговорить с вами, но он мне не позволил», – сказала она, указывая на Тристана.

Ривера сделал шаг вперёд. Он был слишком близко. Она явственнее почувствовала запах его дорогих духов и лосьона после бритья, которым он слегка брызгался. Несмотря на то что собеседник казался достаточно вежливым, Ирен почувствовала, как по спине ползут мурашки от такой близости, и с трудом удержалась от того, чтобы не отступить назад. Если бы она так поступила, это показало бы, страх, поэтому она решила вести себя не как загнанная в угол девочка, а как смелая женщина, которая будет отстаивать свои права, несмотря ни на что.

«Итак, мисс Кальдерон, – проговорил он, будто вел не допрос, а светскую беседу. – Ваш брат занял у нас деньги. Он не вернул их. Вчера кто-то попытался вскрыть сейф моего человека и украсть долговые расписки. Что бы вы сделали на моём месте?»

«Мой брат ничего об этом не знал, – резко сказала Ирен. Голос её дрогнул, но она удержалась. – Ваши люди ворвались в кафе, избили его, похитили меня... Это незаконно. У нас ещё есть время по договору!»

«Вы его разрушили, когда пошли на кражу. А я не прощаю игры».

«Эти расписки – обман. Вы их заставили подписать. Подставили! Что бы вы сделали, если бы были на их месте?» – спросила она, восхищаясь собственной смелостью. Возможно, это было связано с любезным поведением человека, стоящего перед ней. Но даже так, все равно ей было не по себе. По выражению его лица невозможно было прочесть его эмоции. Ни одна черточка его лица не двигалась, когда он говорил. Поэтому даже этот напряженный разговор между ними со стороны напоминал непринужденную беседу двух друзей, случайно встретившихся во время прогулки по бульвару. Ни дрожи в голосе, ни намёка на гнев. Это пугало сильнее любых угроз.

«Я бы не попался в такую ловушку, – произнёс он. – Следовало читать, что подписывают. Это урок. Больной, но нужный».

«Послушайте, мистер Ривера, – проговорила Ирен, собирая остатки смелости в кулак, – как вы понимаете, если бы у нас было столько денег, моему брату не пришлось бы заниматься у ростовщиков. И держать меня здесь – не выход. Напротив, вам следует отпустить меня, чтобы я помогла ему достать деньги».

Он смотрел. Просто смотрел, скользя по ней взглядом, как хирург по ране. Тогда вмешался Тристан, грубо:

«Да кто ты такая, чтобы учить мистера Риверу?! Знай своё место, бестактная...»

«Настоящая бестактность – перебивать разговор. Особенно, когда ума не хватает понять суть», – отрезала она позволив этим словам кипятить Тристана на медленном огне в течение нескольких секунд.

Тот вскинулся, лицо пошло пятнами.

«Повтори!» – прорычал, сделав шаг к ней.

«А ты настолько туп, что не понял с первого раза?» – холодно парировала Ирен.

Он сжал кулаки. Мгновение – и он бы сорвался. Но тут Ривера бросил тихо, как приказ:

«Тристан. Оставь нас».

У того дёрнулся глаз. Он был удивлен, потому что не ожидал от него ничего подобного. Он думал Ривера предупредит и отругает Ирен, но его гордость задело то, что босс хотел послать его подальше. Но он подчинился. Уходя, бросил Ирен последний взгляд, полный яда.

Они остались вдвоём. Ривера чуть наклонился вперёд, будто хотел что-то прошептать:

«Один из вас уже мёртв. А я не хочу терять свои деньги. Так что вы с братом будете работать под моим началом чтобы вернуть долг».

Ирен нахмурилась и ответила: «Нет! Никогда!»

Он не рассердился. Просто кивнул.

«Это не предложение, мисс Кальдерон. Это решение. Пока вы будете выполнять мои поручения, ваш долг будет погашен».

Ирен будто ударили в грудь. Её дыхание сбилось. Коридор сузился, как гроб. Всё внутри кричало – бежать. Но она стояла. Зная: если уступит сейчас, конец. Не только ей – брату тоже.

Работать под началом такого человека, как Ривера, было очень опасно. Невозможно было предугадать, что он заставит их сделать. Они могли попасть в еще большие неприятности только из-за своих долгов.

Он смотрел на Ирен сверху вниз. Двдцатисантиметровая разница в росте делала его слова ещё тяжелее.

«Что именно вы хотите, чтобы мы сделали? – выдохнула Ирен, и голос её дрожал. – Я не хочу иметь проблем с полицией...»

Ривера молча подошёл. Его рука – холодная, сухая – сжала её подбородок. Пальцы впились в кожу, приподняли лицо вверх. Он склонился ближе, и в его глазах не было ни капли сочувствия. Только лед и расчёт.

«Сейчас вам стоит больше беспокоиться не о полиции, – прошипел он. – А обо мне. Пока долг не будет оплачен – ваши жизни у меня в руках. Выполните задание – живёте. Попробуете

играть в героиню – будете смотреть, как ваши близкие умирают медленно. Надеюсь, я ясно выразился?»

Он отпустил её подбородок так же резко, как схватил. Ирен сделала шаг назад, держась за лицо. Рука дрожала.

«Вы работаете в лаборатории Дэниела Льюиса, верно?» – вдруг спросил он, как будто речь только началась.

Ирен заморгала. Она не понимала, откуда он знает.

«Да... Почему вы спрашиваете?»

«Потому что с этого момента – вы мои глаза и уши. Ни слова никому. Только вы и ваш брат будете знать, что работаете на меня. Первое задание – слушать. Детектив-лейтенант который приходил сегодня... мне нужно знать, если он вернется».

На несколько секунд в голове Ирен закружились мысли. Бенколин... Значит, дело вовсе не в лаборатории. Он уже знает, зачем тот туда приходил. Знает больше, чем она сама. Ее попросили стать «кротом». Она не могла так поступить с Дэниелом. Но у нее не было возможности возразить.

Она закусила губу, ногти нервно царапали ладонь. Ей становилось все более любопытно. В ее голове появилось множество вопросов, на которые, как она знала, она никогда не получит ответов.

«Это совпадение? – вдруг спросила она, и голос её предательски дрогнул. – Наш долг, ваше нападение... всё в тот день, когда он появился в лаборатории. Слишком... удачно».

Гаспар Ривера понял, что стоящая перед ним женщина умна. Именно поэтому он и сделал ей это предложение. Он был уверен, что Ирен хорошо справится со своей работой. Но он был человеком, который ни перед кем не отчитывался. Поэтому он не любил, когда ему задавали слишком много вопросов. Поэтому, чтобы с самого начала показать собеседнице свой характер, он сказал с более серьезным выражением лица:

«Мисс Кальдерон, если вы и дальше будете тратить свой ум на догадки, вместо выполнения приказов – познакомитесь с моей менее вежливой стороной. Это не пойдет вам на пользу. Вы свободны».

Ирен не стала спорить. Она просто кивнула и вышла, как из душной камеры. На улице воздух показался едким, но живым. Машины ревели, люди шли мимо, никто не обращал внимания на её пошатывающуюся походку. И, похоже, никого не волновало, что в сырой осенний день на девушке не было верхней одежды.

Матео сидел за стойкой кафе, опустив голову. Его телефон лежал перед ним, экран погас. Ни одна попытка найти помощь не увенчалась успехом. Он был загнан в угол.

Когда дверь открылась, и колокольчик звякнул, он не посмотрел – просто буркнул:

«Мы закрыты».

Но взгляд всё же поднялся – и он замер.

«Ирен...?» – голос его охрип. Он вскочил, подбежал, обнял сестру, сжав в руках так, будто боялся, что она снова исчезнет.

«Боже... ты в порядке? Они ничего с тобой не сделали?»

«Я в порядке, – резко отрезала она, отстраняясь.

«Я с ума сходил, Ирен! Как они тебя отпустили?»

«Потому что я согласилась на их сделку... то есть работать на них».

«Ты... согласилась?» – Матео побледнел.

«А как, по-твоему, я должна была выбраться? Ты занял деньги у тех, кто работает на Ривера. У тебя хоть капля мозгов осталась?!

«Я занял деньги у этого желтоголового ублюдка. Его зовут Квентин Флорес. Он управляет улицей пабов, он очень богат. Мы были в долгах. Мы думали, расплатимся быстро, потом... вернём».

«Вернём?! Ты знаешь, что они сделали с Джей Ди?! Мы следующие!»

Он сел, зажав голову в ладонях, раскачивался взад-вперёд, как ребёнок в панике.

«Мы не знали, что он работает на Ривера. Я понял это сегодня, когда увидел Тристана».

Ирен подошла и положила руку ему на плечо. Она глубоко вздохнула и рассказала брату все подробности того, что произошло в Вавилоне.

Матео расхаживал по кафе, держась за голову обеими руками и постоянно ругаясь.

«Брат, хватит! У меня голова кружится!» – сказала Ирен, подходя и хватая Матео за руку.

Он обнял сестру: «Прости, Ирен!» и начал плакать – Джей Ди сказал, что все уладит. Я говорил ему, что кража векселей из сейфа ростовщика – плохая идея, но он не послушал. Они убили его и бросили в океан, и нас они не пощадят!»

Ирен тоже обняла его и погладила по голове: «Мы должны выяснить, что задумал Ривера, и найти его слабые места, чтобы этого не случилось с нами».

Матео отстранился, вытер глаза татуированной рукой: «Не надо! Он очень хитрый психопат. Если он почувствует, что мы действуем за его спиной, он устроит нам мировую. Все знают, что Ривера – человек слова. Мы будем делать то, что он говорит, пока не выплатим долг, а потом разойдёмся навсегда».

«Тео, если он так хитер, как о нем говорят, он найдет способ сделать нас своими пленниками навечно или убьет, не нарушая своего слова. Мы не можем сидеть, как смертники, и ждать, что принесет нам судьба. Поверь мне. Я буду осторожна».

«Ирен, мы не сможем так легко найти слабое место этого человека. Он ходит по снегу и при этом не оставляет следов».

«Раз он попросил у меня информацию о Бенколине, значит, он видит в нем угрозу. Его лицо похоже на каменное скульптуру, по нему ничего не прочтешь, но у меня есть интуиция. Я чувствую, что ему неприятен Бенколин. Если я выясню причину, это может стать нашим билетом к спасению».

«Ты слишком упрямая. Если приняла решение, ни я, никто-либо другой не сможет его изменить. Поэтому все, о чем я прошу, – будь осторожно».

«Не волнуйся, я буду!».

Глава 8. Доктор Марио.

17:48

Кафе было полупустым. За деревянным столиком в углу сидели двое мужчин. Один – в поношенном сером пальто, лицо резкое, с морщинами у глаз. Другой – в чёрной кожаной куртке, с коротко стриженными волосами и цепким взглядом. Жак Бенколин и Гермес Гарсия.

«Ты говорил мне про доктора Марио», – сказал Бенколин, склонившись ближе.

Гарсия, не спеша, отпил кофе. Тёмный, горький. Такой, каким был он сам.

«Да, – ответил он. – И ты хочешь что-то предложить, раз назначил встречу?»

«Сегодня я познакомился с девушкой. Думаю это судьба»

«Ясно... Раз уж мы не слишком близки, чтобы ты хвастался передо мной симпатичной девушкой, так кто она?»

«Хакерша. Умная, как чёрт. Она считает, что может отследить IP, если я передам ей одно из сообщений от Доктор Марио».

Гарсия вскинул брови. Помолчал. Потом поставил чашку обратно на блюде с коротким цок.

«Наши уже пробовали. Но все не так просто, как кажется. Этот ублюдок – как призрак. IP-адрес прыгает по континентам, как блоха на горячей сковородке. Мы даже не знаем, в какой он стране».

«Но ведь стоит попробовать, да?» – голос Бенколина стал чуть тише, но в нём звенела решимость.

Гарсия провёл ладонью по лицу, потом облокотился на стол, уставившись в окно.

«Ладно. Чёрт с ним. Действуем по-твоему. Только скажи, что у тебя есть план».

После недолгого разговора с Даниэлем и получив от него негласное разрешение, Жак пригласил Гермеса в лабораторию – сердце всего проекта.

Когда Гермес переступил порог, его сразу окутал сухой, насыщенный воздух, пропитанный запахом пластика, паяльной смолы. Просторный зал сиял холодным электрическим светом, отражавшимся от гладких белоснежных столов, уставленных приборами и мониторными экранами.

Гермес медленно прошёл внутрь, бросая взгляд на каждого. Его плечи напряглись, глаза сузились. Он чуть приподнял брови, явно не ожидая увидеть такую оживлённую и, как ни странно, уютную атмосферу.

План был прост, почти школьный. Натан должен был сделать заказ наркотиков через приложение «Доктор Марио» с помощью криптовалюты. Условие одно: находиться в людном месте – приложение определяло локацию и отправляло координаты для передачи товара неподалёку. Тем временем Гермес и Жак должны были следить за ним из тени. Рут подключалась к телефону Натана через компьютер – всё, что происходило на его экране, она могла отслеживать в реальном времени. При удаче – находили IP-адрес дилера.

Когда они обсуждали план, Гермес с любопытством склонился к странному прибору с блестящими обручами и проводами, уходящими в монитор.

Пока он рассматривал заинтересовавшую его машину для подсознания, вошла Гвендолин. Тот повернул голову и удивился.

«Майерс – вырвалось у него. – А ты что здесь делаешь?» – спросил он и этим привлек к себе пристальный удивленный взгляд Бенколина.

«Мы часто стали сталкиваться с вами, Сержант Гарсия», – с улыбкой ответила Гвендолин. Она и заметила, что Гермес не снял пластырь.

Гермес поймал её взгляд, дотронулся до пластыря и неловко усмехнулся: «Я... не снимал его, на случай если кровь опять пойдёт. А потом забыл. Ну, в общем, как-то так...», – робко оправдывался он. На самом деле он и сам не знал, почему не снял его. Может быть, потому что он улыбался каждый раз, когда видел смайлик. Но он не мог заставить себя снять его.

«Думаю, наш Шерлок скоро соберёт здесь всё полицейское управление», – проворчал Логан, наматывая на локоть пучок проводов и глядя на Гермеса.

«Логан, – тихо отрезала Гвендолин. – Доктор Марио продаёт на улицах яд».

«Вам неприятно мое присутствие?» – резко бросил Гермес, не обращая ни к кому конкретно.

Логан сказал «да», Гвендолин – «нет» – одновременно.

Они переглянулись. Воздух между ними зазвенел.

«Дэниел построил эту лабораторию, чтобы помогать людям, – вмешалась Ирен, голос её был мягче, но в нём чувствовалась твёрдость. – Не обращай внимания на Логана. Он просто бурчит. В глубине души – золотой парень».

«Мамасита, ты снова за моей спиной сплетничаешь?» – фыркнул Логан, прикалывая волосы заколкой.

Ирен игриво сжала его щёки: «Ни слова дурного».

Их связывали годы дружбы. Они жили по соседству ещё со школы, и Ирен доверяла ему многое. Но не всё. Ради его безопасности она скрывала, в какой беде оказались она и её брат.

Она была очень расстроена тем, что ей придется рассказать Ривере о том, что Бенколин разыскивает доктора Марио, и хотя она чувствовала себя предательницей, у нее не было выбора.

Николь протянула Гермесу кофе. Чёрный, без сахара.

Он кивнул с благодарностью, сделал глоток и бросил взгляд по комнате: Бенколин с Гвендолин о чём-то вполголоса беседовали в углу. Логан, нахмурившись, боролся с проводами. Здесь все жили этой работой. Как будто это была не лаборатория, а семейное гнездо.

Гермес подошёл к Логану:

«Сколько вы знаете Бенколина?»

«Сегодня утром познакомились. Благодаря Гвендолин».

Гермес задумчиво покачал головой.

«Между ними что-то есть?»

Логан прищурился, заметив тень в глазах Гермеса.

«А вам-то что?» – спросил он.

«Просто спрашиваю».

«Тогда спросите их сами, Сержант Дракула, – ухмыльнулся Логан. – Или не спрашивайте. Когда между ними вспыхнет любовь, просто поздравьте. И пожелайте счастья».

Он ушёл, оставив Гермеса наедине с чашкой и своей одинокой тенью.

«Он правда назвал меня Сержантом Дракулой?»

Не отрываясь от экрана компьютера, Рут сказала: «Вы, наверное, напомнили ему вампира, потому что одеты во все черное. Обычно он не называет никого по имени, а дает прозвища. Со временем вы к этому привыкнете».

Пожалуй.

Он склонился к экрану, наблюдая за её действиями.

«Подключаешься к телефону Натана прямо отсюда?»

«Именно».

«А если доктор Марио поймёт?»

«Не поймёт», – уверенно отбила она, стуча по клавишам.

«Трудно поспевать за технологиями», – с улыбкой подошла Гвендолин.

Гермес спросил, указывая на стоящую перед ним машину: «Я довольно сильно отстаю в этой области. Например, действительно ли с помощью этой машины можно просмотреть воспоминания живого существа?»

«Да. Ирен и Николь видят все своими глазами».

«И чем же они отличаются от нас?»

«Их нейроны мозга гораздо активнее, чем у обычных людей. Мы называем таких людей экстрасенсами или шаманами. Например, Николь может совершать астральные путешествия. У нее гены шамана. У Ирен также есть гены ее предков – целителей. Она может готовить особые зелья», – объяснила Гвендолин, затем улыбнулась, увидев, как Гермес озадаченно посмотрел на нее и спросил «Прости, я запутала тебя еще больше?».

«Наоборот. Ты объясняешь... красочно. Очень... живо... Шаманы, астральные путешествия и так далее – это очень интересно. Я бы хотел узнать больше. Если у тебя... бывает свободное время. Конечно, не суть что, ты захочешь проводить это свободное время со мной ... – Он запнулся. Щеки налились жаром. – Забудь. Я не то хотел сказать».

«Я не возражаю», – тихо сказала она и вдруг улыбнулась.

Он просиял. Но сдержанно. Как мужчина, который редко улыбается.

«Тогда договорились. Только... у меня нет твоего номера».

Она продиктовала. Он записал.

Тусклый свет лампы отбрасывал на стены длинные тени. Экран монитора отражался в стеклах очков Рут, которая склонилась над клавиатурой, будто хирург над вскрытым телом. Пальцы её метались по клавишам – быстрые, нервные. В углу экрана загорелось: СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО.

«Готово...» – прошептала она, как будто боялась, что кто-то услышит.

Приложение заработало. Теперь каждый входящий сигнал на телефон Натана тут же отражался на экране её компьютера.

Бенколин, стоя у двери, поправил лацкан пиджака.

«Давай, Гарсия. Если ты готов – идём». – Его голос был спокоен.

Втроем они попрощались и вышли. В городе уже наступил вечер. Воздух стал прохладным, в нём витал запах мокрой травы и бензина.

Парк был пустынен. Натан сел на скамейку и оперся локтями о колени, уставившись в экран. На его лице отражалась тусклая синева телефона – словно привидение подземного мира. Он нажал пару кнопок, и заказ был оформлен.

Через пять минут телефон завибрировал.

Местоположение: у южного входа. Время: 18:47. Сумма: 500.

Рут прищурилась, всматриваясь в экран.

«Сейчас... Сейчас попробуем... – пробормотала она и принялась лихорадочно стучать по клавиатуре. Лоб её блестел от напряжения. – Поддельный, мать его... – выругалась она, откидываясь на спинку кресла. – IP не настоящий. Он маскируется».

Гермес сказал Натану, чтобы тот прибыл на место немного позже. Гермес с Жаком были раньше Натана. Машина Гермеса стояла чуть в стороне, окна опущены. Он жевал жвачку, наблюдая за улицей, сжимая пистолет в кобуре под курткой. Жак Бенколин забрался на крышу соседнего здания. Бинобль холодила руки. С крыши открывался мрачный вид на пустынный участок парка, где в полумраке уже сгустились тени.

В объективе Жак увидел мужчину. Тот подошёл к дереву, оглянулся и что-то спрятал у его основания. Потом быстро исчез в глубине аллеи.

Через несколько минут появился Натан. Он шёл осторожно, как будто чувствовал, что за ним наблюдают. Жак прищурился: тот самый мужчина теперь стоял за мусорным баком в двухстах метрах. В руках – телефон. Он ждал.

Рут сняла очки и нервно потеряла глаза. Найти IP – адрес казалось невозможным. Девушка раздумывала, что ещё можно придумать в этой ситуации, как вдруг «Камера!» – взволнованно сказала она, и, быстро надев очки, нажала на клавиатуру, чтобы найти и включить камеры видеонаблюдения в этом районе.

«Что?» – Гвендолин дернулась от неожиданности.

«Доктор Марио. Он должен следить за всем дистанционно. Проверяет, как прошла сделка. Уверена он использует камеры наблюдения».

«Как это нам поможет?»

«Я подключаюсь к ним, – пальцы вновь забегали по клавишам. – Вот три камеры, прямо в этом районе... И... Бинго!»

«Он смотрит?»

«Да. – Глаза Рут блестели. – Если повезёт, он не отключится в ближайшие пять минут, и тогда – его IP наш».

Гвендолин тут же связалась с Гермесом.

«Гарсия. Пять минут. Он не должен переставать наблюдать».

Натан стоял у дерева, приподнял камень у основания, достал маленький свёрток, завернутый в фольгу. Осмотрелся и положил его в карман. Почти сразу экран телефона мигнул: Товар получен. Следом – требование сделать фото и отправить. Он послушно снял снимок, отправил... и все сообщения исчезли.

Он обернулся – и застыл.

Перед ним стоял Гермес, пистолет в руках.

«Полиция! Подними руки!»

Натан вскинул руки. Глаза расширились, зрачки дрожали.

«Что происходит?!»

«Медленно. Очень медленно достань посылку и передай мне».

Натан заколебался, но потом догадался, что это часть операции, и сделал то, что ему сказали.

Гермес наклонился и забрал свёрток. Тихо прошептал:

«Нам нужно выиграть время. Не пались».

Потом, уже вслух, грубо:

«Где ты взял это? Кто дал тебе товар?»

«Две минуты, – прошептала Рут, грызя ноготь. – Держись...»

Гвендолин сжала ладони у подбородка, как будто молилась.

«Господи, не дай ему догадаться...»

«Он не отключился. Всё идёт как надо. – Рут даже не моргнула. – Ещё немного...»

На экране промелькнуло: СИСТЕМА ВЗЛОМАНА.

«Да! Мы сделали это! – Рут вскочила, оттолкнув стул. – Он в Сан-Вриго!»

«Правда?» – Гвендолин прищурилась, недоверчиво.

«Да. Смотри!»

После задержания Гермес усадил Натана в машину и снял с него наручники.

«Спасибо, Натан. Ты был хорош».

Поздно вечером, у Гермеса дома, они вдвоём сидели в комнате, наполненной тусклым светом. На экране – лицо молодого мужчины: кожа светлая, волосы выкрашены в блонд, борода острая, ухмылка неприятная. Пара зубов позолочена. Выглядел он как парень с обочины жизни.

«Это Квентин Флорес, – сказал Бенколин. – Сын богача. Алкоголь, бои, наркотики, гонки. Работает в эскорте. Весь набор».

Гермес фыркнул.

«Да ну. Этот придурок не доктор Марио. Он срал бы бизнес через два дня».

«Возможно. Но доступ к камере наблюдения осуществлялся с его клуба. IP – оттуда. Может, он работает на него».

«Никто не видел лицо доктора Марио. Ни разу. Ни фото, ни голоса. Ты думаешь, этот кретин знает, кто он?» – спросил Гермес, потирая ногти.

Бенколин погладил бороду на подбородке и сказал: «Под кайфом человек может проболтаться о чем угодно. Я бы не стал доверять такую информацию дураку вроде Квентина», – сказал он и повернул голову, чтобы посмотреть на Гермеса.

«Мы будем следить за ним. Его отец связан с Гаспаром Риверой. Возможно, это ниточка».

Бенколин окинул Гермеса оценивающим взглядом, а затем спросил: «Какая именно проблема у тебя с Риверой? Почему ты так сильно хочешь его поймать?».

«Почему? – спросил он, подчеркивая глупость вопроса, – он главарь мафии. Ему место в тюрьме».

«Хорошо, но неужели ты думаешь, что он единственный плохой человек в округе? Я имею в виду, что есть и другие, но ты как будто клялся уничтожить именно его. Думаю, для этого есть особая причина. Вот что мне интересно: Чем Ривера заслужил твой гнев?»

Гермес, казалось, погрузился в раздумья, и Бенколин даже подумал на мгновение, что тот собирается все ему рассказать, но наконец то тот ответил: «Да так, без особых причин. Благодарю тебя за помощь. По крайней мере, мы нашли Квентина, а дальше я сам разберусь», – сказал он, меняя тему.

Глава 9. Логан Скотт.

Логан Скотт шагал по заросшей тропке через покосившийся сад, когда-то ухоженный, а теперь заросший сорняками и пыльными тенями прошлого. Дом стоял, как забытая шкатулка

с драгоценностями – старый, облупленный, но по-своему уютный. Где-то внутри гремел телевизор, из динамиков раздавался визг комментатора, за ним – хриплый, раздражённый голос его отца.

«Да пасуй же, идиот! Слева же свободно!» – кричал Хьюберт Скотт, как будто игрок мог его услышать.

А следом – знакомый женский окрик:

«Хью, ты можешь хоть один матч посмотреть спокойно?!»

Звук роняемой ложки. Вечные придирки, как дождь по крыше. Всё по-старому. Всё невыносимо привычно.

Логан тяжело вздохнул, вставил ключ в замок и толкнул дверь. За дверью пахло жареным луком, пивом и чем-то ещё... горьким.

«Капитаааан!» – радостный голос раздался с кухни, и шестилетняя девочка с чернильными волосами, растрёпанными и сверкающими на свету, рванула к нему.

Логан подхватил её на руки и закружил, прижимая к себе с неожиданной нежностью.

«Куда мы летим, самолётик?» – спросил он, поворачивая девочку то в одну сторону, то в другую.

Дороти, сияя, раскинула руки и прокричала: «Я хочу летать над облаками!»

Он засмеялся – как будто выдохнул пыль из сердца.

Прошлое напоззло, как утренний туман. Мать, бледная и хрупкая, уходящая с каждым вдохом. Рак лёгких забрал её, когда Логану было пятнадцать. Отец начал пить, как будто мог запить пустоту. Потерял работу. Логан подрабатывал вечерами, учился днём. Выживал.

А потом – знакомство отца с Лорен. В пабе. С его подружкой. Хьюберт вдруг ожил, отратил щетину, начал шутить, завёл новую работу. Лорен, младше его на семнадцать лет, всё-таки увидела в нём нечто большее, чем разбитого пьяницу. Медсестра, с прямым взглядом и упрямым сердцем. Благодаря ей Хьюберт вернулся к жизни. Потом свадьба. Потом – Дороти.

Логан, вернувшись из Афганистана, увидел сестрёнку уже трёхлетней. А потом – всё снова покатилося под откос. Отец сорвался, опять пил, одна работа сменяла другую, и ни на одной не держался. Лорен уставала до боли в ногах, но тянула дом. Всё держалось на ней и Логане. И на детском смехе, который, как свет сквозь щели, пробивался в этот тёмный мир.

«Ты уронишь её, Логан! Ой! И не наводи беспорядок, я только что убралась!» – воскликнула Лорен, вытирая мокрую тарелку, с укором бросая на него взгляд поверх плеча. Её голос дрожал» – усталость, раздражение, возможно, капля ревности. Всё перемешалось.

«Приготовься к посадке!» – скомандовал Логан, аккуратно опуская Дороти на пол. – Как там мой самолётик? Чем занималась, пока меня не было??»

Но прежде чем девочка успела открыть рот, голос Лорен разрезал воздух, как нож:

«Наконец-то вспомнил, что у тебя есть сестра! Где ты был?»

Логан вздохнул, взгляд стал твёрже:

«Я не в том положении, чтобы отчитываться».

«Ты живёшь в этом доме. Это не гостиница!» – она бросила тряпку в раковину.

«Конечно. Я же всегда первый, кто приходит на ум, когда нужны деньги».

«А кто ещё? Посмотри на своего отца!» – она резко кивнула в сторону дивана.

Хьюберт сидел, будто слипся с обивкой, в старой майке и полосатой пижаме, с пустыми глазами и бутылкой в руке. Живой призрак.

«Он либо спит, либо пьёт. Я с одной ночной на другую, я выгораю! Кто позаботится о ребёнке?»

Логан сдёрнул куртку и швырнул её на стул.

«Я всё знаю, Лорен, хватит повторять это каждый день».

Она, недовольно поджав губы, аккуратно сняла куртку и повесила на вешалку у двери.

Он давно понял, что не может склеить трещины этого дома. Большую часть времени он предпочитал оставаться в лаборатории Дэниела, потому что, приходя домой, не мог обрести тишину и покой. Возвращался ради Дороти. Только ради неё. Он приносил деньги, готовил ужин, укладывал сестру, и снова уходил.

На этот раз он остался, потому что должен был отвести Дороти в школу. Лорен уходила в раннюю смену. Уложив сестру, он вышел работать в пабе и вернулся под утро.

Скрип старой входной двери – еле слышный, как шепот ветра, – прорезал тишину. Логан, уставший до дрожи в коленях, снял куртку, повесил её на спинку стула и пошёл на кухню, хромя от усталости. Он едва держался на ногах. Паб вымотал его – драка, крики, шум – всё перемешалось в голове, как в пивной воронке. Он налил себе воды, сделал несколько больших глотков и почувствовал, как холодная влага оживляет, но совсем чуть-чуть.

Из-за угла донёсся лёгкий топот босых ног.

Лорен появилась в дверях, зевая.

На ней была короткая атласная ночная рубашка, почти невесомая. Свет лампы выхватывал изгибы её тела, словно специально подчёркивая всё то, что Логан не хотел видеть. Он резко отвёл взгляд.

«Сейчас 4:47. Ты только что вернулся домой?» – спросила Лорен. Голос её был хрипловат от сна.

«Да. Я работаю вышибалой в пабе, – устало ответил Логан, избегая смотреть в её сторону. Он вытащил потрёпанный кожаный бумажник, достал несколько купюр и положил их на стойку. – Холодильник пуст. Корми ребенка полезной едой. А на остальное купи что-нибудь для себя и Додо».

Лорен подошла ближе, её взгляд задержался на его лице. Она смягчилась.

«Спасибо, Логан, – сказала она, но, заметив, как он по-прежнему отводит глаза, нахмурилась. – Ты в порядке?»

Логан опёрся на столешницу. Он смотрел на потолок, на стену, куда угодно – только не на неё.

«Я просто устал. Хочу поспать. И... пожалуйста, Лорен, не забывай, что я тоже живу в этом доме. Ты не должна ходить полуголой. Это... неправильно».

Он старался смотреть ей прямо в глаза, и только туда.

Лорен склонила голову.

«А почему тебя это беспокоит? Ты ведь уже видел всё, что под этим», – прошептала она, не без вызова.

Логан сжал челюсть.

«Лорен! Прошое – это прошое».

Она сделала шаг ближе. Глаза её блеснули.

«Но судя по твоей реакции, оно никуда не делось. Признайся – я всё ещё тебя привлекаю».

Он молчал. Потому что это была правда.

Лорен была чертовски красива. Несмотря на свои тридцать шесть, она сохранила фигуру, от которой у мужчин ехала крыша: стройная, с изгибами. Ночная рубашка с глубоким вырезом на груди и спине больше скрывала, чем открывала, но от этого было только хуже. Рыжие волосы до пояса были растрёпаны, а глаза – тёмно-синие, затуманенные после сна.

Логан когда-то любил её. По-настоящему. А потом – удар в живот: она вышла за его отца. Он уехал в Афганистан, лишь бы не видеть её каждый день, не слышать её голос. Там он почти умер. И почти забыл.

Но теперь они снова под одной крышей.

«Что ты пытаешься доказать? – глухо спросил он. – Разве не тебе должно быть неловко быть рядом со мной... в этом?»

Лорен улыбнулась краешком губ, не отводя взгляда.

«Мне нравится дразнить тебя».

Она провела пальцем по его лбу, нежно, словно изучая его морщины.

«Когда ты злишься, у тебя здесь...» – её палец коснулся места между его бровями, – «... появляется эта складочка. Такая глубокая. Такая... знакомая».

Логан резко отступил, как будто её прикосновение было током.

«Возвращайся в постель, Лорен. Не дай своему мужу проснуться и обнаружить, что тебя нет рядом», – сказал он и быстро вышел из кухни.

Утро

Свет пробивался сквозь плотные шторы, рисуя бледные полосы на полу. Логан спал, как убитый, лицом вниз, с открытым ртом. Сверху на него смотрела маленькая девочка с косичками и веснушками на носу.

«Капита-а-ан! Вставай!» – крикнула Дороти, или просто Додо. – «Я опаздываю в школу! Мама ушла. Ты должен отвести меня! Ты что, забыл?»

Голос девочки пробивался сквозь толщу сна, как через воду. Логан пошевелился, но не открыл глаз.

«Ладно, маленький самолётик... ещё пять минут...» – пробормотал он, и снова провалился в сон.

«Подъём, старший брат. Я опаздываю!»

Логан открыл глаза. Встал и как солдат после трёх суток на посту, потащился в ванную. Он стоял у раковины, чистил зубы, закрыв глаза, и едва не уснул стоя. Дороти подтолкнула его локтем, чтобы не рухнул.

Когда она оделась, Логан взялся за её волосы. Додо сидела с книжкой, повторяя урок.

Логан в это время пытался уложить ей волосы в косичку, зевая и моргая.

Вдруг девочка отложила книгу и нахмурилась. Ноздри дёрнулись.

«Брат... пахнет горелым».

Логан распахнул глаза, метнул взгляд в сторону кухни – и лицо его исказилось.

«Омлет!» – воскликнул он и рванул с места.

Когда они вбежали на кухню, сковорода уже начала загораться.

Логан схватил мокрую тряпку и быстро сбил пламя. Его лицо было покрыто копотью и чёрными пятнами.

Дороти посмотрела на сковородку, затем на брата и грустно вздохнула:

«Сегодня мы снова останемся голодными...»

«Не переживай, мой маленький самолетик. Я куплю тебе сэндвич по дороге. Пойдем, надену тебе куртку».

В этот момент из спальни, пошатываясь, вышел Хьюберт. Его волосы были растрепаны, глаза полузакрыты.

«Что за запах? Мы горим, что ли?» – пробормотал он, щурясь на клубы дыма.

«Всё нормально, пап. – Логан быстро погасил тревогу. – Почему ты на ногах? Обычно ты спишь до полудня».

«Я проснулся из-за шума».

«Папа, омлет сгорел, пока брат пытался сделать мне прическу, – объяснила Дороти. – Ты ведь убережешь на кухне до прихода мамы, да?»

Хьюберт подошел к дочке, нежно сжал её щеки.

«Конечно, милая. Не беспокойся. – сказал он, а затем, обернувшись к сыну, неуверенно добавил: – Логан... может, одолжишь мне немного денег? Сейчас не работаю, но скоро начну. Обязательно верну».

Логан знал, что это неправда. Отец уже много раз обещал. Алкоголь мешал ему держаться на любой работе.

Но он молча достал из бумажника несколько купюр и протянул.

«Вот, пап. Можешь не возвращать. Только... пожалуйста, постарайся в этот раз остаться на работе хотя бы немного. Ради Додо».

Глаза Хьюберта блеснули. Он схватил деньги с улыбкой.

«Не беспокойся. Это другое. Я встречал Майкла, помнишь его? Мы идем в рыболовный бизнес. Лодка, море, рыба – и никаких подонков, которые тебя унижают за гроши».

Логан нахмурился.

«Ты точно уверен? Не лезь туда, в чем не разбираешься».

«Это всего лишь рыбалка, сынок. Всё просто».

«Ладно... Удачи», – сказал Логан, застегивая куртку сестре.

«Пойдем скорее, брат! Мы опаздываем на автобус!»

«Мы сегодня едем на машине».

«На машине? Чьей?»

«Ирен заедет. – В этот момент у дома посигналила машина. – Вот и она».

Дороти выскочила за дверь, помахала рукой и забралась на заднее сиденье к Леону, племяннику Ирен.

«Доброе утро, Додо», – улыbnулась Ирен, глядя в зеркало.

Логан молча плюхнулся на переднее сиденье и сразу закрыл глаза.

«Спасибо, что заехала. Я... посплю чуть-чуть, ладно?..» – пробормотал он и тут же захрипел.

«Серьезно, Логан?!» – удивилась Ирен.

«Он работал допоздна... – тихо сказала Дороти. – А утром чуть не сжег дом. Он очень устает. Мне его жаль».

Ирен кивнула. Она знала, через что прошел её друг. Её сердце сжалось. Она думала о том, чтобы наконец рассказать ему, в какую неприятность они попали. Ей нужен был Логан. У него всегда было решение на все случаи жизни. Но теперь, когда она поняла, как он устал и что у него и так много забот, она решила все же ему не рассказывать.

Дети болтали на заднем сиденье. Ирен иногда шутила, чтобы рассмешить их.

А Логан спал, как убитый.

Её отвлек звук сообщения. Она достала телефон.

«Ривера ждёт тебя в офисе. Срочно»

Сердце застучало быстрее. Ирен прикусила губу. Почему он вдруг позвал её? Чего он хочет?

Она отвезла детей в школу. Потом высадила Логана у лаборатории.

И, нервно глядя на экран, свернула к нужному адресу.

Глава 10. Первая миссия

Пятница 24 сентября

Ирен прошла через рентген-рамку на входе в здание – «Вавилон». Металл тихо загудел, когда охранник, не отрываясь от экрана, повел плечом – сигнал чист. Затем ее без лишних слов обыскала женщина в форме. Движения – отточенные, профессиональные, лишённые эмоций.

Лифт поднял её на этаж РН с тихим, гулким звуком, как будто внутри здания дышал зверь. Пол шёлковый на ощупь, стены – из черного стекла. Когда двери раскрылись, ее уже ждал Тристан – в привычной кожаной куртке, с усталым взглядом и вечной подозрительностью в прищуре.

«Что-то новое о Бенколине?» – спросил он, нахмутив брови. Голос – ровный, но внутри слышалась напряжённая струна. Он не умел прятать нетерпение.

Ирен замешкалась, на секунду прикусив губу. Если кто-то из людей Риверы действительно наблюдал за лабораторией, то наверняка видел, как туда заходили Гарсия и Бенколин. Значит, лучше не врать. Но и всю правду выдавать – опасно.

«Детектив-Лейтенант пришел с полицейской по имени Гарсия из УПОБ и попросил помочь найти наркоторговца по прозвищу Доктор Марио».

«И?» – Тристан сделал шаг ближе, глаза сузились, в них зажглась искра любопытства.

«Хакер поставил сложный пароль. Они так и не смогли выяснить, кто это» – сказала Ирен, предпочитая скрывать другие подробности.

Он выдохнул, будто от напряжения немного отпустило. Морщина между бровями разгладилась.

Он попросил ее оставить сумку, чтобы она могла пройти в комнату Риверы.

«Ты издеваешься? Меня уже обыскали на входе, сумку проверили». – Ирен в раздражении дёрнула плечом.

«Здесь есть правила безопасности! Не медли! – он хотел отобрать у девушки сумку, стянув ее с плеча, но Ирен воспротивилась и заявила: а кто защитит мою безопасность? Или хочешь ещё и ногти мне подстричь? А то, глядишь, поцарапаю глаза твоему драгоценному хозяину!»

Тристан поморщился – на шее всё ещё оставались тонкие красные следы. Он вспыхнул:

«От тебя, дикарка, можно ожидать чего угодно. Я тебе приказываю – ты выполняешь. Не перечь!»

«Или что? Пожалуйся своему хозяину? Ты верный пес, ты даже не можешь укусить без приказа!» – парировала Ирен с ядовитой усмешкой.

Это стало последней каплей в терпении Тристана. Щёки вспыхнули. Он уже поднял руку – не ударить, но сказать что-то резкое, когда дверь распахнулась.

«Мне еще долго ждать вас, мисс Кальдерон?!» – прозвучал спокойный, почти бархатный голос.

Ривера стоял в проёме. Высокий, собранный, холодный. Его присутствие сразу обострило всё вокруг – воздух стал гуще, как перед грозой.

Ирен вздрогнула. Внутри всё сжалось. Её охватила тревога – словно она стояла на краю бездны. Голос Риверы пронзал под кожей, холодил позвоночник. Но, странным образом, влек.

По какой-то причине этот человек одновременно и пугал ее, и вызывал интерес. Часть ее хотела убежать отсюда без оглядки, а часть – узнать, что он скажет.

«Я здесь, но ваш человек не пускает меня», – пожаловалась Ирен но удивилась и рассердилась на себя, услышав свой дрожащий голос. Она не хотела выглядеть трусихой перед этим человеком. Её тактикой выживания всегда было выглядеть как можно храбрее перед плохими

мальчиками. Потому что еще со школьных лет она знала: как только они поймут, что она слаба, то станет легкой добычей и превратится в их марионетку.

«Она отказывается оставить свою сумку у входа, сэр» – пояснил Тристан.

Ривера бросил на него взгляд. Без гнева, но с какой-то ленивой властью.

«Неважно. Пусть входит с сумкой».

«Да, сэр», – пробормотал Тристан, растерянный. Он знал Риверу много лет. Знал, как он действует. И никогда не видел, чтобы тот позволял подобное. Почему эта девушка? Что в ней?

Ривера сделал приглашающий жест.

«Входите».

Ирен прошла внутрь. Просторная комната на РН-этаже была роскошна. Панорамные окна выходили на город. Золотистое свечение касалось мебели, гладких кожаных кресел. Играла классическая музыка – виолончель.

Ирен сделала шаг. И тут – злобное рычание.

Она остановилась. Перед ней, как из тени, вынырнул ротвейлер. Огромный. Мощный. Глаза – жёлтые, как у зверя. Он зарычал, и Ирен попятилась, но тут же упёрлась спиной во что-то тёплое.

Ривера. Он стоял прямо за ней.

«С-собака... страшная...» – пробормотала Ирен, охваченная настоящим страхом.

«Магнус, сидеть», – скомандовал Ривера.

Пёс тут же подчинился.

Ирен снова взглянула на животное. Оно лежало, глядя на неё с тем же вниманием, что и хозяин. Она сглотнула.

«Собаки – дисциплинированное людей», – заметил Ривера. Его голос был всё таким же спокойным, но Ирен казалось, что каждое его слово звучит, как приговор.

Она инстинктивно сделала шаг в сторону, подальше от животного.

«Я не буду тратить ваше время, – сказал Ривера. – Я слышал, что у вас шаманские корни. Это правда?»

Ирен вскинула брови. На лице её застыло странное выражение – смесь растерянности и лёгкой досады. Она крепко сжала губы, словно пытаясь скрыть раздражение.

«Откуда вы это узнали? – спросила она, глядя прямо на Риверу. – Вы... наводили обо мне справки?»

Он стоял спокойно, опираясь на край дубового стола. Солнечный свет скользил по лакированной поверхности, дробясь в хрустальном бокале с водой. Его голос был ровным, но под тонкой оболочкой вежливости пряталась сталь.

«Мне естественно собирать информацию о человеке, который будет у меня работать, – сказал он, медленно повернув запястье, чтобы взглянуть на дорогие часы. – Но время – то, что я ценю превыше всего. Так что, если вы ответите на мой вопрос, сделаете меня счастливым».

Правда заключалась в том, что женщины в семье Ирен по материнской линии действительно обладали необычным даром. Шаманская кровь, как говорили старшие. Лечили травмами. Ирен же никогда особенно не вникала. Дар был – но спал.

«Да, – медленно начала она, – только женщины в моей семье обладают этими способностями. Я... не развивала их, если честно...»

Ривера перебил, словно не желал терять времени:

«Если я покажу вам фотографию, вы сможете определить, где этот человек?»

Ирен взглянула на него с лёгким сомнением.

«Я могу попробовать. Но не обещаю. Это не точная наука».

Она действительно не была уверена, что у нее получится. В то же время она не знала, кого и зачем ищет Ривера, и не могла сделать ничего такого, что могло бы подвергнуть чью-то

жизнь риску. Поэтому она не стала ничего обещать заранее, решила сначала выяснить, зачем он ищет этого человека.

Ривера прочитал колебание в её глазах.

«Если вы найдёте его, я вычту двадцать тысяч долларов из вашего долга».

Эти слова подействовали. Ирен напряглась. Такая сумма – это уже был стимул. Но и тревога внутри неё усилилась. Кто же этот человек, за которого Ривера готов платить так щедро?

«Мне понадобится предмет, принадлежащий этому человеку. Травы для эликсира и... большая карта. Очень большая».

«Обратитесь к Тристану, – кивнул Ривера. – Он всё устроит».

Травы были принесены в течение часа. Всё пахло сушёной мятой, горькой полыньёю и чем-то смолистым, тяжёлым. На кухне Ирен заварила зелье – её руки дрожали, когда она перемешивала тягучую тёмную жидкость. Затем они прошли в гостевую спальню. Шторы были плотно задернуты. Сумрак. Пахло свечным воском и чем-то древним, затерянным во времени. Карта заняла всё пространство кровати.

Ривера стоял у стены, как тень. Не двигаясь.

Ирен огляделась, вздохнула, порылась в сумке – и вдруг поняла, что забыла заколку. Волосы спадали на глаза. Она бросила быстрый взгляд на карман пиджака Риверы.

«Мистер Ривера... можно вашу ручку?»

Он медленно достал её и молча протянул. Она собралась, закрутила волосы, закрепила ручкой. Его взгляд ни на секунду не покидал её движений. Что-то в нём было слишком внимательное, слишком цепкое.

«Могу я взять фотографию и предмет?» – спросила она, уже опускаясь на колени у кровати.

Он передал ей старую фотографию и маленькую машинку. На фото – мужчина с гордой осанкой и рыбой в руке. Ирен взяла их, не задавая лишних вопросов, хотя сердце сжалось от любопытства. Она разложила камни на карте, перо – в центр. Закрыла глаза. Вдох. Выдох.

Картины вспыхнули перед глазами, будто кто-то включил кино. Мальчик, младенец, ссора, крики, ругань, уход. Мужчина с чемоданом. Слезы.

Отец.

Ривера ищет своего отца.

«Ну? Где он?» – голос Риверы ворвался в транс, как сирена.

Ирен распахнула глаза, метнув в него гневный взгляд.

«Мистер Ривера, я не GPS-навигатор. Хотите результат – не мешайте».

Он пожал плечами. Но не извинился.

«У вас был этот предмет слишком долго. Воспоминания спутались. Мне нужен контакт».

«В каком смысле?»

«Дайте мне вашу руку».

Он резко отшатнулся.

«Нет!»

Она удивлённо моргнула. Страх? Или что-то скрывает?

«Это единственный способ, – мягко сказала она. – Только через вас я могу его найти». Это была правда. Но Ирен также хотела воспользоваться возможностью узнать кое-что о Ривере.

Тот на секунду застыл, будто внутренне борясь с собой. Потом – шаг вперед. Тяжелый. Неохотный. Он подошёл к Ирен, протянул руку и сказал тихо, но с жесткой ноткой в голосе, обостряющей всё вокруг:

«У вас две минуты. Надеюсь, скажете, где он. Иначе... всё пойдет плохо. Для вас».

Он не угрожал громко. Он просто констатировал. И от этого становилось страшнее.

Она коснулась его руки. Кожа – неожиданно тёплая, даже нежная. И в то же время – опасная. словно эта ладонь могла и приласкать, и убить.

«Если хотите, чтобы я нашла его быстро, просто... думайте о нём», – прошептала Ирен, закрывая глаза.

Она сосредоточилась. Стук сердца стал глухим гулом в ушах. Пространство вокруг отступило, словно она нырнула в чужой поток сознания.

Сначала – кадры из бокса. Тяжёлый мешок, кулаки Риверы, напряжённые, как пружины. Потом – его собака, верный пёс, который лизнул ему щёку. Ирен будто листала книгу. Воспоминание за воспоминанием. Но некоторые страницы были вырваны – раз и нет. словно кто-то сознательно закрыл их от неё.

Она мельком увидела сыворотку. Чёрную, как нефть. Он вводил её себе в вену. И тут же – пустота. Занавес. Она ощутила толчок: Ривера не хотел, чтобы она это видела.

Любопытство кололо её изнутри. Она тянулась дальше. Хотела узнать, кто он – за пределами маски. Но вместо этого увидела... его в постели. Женщина, стоны, движение. Чувства. Слишком много чувств. Она резко отпрянула. Это было не просто воспоминание – это была ловушка. Намеренно подсунутая грязная сцена, чтобы сбить её с толку. Чтобы выкинуть из головы всё лишнее.

И это сработало.

Смущение ударило в щеки, как огонь. Она стиснула зубы, переключаясь на владельца машины. Внутри зазвучал голос – собранный, холодный: *работай, Ирен. У тебя всего минута.*

Появилось лицо. Место. Автопрокат. Она дунула на карту. Перо, казавшееся почти живым, закружилось, скользнуло по поверхности и остановилось – точно. В нужной точке.

Ирен открыла глаза и подняла их вверх. Ривера нетерпеливо смотрел на нее.

«Я знаю, где он. Он за границей», – сказала она и указала на перо.

Хотя на лице Ривера не было улыбки, в тусклом свете свечи она увидела, как триумфально блестят его серые глаза. Этот человек умел очень профессионально скрывать свои чувства.

«Хорошо, – только и сказал Ривера, а затем, осознав, что его рука все еще находится в руке Ирен, отдернул. – Если он там – минус двадцать тысяч с вашего долга. Как и обещал. Вы свободны.»

Ирен поднялась, дошла до двери. Потянула за ручку. Но его голос остановил её:

«Мисс Кальдерон».

Она обернулась.

«Сэр?...» – голос предательски дрогнул.

Он подошёл. Близко. Слишком близко. Его рука коснулась её волос – нежно, осторожно. Она застыла. Дыхание перехватило.

Но вместо того чтобы сделать что-то пугающее, он просто вытянул из её волос ручку – тонкую, черную, с серебристым наконечником. Волосы девушки рассыпались по плечам.

«Это подарок, – сказал он спокойно. – Я не хочу, чтобы она потерялась».

Он убрал ручку в карман и указал на дверь. Ирен даже не помнила, как дошла до машины. Лишь гул крови в ушах и бешеный стук сердца.

Каждый раз, когда она старалась быть храброй перед Риверой... она всё равно чувствовала себя загнанным кроликом.

Глава 11. 11.06.2040

На космической станции раздался сигнал бедствия – тревожный, протяжный, он будто пронзил металлические стены. Пол освещённых коридоров задрожал под глухими ударами сапог – солдаты мчались с оружием наготове.

Один из них – молодой, с резкими чертами и чуть влажным от напряжения лбом – остановился у двери каюты и, не дожидаясь приказа, толкнул её плечом. Она отворилась с тихим скрипом.

В полумраке каюты, среди запаха старых книг, пыли и едва уловимого лекарственного аромата, стоял старик. Он не обернулся. Его худощавая фигура сгорбилась над письменным столом, заваленным записями и потрёпанными фолиантами. Руки – тонкие, как обнажённые корни дерева – были сцеплены за спиной.

«Докладывайте,» – произнёс он. Голос был хриплым, срывающимся, как будто в горле что-то мешало. Тем не менее в нём звучала твёрдая, почти имперская властность.

Солдат вытянулся по стойке смирно. Он говорил чётко, но в его голосе всё же дрогнула нота неуверенности.

«Мой Канцлер... преступники взяли в заложники Хлою. Они баррикадировались в девятом отсеке. Мы предполагаем, что собираются захватить спасательную шлюпку и сбежать».

Старик медленно повернулся. Его подбородок дрогнул. Он не сразу посмотрел на солдата – вместо этого взглянул на свои костлявые пальцы, будто пытался сосчитать их.

«Солдаты сейчас пытаются выломать дверь», – поспешно добавил солдат.

Он резко ударил по столу – книги подпрыгнули, тетради распались на страницы. Солдат невольно сделал шаг назад.

Хотя на вид ему было далеко за восемьдесят, но его движения были настолько быстрыми, что казалось, этот человек обладает огромным запасом энергии, способным поджечь все вокруг. Его кожа, похожая на жабью, была довольно морщинистой и на первый взгляд выглядела влажной и скользкой. На мгновение солдату почудилось, что кожа Канцлера вот-вот сползёт с костей – как старая одежда, обвисшая и готовая упасть. Возможно, благодаря его упрямству и сильному характеру этого до сих пор не произошло. Его голова была лысой и, как и все остальное тело, покрыта старческими пятнами.

Он поднял пару, горящих голубых глаз, способных в одно мгновение превратить в пепел любого, и спросил хриплым голосом, который, казалось, доносился из глубины сырой пещеры: «Старик с ними?» Он не спросил – он знал, просто хотел услышать это вслух.

Солдат проглотил комок в горле. И под этим пронзительным взглядом, под которым перед глазами промелькнула целая жизнь многих людей, он откашлялся, надеясь, что голос не подведёт его.

«Да, сэр. По нашим данным, преступники – солдат Логан Скотт и его сын Эллиот Скотт. Они оба солдаты, поэтому вооружены. Трое наших солдат ранены»

«Проклятье!» – Канцлер с силой отбросил оставшуюся на столе книгу – она ударилась о стену, и солдат вздрогнул. – Вы должны остановить их любой ценой!» – гневно выдохнул он сквозь зубы.

«Да, сэр!» – почти выкрикнул солдат, делая шаг назад. Он задержался. Что-то в нём – остатки юношеской наивности или глупости – подтолкнуло его задать вопрос: «Но, сэр... На поверхности планеты – ни одного признака жизни. Если они покинут станцию, они... умрут. Тогда зачем мы их останавливаем? Разве их все равно не будут судить и приговорят к смерти, если поймают?»

Едва вымолвив это, он уже пожалел, когда встретил устремленный на него взгляд. У солдата похолодело под лопатками.

«Если бы глупость могла светиться, ты бы озарил весь космос», – тихо сказал Канцлер. – «Оставь свои вопросы при себе и выполняй приказ».

Солдат, тут же покорно поклонился и, будучи еще целым и невредимым, буквально бросился вон из комнаты.

Логан Скотт метался взад-вперед по тесной спасательной шлюпке, как загнанный зверь. Металлический пол глухо отдавал под его шагами. Он хмурился, сердито фыркал, и его острый, орлиный нос чуть дрожал от напряжения. Время поджимало. Ноздри впитывали тошнотворную смесь озона, старого пластика и машинного масла.

Рядом с панелью управления, склонившись над пультом, молодой Эллиот – высокий, с напряжёнными чертами лица, – лихорадочно работал пальцами. Стук кнопок сливался с тревожным гулом системы. Он ввёл координаты. Пункт назначения: Земля.

«Вы, должно быть, сошли с ума! – Хлоя Берн, стройная солдатка лет двадцати пяти, с пистолетом у виска, бросила гневный взгляд на мужчину, державшего оружие. – Земля не пригодна для жизни. Мы все заразимся, и погибнем там. Это самоубийство!»

Её голос дрожал, как натянутая струна. Белая кожа лба покрылась испариной. Её рука медленно скользнула к кобуре – рефлекс, которому научили годами службы.

Старик – седой, с кожей как пергамент и взглядом, полным упрямства, – только сильнее прижал ствол к её голове.

«Не верьте всему, что вам рассказывают, юная леди. Мы заражены ложью, не радиацией!»

«Это ты во всем виноват! – Логан резко шагнул вперёд, ткнул старика в грудь. – Ты влез в голову моего сына!»

«Я говорил ему правду. В отличие от тебя. Ты кормил его иллюзиями, как молоком. А правда – горька».

Логан сжал кулаки, его скулы задвигались. В груди всё бурлило.

«Хочешь правды? Тогда иди к Канцлеру. Пусть скажет, почему половина станции врет остальной половине.»

Он показал на пульт.

«Либо ты следуешь его правилам, либо покидаешь корабль. Все просто. Мы с Гвендолин, с Дженнифер... боремся за выживание. Ты хочешь обвинить нас? Вперёд».

Старик сжал губы в тонкую линию.

«Это всё ещё можно остановить».

«Додо тоже так думала, – глухо сказал Логан. – Сбежала со своими вольнодумцами два года назад. Где они теперь? А мы всё ещё здесь. Ничего не изменилось».

Старик прищурился:

«Значит, изменим».

За дверью слышались глухие удары. Солдаты таранили шлюз. Металл уже начал прогибаться.

«Ты не имеешь права жертвовать моим сыном ради спасения своего! – рявкнул Логан, делая шаг вперёд.

«Он не твой сын!» – с вызовом бросил старик.

В Логане вспыхнуло что-то дикое. Он ударил себя в грудь кулаком, будто доказывая, что сердце ещё живо:

«Заткнись! Он мой! Я его вырастил. Я менял его пелёнки. Я учил его ходить. Я ночами не спал, когда он болел. Он – мой сын».

«Что ж... сочувствую твоим усилиям, Логан. Но он должен знать, кто его настоящая мать. Логан поднял палец, готовый ринуться в новый спор, но из-за пульта раздался голос:

«Папа, хватит!»

Эллиот обернулся, его глаза были полны усталости и решимости.

«Я делаю это не из-за него. Это мой выбор. Я хочу на Землю. Всё. Хватит винить старика».

Внутри Логана всё рухнуло. Он шумно выдохнул, сжал губы, и молча отвернулся. Снова начал расхаживать по шлюпке, шаги становились всё тяжелее.

«Ты всё делаешь неправильно, сын. Там, внизу, нет ничего. Ни жизни, ни света. Только смерть».

«Да! – подхватила Хлоя, не сводя глаз с оружия. – Вы должны его слушать. Мистер Скотт – единственный разумный человек здесь».

Эллиот только покачал головой. Он застегнул ремень, повернулся к панели и заговорил быстро, отчётливо:

«Поздно. Все на места. Пристегнуться. Пуск – через тридцать секунд».

Тишина наполнилась тиканьем счётчика. 29... 28...

Логан и Хлоя обменялись взглядами. Без слов. Он посмотрел на неё так, будто хотел сказать: Я пытался. Я правда пытался.

Они подчинились. Сели. Пристегнулись. Металл скрипнул под весом их тел.

Три... Два... Один...

Секунда – и гравитация сорвалась с цепи. Шлюпка дёрнулась, отброшенная от станции. Корабль метнулся в пустоту, разрезая холодную тьму космоса на огромной скорости.

А впереди – Земля.

С орбиты планета выглядела мёртвой – выжженной, молчаливой, как забытый богами могильник. Но внутри экипажа теплилась мысль: *там кто-то есть*. И они не ошиблись. Живые были. Изломанные, измученные, но всё ещё живые.

Старая гостиница на вершине холма давно перестала быть прибежищем для путешественников. Теперь она стала последним пристанищем упрямых выживших – тех, кто отказался умереть.

Дороти Скотт сидела, поджав ноги, в изношенном кожаном кресле возле окна, герметично заклеенного чёрной изолентой и тремя слоями пластика. За ним нельзя было разглядеть ничего – лишь мутный, серо-коричневый свет, будто само небо сгнило. Воздух, хоть и стал чище за последние годы, и жители приобрели иммунитет, но слишком долгое пребывание на открытом воздухе могло привести к серьезным повреждениям.

Воздух внутри казался тяжёлым, как одеяло, натянутое на грудь. Гудел самодельный фильтр в углу комнаты: двигатель от холодильника, фильтрующая ткань из старого плаща и трубки от капельницы. Каждое дыхание – как глоток воды в пустыне. Выжитое из останков прошлого.

Тонкая лампа, питаемая от выцветшей солнечной панели на крыше, моргала и издавала слабый электрический треск. Солнце почти не пробивалось через смог, но хватало, чтобы зарядить пару аккумуляторов – этого было достаточно для света, фильтра и коротких радиосигналов.

Дороти склонилась над тетрадью. Страниц почти не осталось. Карандаш был истёрт до корешка, с зазубренным грифелем. Она писала наискосок, стараясь уместить слова:

«День семь тысяч девятьсот шестой.

Очиститель почти сдох. Если завтра не разберу ту стиралку, которую нашли в прошлом месяце, придётся дышать тем, что есть».

Она приехала сюда с верой. С мечтой восстановить лабораторию. Запустить машину времени. Перезаписать историю. Вернуть всё, как было.

Но надежда быстро столкнулась с реальностью.

Одноглазый... Это имя шипели в темноте, передавали шёпотом из уст в уста. Он собрал вокруг себя жестоких, выживших любой ценой, и сделал из пандемии своё оружие. Его банда контролировала руины, водоочистительные станции, остатки техники... и лабораторию. Он не жалел никого. Старики, дети, женщины – никто не был в безопасности.

Когда Дороти впервые столкнулась с его людьми, она поняла, насколько всё изменилось. Это была не просто война за ресурсы. Это была война за само право быть человеком.

Она встретила несколько выживших. Некоторые были из её прошлого – тех, кого она считала давно погибшими. Но радость встречи быстро омрачилась страхом: теперь даже друзья могли предать ради куска хлеба или батарейки. Мир больше не знал жалости.

Воду собирали по утрам, скапливая конденсат на прохладных трубах. Но не хватало. Каждый выход наружу – как лотерея. Противогаз, винтовка, карта старых тоннелей. Они искали еду, воду, топливо. Всё, что могло поддержать их фильтры и дыхание. Главное – не попасться людям Одноглазого.

Когда Дороти и её спутники впервые попытались прорваться к лаборатории, всё пошло наперекосяк.

Она всё ещё помнила тот день, как будто он был вчера. Хотя с тех пор прошло больше двух лет.

Они с Тристаном стояли в сердцевине лаборатории. Металл машин времени охлаждал пальцы. Тристан дрожал. Не от страха – от ответственности. Он знал, что любое движение, любое смещение – это ставка на всё. Но тогда у них не было выбора.

Они прыгнули.

Время треснуло.

На мгновение всё замерло – и рассыпалось на осколки. Они вернулись слишком поздно, но при этом слишком рано. Что-то в структуре истории поменялось. Кто-то выжил, кто должен был умереть. Появилось то которого не было в их временной линии. И Одноглазый... Его люди уже были внутри, когда они вернулись.

Им пришлось бежать. Быстро, не оглядываясь. Его парень Джейсон прикрывал их, пока она не услышала автоматные очереди. Сначала одна. Потом другая. Потом... тишина.

С тех пор путь к лаборатории был закрыт. Как будто само время швырнуло их прочь. близко. Одноглазый выставил патрули, их не подпускали. Но они держались. И Дороти всё ещё верила, что можно всё изменить.

Однажды они снова доберутся туда.

Но в этот раз – осторожно. Без скачков. Без ошибок.

Очиститель вдруг чихнул, затрещал, и Дороти замерла, вжав карандаш в ладонь. Посмотрела – нет, просто пыль попала в фильтр. Она выдохнула. Слишком резко.

За спиной что-то щёлкнуло – и на старом столике коротко пикнул спутниковый приёмник. Она медленно повернула голову. Не веря. Не дыша.

Писк повторился. Уже громче. Уже яснее.

Она вскочила, задела локтем лампу, отчего та упала и загорелась тусклым тревожным светом. Писк повторился.

«Господи... сигнал...» – прошептала она, и голос у неё сорвался.

Через секунду она уже неслась по коридору, босые пятки шлёпали по доскам, руки метались вдоль стен – она держалась за всё подряд, будто мир внезапно стал подвижным.

В холе пахло старой древесиной, металлом и чем-то влажным – сырость въелась в стены за годы. Все окна и двери были плотно закрыты. Ни одного открытого проёма – даже замочная скважина заклеена лейкопластырем. Воздух здесь тоже гонял старенький самодельный фильтр – склеенный из автомобильного вентилятора, медного провода и части школьного пылесоса. Иногда он урчал и задыхался, как старик, но всё ещё работал. Пока.

Тристан сидел у стены и разбирал автомат. Он работал молча, сосредоточенно, как хирург, спасающий то, что спасти нельзя. Его левая рука была так слаба, что он почти не мог ею пользоваться. Память о его прошлых грехах. Патроны лежали перед ним в тряпке – он сам собрал их по руинам: три настоящих, остальные – самодельные. Надёжность у них была такая же, как у предателя.

Ирен колола засохшие коренья в глиняной миске и осторожно добавляла их в кипящий котелок. В нём булькала вода из фильтра – мутная, со вкусом железа. У неё был особый рецепт: немного сушёной крапивы, две дольки вяленого корня, щепоть соли из старого склада. Её лицо было сосредоточенным, а движения – отточенными. Как будто каждое варево было не супом, а ритуалом, сохраняющим веру.

«Если еда пахнет хотя бы немного как еда – значит, ещё не всё потеряно», – однажды сказала она, и Тристан запомнил.

Запахавшись, Дороти влетела в холл, когда-то парадный, теперь – заставленный батареями, пустыми канистрами и мешками с сухим мхом.

«Ирен! Тристан! Я получила сигнал! Кто-то с космической станции приближается к Земле!»

Ирен подняла голову. Тристан вздрогнул. Его лицо потемнело, в глазах – тревога и решимость. Он подошёл молча взял прибор из рук Дороти. Посмотрел на мигающий дисплей. Его брови дрогнули.

«Они садятся к западу от лаборатории. Собираемся и выходим. С фильтрами. С винтовкой. И со всем, что осталось».

Ирен поднялась. Медленно. Как будто каждое движение вызывало боль. На лице мелькнула слабая, тусклая, но настоящая улыбка.

«Пешком мы их не догоним», – сказала Дороти, облизав пересохшие губы.

«Я скажу этому болвану подготовить машины, – процедил Тристан. – Мы должны добраться туда первыми. До крыс Одноглазого». – Он метнулся прочь, схватив рюкзак.

Ирен подошла ближе. Руки дрожали.

«Додо... ты думаешь... это он?» – шепнула она, прижимая ладонь к груди.

Та улыбнулась, несмотря на пересохшие губы.

«Думаю, это он! Я же говорила тебе, я встречала его в прошлом!» – глаза блеснули, как у ребёнка, увидевшего звезду, о которой читал только в книгах.

Шлюпка с шипением опустилась в пыль. Земля дрожала под её весом. Люк открылся, и наружу вышли четверо в защитных масках – Старик, Логан, Хлоя и Эллиот. Они ступили на Землю, словно на мифическую землю из сказок, передаваемых в замкнутых отсеках станции из поколения в поколение.

Руины Сан-Вриго лежали вокруг них, будто высушенные кости цивилизации. Полуразрушенные здания. Ржавые машины, заросшие травой. Лоскутки баннеров, колышущихся на летнем ветру.

Хлоя наклонилась. Почва. Настоящая. Не симулированная. Она коснулась её, провела пальцами, загребла немного и рассыпала в ладонях. Под маской её лицо вспыхнуло восторгом, словно она прикоснулась к легенде.

Эллиот, сжав прибор в руке, всматривался в экран:

«Показатель – 56 процентов. Папа, Хлоя – не снимайте маски».

Старик кивнул:

«Пошли. Лаборатория в полутора часах отсюда, если двигаться сразу».

Логан обеспокоенно спросил:

«Эл, у тебя есть запасной фильтр?»

«В рюкзаке, парочка есть. Маски продержатся семь—восемь часов. Надо торопиться».

Но не успели они пройти и десяти шагов, как почувствовали движение. Что-то было не так.

Тихий шорох. Хруст.

Они остановились. Из теней, из разрушенных арок и брошенных машин выходили фигуры. Люди. Загрубевшие, в рваной, замызганной одежде, вооружённые, с тряпками на лицах, они окружали группу, медленно, как стая голодных псов.

«Боже мой... здесь есть люди!» – прошептала Хлоя.

«Да, но они не выглядят дружелюбно», – ответил Логан, прижимая к груди рюкзак.

Из толпы вышел мужчина. Молодой, с каштановыми волосами, заплетёнными в тугую косу. Его взгляд был холодным и точным, как лезвие. В руках – автомат.

«На месте! – приказал он. – Одно неверное движение – вышибу вам мозги».

Глава 12. День рождения

суббота 25 сентября

Жак Бенколин сидел в машине с Йеном в трёхстах метрах от дома. Машина утонула в тени высоких сосен, как в капкане. Он жевал холодный тост, не отрывая взгляда от окна в задней части дома – там, где находился бассейн. За домом начинался густой лес – идеальное укрытие для убийцы.

«Жак, – сказал Иен, бросив взгляд в сторону виллы, – ты должен был предупредить девушку. Или хотя бы её родителей».

Бенколин отодвинул бинокль и покачал головой.

«Всё должно выглядеть естественно. Палач слишком умен. Если он хоть что-то заподозрит – мы его упустим».

Он снова приткнулся к окулярам. Его пальцы нервно сжимали корпус бинокля. На секунду ему показалось, что в темнеющем лесу промелькнула тень, но это был всего лишь ветер, шевельнувший листву.

На вилле веселье достигало апогея. Под музыку хлопали пробки от шампанского. Переодетые официантами полицейские передавали сигналы по радиоканалу. Внутри работала Гвендолин – в роли фотографа. Бенколину не нравилось её участие. Она была гражданским лицом, без специальной подготовки, слишком рьяна – и к тому же племянница шефа. Сказать «нет» означало перечить начальству.

Но что-то начинало идти не так.

21:37.

Свет погас. В доме разом отключилось электричество, и всё вокруг окутал плотный, густой мрак.

Бенколин тут же нажал на кнопку передатчика:

«Докладывайте. Что происходит?»

Голос одного из агентов прозвучал в наушнике спокойно, почти с извинением:

«Это они так торт собираются выносить. Эффект неожиданности».

Жак сжал губы. Всё это напоминало ловушку. Он уже слышал об убийцах, которые использовали такие трюки. Темнота – их территория.

В это время, за изгородью...

Мужчина в чёрной одежде затаился в тени. Лицо скрывала маска, на руках – кожаные перчатки. Всё тело напряжено, как у стрелка перед выстрелом.

Он ждал этого момента – темноты. Тишины. Мгновения, когда все отвлечены. Он знал план дома, знал, где находится задняя дверь. Медленно, почти с грацией зверя, он перепрыгнул через изгородь и направился к крыльцу. Его сердце билось быстро. Несмотря на опыт, каждый раз был как первый. И последний.

Бенколин что-то уловил краем глаза. Он резко повернул бинокль в сторону бассейна. Сердце екнуло.

«Йен, – прошептал он. – У нас гость».

Иен уже тянулся к рации.

«Подтверждаю, – сказал Жак, – кто-то приближается к задней двери. Не наш человек».

Он выскочил из машины. Двигался быстро, но не бежал – чтобы не привлекать внимание. Трава хрустела под подошвами. Пальцы судорожно сжимали рацию. В голове гудело напряжение.

«Всем быть наготове, – сказал он в микрофон. – Мы берём его с поличным. Без паники. Без ошибок».

Он знал: Палач – как змея. Один неверный шаг, и тот исчезнет в темноте. Навсегда.

Лунный свет скользил по мокрой от недавнего дождя черепице, обрисовывая неровный силуэт виллы. В высокой траве, за забором, затаились двое – Жак и Йен. Их дыхание сливалось с ветром, лица напряжены, пальцы крепко сжимают рукояти пистолетов.

Скрипнула дверь.

На крыльцо вышел мужчина в чёрной маске. На плече он нес девушку – тонкую, как птичка, – и беспокойно извивающуюся. Из-под мешка на её голове доносились глухие звуки. Ноги яростно барабанили по его груди, но он шёл уверенно, как будто нёс мешок картошки. Прямо к фургону, стоявшему в тени деревьев – метрах в сорока от дома.

Жак шепнул:

«Готов?»

Йен кивнул, стиснув челюсть.

Когда похититель потянулся к ручке фургона, они выскочили из укрытия, как пружины.

«Стоять! Руки вверх!» – закричал Жак.

«Отпусти её немедленно!» – добавил Йен.

Из кустов и теней вынырнули полицейские – как будто сама ночь вдруг наполнилась оружием и голосами. Мужчина остановился. Резко, как будто кто-то дёрнул за ниточку. Он медленно поставил девушку на землю. Она вскрикнула сквозь скотч, лицо искажено паникой. Мужчина поднял руки.

– Ложись! – крикнул кто-то.

Он подчинился без сопротивления.

Жак подбежал, щёлкнули наручники.

Гвендолин подбежала к лежащей на земле в панике девушке, сняла с ее головы мешок, сорвала с ее рта ленту и перочинным ножом одного из полицейских сняла с ее рук пластиковые наручники. Она обняла ее, пытаясь успокоить.

Жак повернул мужчину на спину – дыхание в груди замерло. Пальцы дрожали, когда он снял с него маску.

Тот оказался молодым, привлекательным. Светлые волосы, голубые глаза. Ни тени безумия или жестокости. Скорее – лицо модели, а не маньяка.

На миг повисло гробовое молчание.

В этот момент дверь фургона открылась – и оттуда вышли двое парней. Тоже в чёрном. Их лица были полны недоумения.

«Что за черт? Это часть шоу? – спросил один, растерянно оглядывая полицейских и арестованного. – Нам не сказали, что всё будет так серьезно».

Жак замер.

«Шоу?... Что вы несёте?»

Тут он заметил в фургоне коробку с тортом, светящиеся гирлянды и... шляпы с блёстками.

«Это сюрприз! Стриптиз-шоу! – затараторил арестованный, бледнея. – Меня наняли сыграть похитителя». Я должен был ворваться, «украсть» именинницу, и всё должно было закончиться смехом.

«Кто вас нанял?» – рявкнул Жак, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

«Оплата пришла в криптовалюте. А имя заказчика – Жак Бенколин».

Все замерли.

Жак почувствовал, как по его лбу стекает капля пота. Он сглотнул, переводя взгляд с одного лица на другое.

«Ты похитил не ту девушку, идиот! – сердито сказала освобождённая девушка, – Я не именинница! Ты заклеил мне рот, прежде чем я успела тебе объяснить».

Даже Жак только сейчас осознал, что она не Саманта.

«Но... вы та самая девушка на фотографии, которую прислали на телефон, – воскликнул парень, указывая на девушку. – с розовой лентой в волосах...»

Жак взгляделся в неё... и похолодел. Черты – действительно очень похожи. Похожее платье, та же фигура. Только теперь он понял – это не просто случайное сходство. Подстава.

Он выпрямился. В его голове с грохотом включился тревожный сигнал.

«Саманта! Где Саманта?!» – голос его был сорван.

Он метнулся к толпе, вышедшей из дома посмотреть на «представление».

«Где она?! Кто видел Саманту?!»

Йен, побледнев, тоже стал оглядывать лица.

Гвендолин, всё ещё рядом с девушкой, повернулась к толпе:

«Саманта была среди вас? Кто-нибудь её видел?»

Молчание. Только музыка из дома доносилась, приглушённая.

Они бросились внутрь.

«Саманта! – крикнул Жак. – Саманта, отзовись!»

Ни звука. Только пустота.

Дверь была открыта. На полу – один розовый бантик.

Гвендолин уже набирала номер на телефоне.

«Кому ты звонишь?!» – Жак схватил её за руку.

«Даниэлу, – сказала она быстро. – Я установила чип в платье Саманты. Если Рут подключится, мы сможем её отследить».

Жак тяжело дышал.

«Надеюсь, они ещё не успели увезти её...»

Их взгляды встретились. В них было всё: страх, вина, ярость.

В доме пахло сладким – будто бы карамелью. Но во рту оставался привкус железа.

Глава 13. В погоне за убийцей

Лаборатория в этот час была наполнена ровным гудением приборов и еле слышным шелканьем клавиш. Над головой тускло мигали лампы дневного света, будто замерзшие от собственной усталости. В углу за длинным столом сидел Логан, склонившись над раритетным радиоприемником, который, судя по обшарпанному корпусу, застал еще время ламповых телевизоров. Паяльник в его руке потрескивал, распространяя в воздухе знакомый запах жженого пластика и олова.

Ирен подошла тихо, словно боялась потревожить его мысли, и села рядом на высокий лабораторный стул.

«С тобой всё в порядке?» – спросила она, голос её прозвучал мягко.

«Всё тип-топ, мамасита», – отозвался Логан, не отрывая взгляда от платы. – «Ты как?»

«Нормально. Просто... беспокоюсь о тебе. Как долго ты собираешься злиться на Дэниела?»

Он резко отложил паяльник, и на секунду в воздухе повисло напряжение. Его зеленые глаза встретились с её – прямой, твердый взгляд.

«Просто чтобы ты знала: не стоит его оправдывать. Это не работает. То, что он сделал – было неправильно». Он на миг помолчал, а потом добавил, жестко, но почти с болью: «Ты тоже должна злиться. Он чуть не сварил тебе мозги, Ирен».

Он снова отвернулся к радиоприемнику, точно разговор был исчерпан. Ирен качнула головой.

«Да ладно, Логан. Он должен был это сделать. Без этого у нас бы ничего не получилось. Я его понимаю».

Прежде чем он успел ответить, в дальней части комнаты раздался звонок. Рут, сидевшая за компьютером с постоянно сползающими очками, подняла трубку и, быстро защелкав по клавиатуре, прошептала:

«Хорошо, Гвени, я отправила координаты... Да. Они всё ещё идут пешком. Принято. Пока».

И она повесила трубку.

Ирен обернулась к ней:

«Что сказала Гвен? Разве они не были на операции?»

Рут чуть приподняла брови, вытирая ладонью лоб:

«Были. Но что-то пошло не так. Палачу удалось похитить девушку».

«Вот чёрт», – хором выдохнули Ирен и Логан.

Ирен опустила плечи, глядя в пол:

«Мы так старались... и всё напрасно».

«Это ещё не конец», – сказала Рут и вскинула взгляд. – «Гвен тайком вставила в платье девушки чип от Дэниела. Мы отслеживаем сигнал».

В этот момент паяльник соскользнул из руки Логана, и он тихо, но емко выругался сквозь зубы. Ирен отшатнулась.

«Эй, осторожнее!»

«Ну как? Сработал ли микрочип, над которым мы вместе работали и который Дэниел начал использовать, не удосужившись сообщить нам об этом?» – спросил он, притворно равнодушно, снова берясь за инструмент.

«Да. Полиция уже охотится за ними», – коротко ответила Рут. – Логан, он просто пытается как-то помочь. И смотри, это сработало».

«Проблема в том, что он не относится к нам как к личностям. – Логан прищурился, глядя на Ирен. – Ты знала, что он дал Гвен чип?»

«Нет. Дэн мне ничего не рассказывает. С чего бы ему делиться со мной такими вещами?»
Он покачал головой и буркнул, уткнувшись в экран телефона:

«Я всё ещё не понимаю, что ты в нём нашла. Почему именно он, Ирен? Из всех мужчин – Дэниел?»

Ирен слегка улынулась, но в этой улыбке было больше усталости, чем радости.

«Потому что он умный. И красивый».

Логан поднял глаза, его лицо перекосилось в нечто среднее между усмешкой и болью.

«И агрессивный. И трудоголик. И неуравновешенный. И токсичный».

Рут, не отрываясь от монитора, хмыкнула.

«Логан, так выглядит любовь. Ирен – как исцеление для Дэниела», – сказала она, не поднимая головы.

«Я знаю, – сказал он, вскинув руки. – Меня просто беспокоит, что он может быть отравой для неё. Ладно, больше не скажу ни слова. Но ты, Ирен, сама подумай – хочешь ли быть с человеком, который без колебаний готов сварить твои мозги ради очередного гениального эксперимента?»

Она посмотрела на него с тихой печалью и прошептала:

«Я не хочу разрываться между вами. Пожалуйста... помирись. Потому что вы оба мне очень дороги».

Она наклонилась, обняла его крепко, по-дружески, словно хотела остановить бурю внутри него этим одним касанием.

Логан сначала не двигался, а потом медленно, почти неуверенно, положил руку ей на плечо.

Получив информацию о местонахождении, Гвендолин и Жак вместе с другими полицейскими побежали в лес по направлению сигнала. После определенного момента они разделились, чтобы окружить убийцу. Дождь начинался с предательской лёгкости – пара капель на носу, почти ласковых.

Гвендолин затаила дыхание и ускорила шаг. Мокрые листья прилипали к подошвам, хрустели под ногами, предавали. Впереди мелькали силуэты – другие полицейские, бегущие по сигналу трекера, как загнанная стая. Но после поворота – никого. Они разделились.

Слева мелькнул фонарь – Жак Бенколин. Упрямый, как бык, но в свои сорок один всё ещё держал форму. Он неслся вперёд, прищурившись сквозь мрак, как будто сам лес пытался его остановить. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, но он не сбавлял шаг. И вдруг – хруст, предательская коряга, и он рухнул, как подкошенный.

«Бенколин! – Гвендолин в панике скользнула к нему. Голос её дрожал. – С вами всё в порядке?»

Он тихо выругался, держась за запястье. Грязь въелась в ладони, и правая рука уже ныла. Но он кивнул, медленно поднимаясь. Когда она протянула ему руку, что-то просвистело у самого уха, словно оса, и вонзился в дерево позади них.

Пуля? Нет – дротик.

«Чёрт возьми! – Бенколин резко дёрнул Гвендолин за руку и рванул за ближайшее дерево. – Назад! Быстро!»

Они рухнули в укрытие. Бенколин метнулся к поясу – пистолета не было. Проклятие. Должно быть, потерял при падении. Теперь – только холод, дождь и слепая опасность.

«Что происходит?!» – Гвендолин вцепилась в лацкан его пальто. В голосе – паника.

Он огляделся, потом крикнул в темноту:

«Полиция! Кто ты, чёрт возьми?!»

Молчание. Только дождь. Струи воды стекали по лицам, смешиваясь с потом.

«Саманта уходит, – Гвендолин посмотрела на экран телефона: мигающая точка отдалялась. – Мы теряем цель!»

Бенколин облизал пересохшие губы. Его глаза сузились, голос стал хриплым:

«Вперёд. Зигзагом. Он пытается задержать нас, но не убить. Если бы хотел – уже бы это сделал».

Гвендолин нахмурилась, прислушалась. Сердце колотилось. Он прав. Преследователь не приближался. Просто оттягивал время.

«У меня есть план. Только один шанс, – прошептал Жак. – Но вам придётся сыграть главную роль».

Она кивнула. Бенколин объяснил план коротко и чётко.

«Майерс, он должно быть ушёл. Бежим! – нарочито громко бросил Жак и взмыл из-за дерева, словно тень, сорвавшаяся с поводка.

В ту же секунду из темноты что-то свистнуло – дротик. Он пролетел в дюйме от его шеи и задел только воротник пальто, оставив тонкую полоску крови на коже. Глаза Бенколина сузились.

Щёлкнула вспышка. Лес взорвался слепящим светом.

Гвендолин вынырнула из укрытия и сделала серию снимков, направляя объектив туда, откуда прилетел дротик. Лицо её было каменным, но руки дрожали. Взгляд метался, как у зверя, запертого в клетке.

«Бежим!» – бросил Жак, выдирая дротик из воротника и пряча его в карман.

Они бросились вперёд, зигзагами. Позади слышался топот и глухой свист ещё нескольких дротиков. Один ударил в ствол дерева, другой в землю у самого ботинка Бенколина.

Кроны деревьев над головой сплетались в единое мокрое небо. Дождь усиливался. Он бил по лицу, ослепляя. Грязь хлюпала под ногами, каждый шаг давался с трудом.

Гвендолин, не отрывая взгляда от экрана телефона, сверялась с сигналом чипа Саманты. Они были близко.

«Сюда! Мы почти...» – выкрикнула она, но фраза оборвалась. Под ногами хрустнуло, земля ушла – и оба рухнули вниз по склону, прямо в ледяной ручей.

Жак глухо выругался и тут же закашлялся. Он ударился плечом, коленом и затылком, но остался в сознании.

«Я здесь, мисс Майерс... С вами всё в порядке?» – прохрипел он, ощупывая лицо, с которого стекала грязь.

«Да... вроде бы», – Гвендолин зажмурилась

Бенколин поднялся, шатаясь, и на ощупь нашёл чью-то фигуру. Он наклонился, коснулся плеча.

«У вас что-то болит?»

«Нога... но это не важно», – отозвался голос откуда-то из темноты. Жак замер. Он понял, что перед ним не Гвендолин.

Он вытер глаза рукавом, пригляделся.

«Саманта...» – выдохнул он.

Гвендолин подбежала, увидела её. На мгновение – облегчение, потом ужас. Лицо Саманты было бледным, губы посинели.

«Она... дышит?»

Бенколин уже проверял пульс. Дыхание было – редкое, едва заметное. Его пальцы тут же надавили на рану в животе. Из-под платья сочилась тёплая кровь.

«Майерс, она ранена. Нужно срочно вызвать „скорую“. Немедленно», – с усилием поднял её на руки, покачнулся.

Гвендолин заорала:

«Помогите! Мы здесь! На помощь!»

Голоса. В темноте и ливне – кто-то приближался.

Йен и ещё двое полицейских появились с фонарями, будто вынырнули из небытия.

Жак передал Саманту в руки парамедикам и вытер лицо рукавом.

Девушку тут же погрузили в машину скорой помощи – фары ударили в темноту леса, сирена оживила и растаяла вдали.

Йен стоял в нескольких шагах, лицо уставшее, но собранное. Он окинул взглядом их обоих: измождённые, перепачканные, глаза полны света и тьмы одновременно.

«Выглядите неважно. Вам стоит поехать домой, принять душ... Отдохнуть»

Бенколин потянулся в карман пальто, достал дротик и спросил: «Приятель, у тебя есть пакет для улик?»

Йен молча протянул прозрачный зип-пакет.

«Что это?»

«Кто-то преследовал нас в лесу. Он стрелял этим. Скорее всего, дротики отравлены. Он отвлекал нас».

Один из полицейских подошёл, протянув пистолет.

«Начальник, думаю, это ваше. Нашли в кустах».

Бенколин кивнул, взял оружие и поблагодарил его.

Гвендолин стояла рядом, держала фотоаппарат обеими руками. Пальцы дрожали. Камера была заляпана грязью и треснула сбоку.

«Сломался, – прошептала она, проводя пальцем по корпусу. – Но карта памяти, кажется, жива. Проверю дома. Может, я успела заснять лицо нападавшего».

Бенколин взглянул на неё с благодарностью.

«Благодаря вспышке мы и спаслись. Если что найдёте – дайте знать. И спасибо вам. Мы нашли Саманту только благодаря чипу».

«Не за что. Я тоже хочу найти Палача».

Йен вздохнул, опустив плечи.

«Не думаю, что Саманта сможет что-то рассказать. Если бы она знала, кто он – он бы не оставил её в живых».

Он замолчал на мгновение.

«Но как он узнал, что мы будем здесь?»

Бенколин, обдумывая детали, провёл рукой по густой бороде, его лоб нахмурился.

«Да, он точно знал. Сделал заказ от моего имени, договорившись со стриптизером. Не случайно он бросил Саманту. Он как-то узнал про чип, узнал, что мы у него на хвосте. А раз сбежать с девушкой не получилось, ему пришлось уносить ноги одному».

В глазах Гвендолин промелькнуло сомнение, когда она произнесла:

«Но он мог избавиться от чип. Почему он вдруг сдался после таких усилий? Такое поведение противоречит его характеру. Даже в одиночку ему трудно выбраться из леса. Команды перекрыли дороги».

Жак словно внезапно прозрел.

«Мне нужна карта этого леса. Здесь должен быть тайный ход, по которому он собирался сбежать».

«Жак, – возразил Йен, – мы уже изучили карту леса, мы бы заметили такое место».

В этот момент к ним подошел офицер полиции, запыхавшийся и взволнованный.

«Начальник», – сказал он, – Мы только что нашли что-то, что может вас заинтересовать».

Жак и Йен обменялись недоуменными взглядами.

«Что вы имеете в виду?» – спросил Жак, чувствуя, как сердце колотится.

Офицер пожал плечами и, переведя дыхание, продолжил: «На юго-восточной стороне леса мы наткнулись на участок, покрытый густыми кустами и деревьями. Эту часть никто не исследовал, потому что она выглядит неприметно. Но когда мы начали углубляться, то заме-

тили, что здесь есть несколько узких проходов, обеспечивающих укрытие и возможность уклониться от взглядов».

«Вы хотите сказать, что это был тайный ход?» – уточнил Йен, становясь все более заинтересованным.

«Именно так. Мы обнаружили, что один из проходов ведет к старой лесной дороге, которая вела к полузаброшенной ферме. Эта дорога не отмечена на обычных картах и довольно труднопроходима. Если убийца знал об этом месте, он мог легко скрыться».

Жак кивнул, напряженно обдумывая информацию. «Нужно немедленно проверить этот путь. Он может быть единственным шансом поймать его, пока не стало слишком поздно».

«Мы продолжаем поиски в этом направлении», – сказал офицер, ободряюще глядя на них.

Бенколин задумчиво произнес: «Весь день шел дождь. Он знал, что его след потеряется. И он выиграл бы время, пока мы разбирались бы не с тем человеком. Без чипа мы бы никогда не смогли найти их в темноте и под дождем. Но когда все пошло не по плану, он не захотел тратить время на поиски чипа на ней и был вынужден импровизировать».

«Но хуже всего то, что в нашей среде завёлся крот. Кто-то сливает информацию Фантомному Палачу», – добавил Йен, его голос наполнялся страхом.

Гвендолин пригладила мокрую челку, её выражение становилось всё более изумлённым. Слова Йена словно не сразу дошли до сознания.

«Но это невозможно. Эта информация известна только нескольким людям, – произнесла она, и, встретив взгляд Йена, добавила, – то есть ты хочешь сказать, что среди нас есть человек Палача? Это просто нелепо».

«Так или иначе, мы это выясним», – заявил Бенколин, и в этот момент зазвонил телефон Йена, прерывая их размышления.

Тот глянул на экран и ответил:

«Детектив Ли слушает... – И через секунду его лицо побледнело. – Понял. Я сообщу семье».

Гвендолин и Жак не сказали ни слова. Просто смотрели на него, затаив дыхание.

Йен опустил глаза, голос стал хриплым:

«Саманта... ну... потеряла слишком много крови».

«Она мертва?» – прошептал Бенколин. Губы дрожали.

«Мне жаль, приятель».

Бенколин с яростью ударил кулаком по стволу дерева. Раз, другой.

«Я не смог... не смог её спасти...»

Йен попытался успокоить его.

Гвендолин схватила его за руку.

«Бенколин! Ты не сможешь вернуть Саманту, причинив себе боль!» – и наконец смогла остановить его. Два человека с ног до головы в грязи обнялись и заплакали.

Была полночь, когда Гвендолин наконец вернулась домой. Она приняла душ. Надела пижаму, заварила горячий чай, подошла к столу, достала карту памяти и вставила ее в ноутбук. Через некоторое время она открыла файл на экране. Там было много фотографий, которые она сделала сегодня. Дойдя до конца, она с волнением щелкнула по фотографии и увеличила ее. Она внимательно рассмотрела человека в черном дождевике среди деревьев. В темноте и вдалеке его было не разглядеть. Она взяла телефон и набрала номер Бенколина. После трех гудков она услышала его усталый голос.

«Простите за беспокойство, начальник, но это очень важно». Гвендолин не успела договорить, как почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной, и, едва повернув голову, ощутила резкую боль в затылке и потеряла сознание. Телефон выпал у нее из рук.

Бенколин услышал, как на другом конце линии раздался грохот и окликнул женщину. С каждым отсутствием ответа он кричал в нарастающей панике: «Мисс Майерс? Майерс? Гвендолин!» Но ответа так и не последовало.

Тристан, посмотрел на Гвендолин, которая выглядела так, словно уснула, положив голову на стол, а затем на свое собственное изображение на экране ноутбука. Он достал из ноутбука карточку, смял ее и положил в карман. Он устроил небольшой беспорядок, чтобы все выглядело так, будто в дом вломился грабитель. Он взял несколько ценных на его взгляд вещей, включая ноутбук, и тут же ушел.

Когда Бенколин подъехал к дому Гвендолина, он с тревогой обнаружил, что дверь открыта. Он достал пистолет и осторожно вошел внутрь. Он увидел, что в доме царит беспорядок, и очень испугался. Он прошел через гостиную и кухню и направился в комнату с открытой дверью. Увидев Гвендолин, лежащую без сознания на столе, он осмотрелся и подошел к ней. Он увидел, что из ее головы течет кровь. Рана не выглядела серьезной, но она могла сильно травмироваться от удара. Он немедленно вызвал скорую помощь и группу по осмотру места преступления.

Глава 14. Катамаран

Курт Альваро, верный помощник Данте Кастильо – капо итальянской мафии *cosa nostra*, и еще три его товарища находились на гидролокационном катамаране в северной части Атлантического океана в поисках торпеды, брошенной подводной лодкой двумя днями ранее. В последний момент капитан был вынужден оставить торпеду с наркотиками на дне океана, когда получил секретное сообщение о том, что таможенная полиция проводит операцию в океане у побережья вблизи Сан-Вриго. Кроме того, поскольку субмарин была атакована пиратами еще до появления таможенной полиции и весь экипаж был убит, точное местонахождение торпеды было неизвестно. Поэтому единственным решением было просканировать предполагаемый участок с помощью гидролокатора. Было три часа ночи. Дождь, начавший моросить два часа назад, становился все сильнее и сильнее. Катамаран начало слегка покачивать. Молодой человек ростом 182, атлетического телосложения и латиноамериканской внешности стоял перед монитором в рубке и сканировал дно океана. У Курта, который всегда одевался в стиле хип-хоп и уделял много внимания своей внешности, каштановые волосы были взъерошены, а одет он был в рыбацкий костюм. Даже улыбка на его лице, отличавшемся энергичностью и жизнелюбием, была тусклой. После двух дней напряженного недосыпания под его темными глазами с длинными тугими ресницами, завораживающими каждого, появились черные круги, и он выглядел усталым. Его борода, которую он аккуратно подстригал и наносил лосьон, теперь была более длинной и чесалась. Жизнь Курта была упорядочена. Он хорошо питался, занимался спортом и достаточно спал. Но когда он сосредотачивался на какой-то задаче, то имел привычку даже не есть как следует до ее завершения и работать до изнеможения. Сейчас ему нужно было хорошо поесть, принять душ и хорошенько выспаться.

К нему подошел рыжеволосый молодой человек и сказал по-итальянски: «Брат, мы просканировали океан почти на всю глубину! Проклятой торпеды здесь явно нет. Думаю, пираты нашли ее и забрали. Волны становятся все больше. Нас начинает качать. Думаю, нам пора причалить к берегу».

«Мы почти подошли к концу зоны поиска, нельзя сдаваться, Россо, – сказал Курт, поднимая к глазам бинокль и всматриваясь в некую точку вдаль, – Мы уже близко к берегу. Нам нужен еще час. Так что прекрати жаловаться и приготовься. Сюда приближается катер. Думаю, это катер береговой охраны Врига-Вриго», – сказал он и отложил бинокль в сторону.

Россо сделал недовольное лицо и обеими руками потянул Курта за уши, полные пирсингов: «Эта торпеда не стоит того, чтобы мы опрокинулись и стали пищей для рыб в этом чертовом океане, брат. Не обязательно всегда добиваться успеха», – сказал он и, потрепав Курта по плечу, вышел из рубки. Он подал знак остальным приготовиться. Когда мигающие красные и синие огни патрульного катера приблизились, ящики с рыбой уже были сложены друг на друга на палубе катамарана. Курт и трое его товарищей были наготове, в дождевиках и сапогах. Для того чтобы свободно передвигаться по океану на катамаране с датчиком морского дна, он получил лицензию на рыбную ловлю и разрешение на промысел. Благодаря этому у них не должно было возникнуть никаких проблем. Шёл проливной дождь. Волны с хрипом ударялись о борт катамарана, накатывая одна за другой, тяжелые, злые.

В стороне, раскачиваясь на волнах, подошёл патрульный катер. Из динамика гулко разнеслось сквозь грохот дождя:

«Всем, кто находится на борту катамарана, немедленно выйти на палубу».

Курт бросил быстрый взгляд на товарищей – те уже поднимались по скользким ступенькам. Он вытер лицо рукой и тоже пошёл.

Из-под нависшего капюшона дождевика, среди струй воды и мельтешения силуэтов, раздался громкий, строгий голос:

«Кто капитан?» Он говорил по-английски, перекрывая бурю.

Курт выступил вперёд. Под натиском ветра его дождевик трепетал, мокрые волосы прилипли ко лбу, но он улыбался – та улыбка, за которой пряталась тревога.

«Хороших дежурств, офицер. – громко сказал он тоже на английском и без акцента. – Я капитан. Лицензия на ловлю рыбы у нас в порядке. Есть какие-то проблемы?»

Полицейские на катере были, как и они, облачены в дождевики. Лица почти не различались в этой буре. Один лишь тот, что говорил, выделялся своей фигурой – рослый, с плотным голосом, чернокожий. Он не ответил сразу. Волна качнула катамаран, словно великан толкнул его плечом.

«Подготовьте трап, – произнёс офицер. – Мы поднимемся на борт. Проведём осмотр. Алкотестер».

Курт кивнул, по-прежнему вежливо.

«Конечно, офицер».

Через минуту трое «полицейских» уже поднимались на палубу. Один провёл алкотест Курту, другой с фонариком проверял документы, щурясь сквозь дождевые струи. Лицо того, скрывал капюшон.

«Нас уже досмотрели на таможне, – сказал Курт, кивая на документы. – В чём причина досмотра, офицер?»

Офицер не ответил. Он медленно вернул удостоверение.

«Погодные условия не подходит для плавания. Вы должны немедленно вернуться в порт», – сказал он, глядя не на Курта, а куда-то в темноту.

«Понимаю. Но катамаран устойчив к волнам. Мы скоро...»

«Не скоро. Сейчас», – отрезал полицейский. В этот момент катамаран резко накренился – огромная волна с глухим грохотом врезалась сбоку. Все схватились за перила. Курт крепко вцепился в металлический поручень и бросил взгляд на чернокожего.

«Кто вы, чёрт подери? – спросил Курт и прищурился, вглядываясь под капюшон. – Я не вижу твоего лица»

«Морской патруль», – глухо отозвался тот, не поднимая головы.

«Если ты – патруль, то я – астронавт», – процедил Курт сквозь зубы.

В этот миг накатил вторая волна. Оглушительный всплеск. Патрульный катер, словно игрушечный, перевернулся исчезая за стеной воды. Все взгляды метнулись к нему.

«Чёрт!» – выдохнул кто-то.

И тут Курт выхватил из-за пояса пистолет. В одно движение и направил на офицера. Металл блеснул в свете молнии. В ту же секунду другие «полицейские» тоже выхватили оружие и направили на команду. Итальянцы подняли руки, удивлённые, загнанные в угол. Их лица были напряжённые, сжаты губы, глаза бегали между противниками.

«Не будь дураком! Опустить оружие!» – резко сказал Тристан. Он смотрел прямо ему в глаза, затем бросил взгляд за плечо Курта и добавил: – Выстрелишь – и никто из вас отсюда живым не уйдёт».

«Мы заберём с собой хотя бы двоих. Вы не пираты. Так что вам нужно?» – Курт не опускал оружие, но голос его звучал жёстко, почти враждебно.

Катамаран скрипел, трещал, будто живой. Ливень хлестал по палубе, делая её скользкой, как лёд.

Тристан шагнул вперёд, стиснув зубы.

«Это вы вторглись на нашу территорию, итальянские псы. И я должен спросить – что вы ищете здесь с гидролокатором? Точно не тунца, мать вашу»

Катамаран в очередной раз качнуло. Курт и Тристан вцепились в поручни, чтобы не упасть.

И тут – всё произошло за секунды. Тристан бросился вперёд и попытался выбить пистолет из руки Курта. Началась борьба – сквозь дождь, ветер, скользкую палубу. Металл блестел, тела сталкивались, пальцы сжимали и разжимали рукоятку. Остальные фальшивые полицейские остоленбени – не знали, стрелять или ждать. Всё повисло на волоске.

Катамаран тряхнуло снова – сильнее, чем прежде. Один из ящиков с рыбой опрокинулся. Палубу заполнила скользкая, блестящая масса. Рыба шлёпалась о ботинки, каталась под ногами.

Один из фальшивых полицейских, уворачиваясь от ящика, потерял концентрацию.

И тут Россо рванулся. Молча, стремительно. Его руки сжались на оружии врага, и началась вторая схватка.

Шторм налетел, как разъярённый зверь, обрушившись на катамаран с такой яростью, что вся палуба вздрогнула. Огромная волна с ревом ударила по борту, смыв людей, как кукол на мокрой доске. Тристан и Курт, потеряв равновесие, рухнули на сетки лагуны. Грязная морская вода с головой накрыла всех. Брызги хлестали по лицу, ветер визжал в ушах. Кто-то из людей Тристана получил удар ящиком и, пошатываясь, мужчина схватился за поручень. Но тут же ботинок одного из команды Курта хлестнул его по челюсти.

Пистолет выскользнул из рук Курта, словно рыба, и исчез в чёрной глубине океана. Он с трудом удержался на сетке, вцепившись в неё мёртвой хваткой. Тристан, весь мокрый, гневно выкрикнул перекрывая вой шторма:

«Прекрати! Мы не хотим причинять вам вреда!»

Он сунул руку под плащ, нащупывая электрошокер. Всё можно было решить мирно. Быстро, без крови. Но Курт, почувствовав движение, бросился на него, сбивая с равновесия. Они заскользили по мокрой сетке, словно два борца на льду, где один неверный шаг – и ты в челюстях океана.

Пока Курт и Тристан боролись в сетке, чуть поодаль двое полицейских сцепились с тремя итальянцами. На скользкой палубе, среди ящиков и размокшей рыбы, завязалась драка. Крики перекрывались гулом волн. Один из полицейских с разбитым лицом врезался в кучу ящиков, они рассыпались, рыба посыпалась под ноги. Один из итальянцев – здоровяк с зализанными назад волосами – поскользнулся на рыбе и, падая, вцепился в полицейского. Оба рухнули в ящик со льдом.

Катамаран качнуло. Один из полицейских отлетел, но удержался за трос.

Послышался выстрел – глухой, как хруст ломающегося дерева. Курт машинально повернул голову – никто не пострадал. Но секунды замешательства хватило. Кулак Тристана врезался ему в челюсть. Голова откинулась назад. Пока он пытался восстановить равновесие электрошокер вонзился в его живот, и Тристан нажал курок, вдавливая его через мокрый плащ.

Курт вздрогнул, его согнуло судорогой. Он выдохнул сквозь зубы, глаза налились болью, но в теле зажгло что-то другое – злоба, бешенство. Он просто схватил первую попавшуюся здоровенную рыбу, что вывалилась из ящика, и со всей злостью швырнул её в лицо Тристана.

Мокрая чешуя, вонь моря и слизь прилипли к коже, вызывая рефлексное отвращение. Тристан фыркнул.

«Мерзость, твою мать!» – он плюнул вбок, пошатнулся – и выронил электрошокер. Тот упал на сетку, покатился. Он пополз было за ним, но Курт оказался быстрее и оба закрутились в борьбе. Они катались по сетке, словно два зверя в клетке – рыча, шипя, задыхаясь от ветра, дождя и усталости. Один раз – и Тристан мог бы соскользнуть за борт. Курт удерживал его, больше от злости, чем из милосердия.

«Ты идиот! – взвизгнул Тристан, вцепившись в его плечо. – из-за тебя мы все пойдём ко дну и сдохнем! Слезь с меня!»

«Если я тебя отпущу, только наша команда пойдёт ко дну! Вместе веселее!» – огрызнулся Курт.

«Я человек Ривера, идиот! Мы не станем убивать вас!»

Курт замер. Его глаза расширились, как у человека, которому сунули в ладонь бомбу с тикающим таймером. Он резко отпрянул, отпустив Тристана, и только теперь, по-настоящему всмотрелся в лицо лежащему под ним мужчины.

Волна отступила, оставив после себя только гул и хлопанье воды. На мгновение стало тише – даже ветер, казалось, прислушался.

«Ривера?» – переспросил он.

«Ты глухой или просто прикидываешься?!» – рявкнул Тристан, отпихивая его и, запыхавшись, нащупал электрошокер, засунул его в карман и попытался подняться на палубу. Курт, дрожа от напряжения, повернул голову к остальным.

Он закричал на родном, чётком итальянском:

«Fermo! Fermo! Quelli sono gli uomini di Rivera!»

Драка оборвалась, будто кто-то щёлкнул выключателем. Обе стороны с ранами, с синяками, мокрые и разъярённые, остановились, тяжело дыша, исподлобья косясь друг на друга.

«Ты Тристан? – спросил Курт, всё ещё глядя на него с подозрением. – Я мог бы убить тебя, идиот! Почему ты сразу не сказал?»

Тристан яростно цеплялся за мокрую сетку, пытаясь взобраться на палубу. Катамаран накренился, волны хлестали по бортам. Курт полез за ним.

«Потому что издавека ты больше похож на идиота, чем на осла! – огрызнулся Тристан, вцепившись в поручни, бросая взгляд на качающийся полицейский катер. – Если бы ты не упрямился, когда я велел тебе сойти на берег, всего этого можно было избежать!»

Россо, с окровавленной губой и всё ещё сбившимся дыханием после драки, злобно зыркнул на Тристана. Голос его был хриплым, но полным ярости:

«Вы переоделись в полицейского и устроили это шоу, потому что не хотели, чтобы мы знали, кто вы такой. Почему?»

«Поцелуй меня в задницу! Мы не обязаны тебе ничего объяснять», – отрезал Тристан.

«Эй, ты!» – зарычал Россо, делая шаг вперёд, но не успел – из тени вынырнул Джеральд, крепкий, широкоплечий парень с тёмной кожей и стальными глазами. Он резко схватил Россо за руку и рванул назад.

«Если тебе дорога твоя жизнь, стой, где стоишь!» – прошипел Джеральд ему в лицо, сжав запястье так, что кости закрипели.

Россо прищурился, готовый рвануться в ответ, но в этот момент пришла вторая волна. Катамаран вздрогнул всем корпусом, задрожал, как раненое животное.

Джеральд схватился за металлический поручень. Россо, пошатнувшись, вцепился в него следом, удержав равновесие лишь чудом. По палубе пронёсся тревожный гул, доски под ногами закрипели.

Очередная волна хлестнула в борт. Капли воды полетели на лица. Все инстинктивно схватились за поручни, пригнулись, чтобы не быть сброшенными в океан.

Тристан повернулся через плечо, голос его перекрыл вой ветра:

«До берега добраться надо, пока эта посудина не пошла ко дну! Джеральд! Остаёшься здесь – следи за ними! Если кто-то дернется – стреляй в ногу. Не убивать, но чтоб не встал!»

Он развернулся и кинулся к рубке, пробираясь сквозь качающуюся палубу, пока над ними снова не навис очередной вал.

Formun Üstü

Formun Altı

Когда Тристан схватился за штурвал, Курт резко оттолкнул его в сторону:

«Эй, я всё ещё капитан этого катамарана», – сказал он строго, но с полуулыбкой.

«Тогда хватит выпендриваться и заводи эту чертову посудину!»

Курт завёл двигатель. Шторм ревел, как зверь, и судно трясло от каждой волны.

«Ты видел моё удостоверение. Согласно морскому этикету, теперь твоя очередь представиться» – заметил он с иронией.

«Ты уже знаешь, кто я. Сам назвал по имени» – парировал Тристан.

Курт всмотрелся в его лицо, освещённое жёлтым светом лампы.

«Ривера посылает свою правую руку на такие побегушки? Надеюсь, он платит тебе щедро дружнице».

Катамаран тряхнуло, но они устояли.

«Новости быстро расходятся. Каждый хочет найти сокровища на дне океана. Это уже третий корабль с гидролокатором, который мы остановили за двое суток», – сказал Тристан.

«Мы прочесали дно вдоль и поперёк. Ничего. Возможно, кто-то уже нашёл торпеду и забрал её?»

Тристан не ответил. Только метнул на него острый, холодный взгляд.

«Если вы думали провезти товар в Сан-Вриго без ведома Риверы – вам придётся самим искать иголку в чёртовом стоге сена», – произнёс он.

«Прошу прощения? Мы не знали, что должны спрашивать разрешение. У нас, на минуточку, есть собственная территория в Сан-Вриго!»

«Это ещё не даёт вам права творить, что вздумается»

Курт приблизился к Тристану, глядя в его янтарные глаза:

«Где наш товар, Тристан?»

«Там, где вы его оставили. Ты должен знать».

«Ты знаешь, где он. Ты остановил нас именно потому, что мы подошли слишком близко. И если кто-то и может охранять такие сокровища – то только такой надёжный дракон, как ты. Место, стоящее миллионы, Ривера доверил бы лишь тебе».

«Возьми штурвал, капитан, – процедил Тристан, не отводя взгляда. – Я бы предпочёл добраться до берега живым».

Курт усмехнулся и принялся за управление. Когда катамаран достиг берега и мужчины ступили на сушу, Курт подошёл ближе:

«Что вы хотите? Вы же не зря убили наших и забрали груз».

«Мы никого не убивали. Подлодка была перехвачена пиратами. Мы нашли торпеду и сохранили её – чтобы передать вам. Потому что мы союзники, не враги».

«Как великодушно. А что вы хотите взамен?»

«Передай Кастильо: у нас к нему деловое предложение. Ривера хочет встречи. Лично. Только... не потеряй послание в океане», – сказал Тристан и не дожидаясь ответа, направился под проливным дождём к своей машине не оборачиваясь.

Он только слышал, как за спиной рассмеялся Курт:

«Если потеряю – мой янтарноглазый дракон обязательно найдёт и защитит его для меня. В первый раз, что ли!»

Глава 15. Больница

Больничным коридор встретил Жака Бенколина резким запахом антисептика и заторможенными шагами медперсонала. Он только что следом за машиной скорой помощи который доставил Гвендолин, и теперь ему предстояло самое трудное – встретиться с Уильямсоном.

Шеф уже ждал его у стойки регистрации. Статный, как всегда, но с чуть ссутулившимися плечами и лицом, в котором с каждым годом появлялось всё больше линий усталости. Когда их взгляды встретились, Жак коротко кивнул, словно соглашаясь с будущим выговором.

«Какого черта ты творишь?!» – вспыхнул Уильямсон, но быстро понизил голос, вспомнив, где находится. Он шагнул ближе и зашипел: «Этот последний инцидент – за гранью. Объясни мне, какого дьявола ты проводишь тайную операцию без моего ведома?»

Щёки Уильямсона налились красным. Он вытер лоб носовым платком, вспотевший от злости, и пристально посмотрел в лицо подчинённому.

«Шеф, в целях секретности...» – начал Жак.

«Какой секретности идиот?! – перебил Уильямсон, и его голос дрогнул. – Ты подставил Саманту Мёрфи! Убийца выхватил её у тебя из-под носа и убил. Ты буквально подал её ему на серебряном блюде. С такими выходками я не доживу до пенсии!»

Мимо прошла медсестра, бросив на них осуждающий взгляд. Уильямсон выдохнул, сбавил тон.

Бенколин стоял молча, опустив голову. Ни единого возражения. Потому что всё, что говорил шеф, было правдой – колючей, как бритва.

Уильямсон сунул платок обратно в карман и продолжил, тяжело дыша:

«Ты рисковал жизнями двадцати одного подростка. Их родители называют мне без остановки, обвиняют тебя. Если семья Мёрфи даст интервью – нас порвут. Губернатор только и ждёт повода уволить нас к чертям. Ты хоть понимаешь?»

Он ткнул пальцем в свои редкие седеющие волосы:

«Не было ни одного седого, пока ты не пришёл в мой отдел».

Бенколин слабо улыбнулся:

«Шеф, тогда вы просто были молоды. Теперь... уже постарели».

«Не умничай! – прорычал Уильямсон, схватив его за плечи и встряхнув. – Будь мужчиной! Прекрати это! Моя племянница могла погибнуть из-за тебя. Я доверил её тебе! И что?»

Бенколин отвёл взгляд, голос его стал тише:

«Я беру на себя всю ответственность. Не сомневайтесь».

«Конечно, берёшь... – шмыгнул носом шеф, пригладил волосы обеими ладонями и посмотрел на стену, будто в ней можно было найти ответ. – Ты отстранён. На время».

Жак поднял глаза:

«На какое время?»

В его голосе прозвучало то, что нельзя было скрыть – отчаяние. Работа была его единственным смыслом. Его домом.

«Не знаю. Пока пыль не уляжется. Семьи, пресса, губернатор... все хотят крови. И, честно говоря, ты дал им повод. Он хочет поставить своего человека. Просто чтоб ты знал», – Уильямсон коснулся усов, нервно их разглаживая.

«Вот сукин сын... – прошипел Бенколин, сжав кулаки. – Но... Шеф! Мы упускаем суть. У нас есть крот. Убийца знал всё наперёд. Он не мог угадать. Кто-то слил информацию. Нам нужно проверить всех, кто был на брифинге».

«Это уже не твоя забота, – отрезал шеф. – Иди, отдохни. Лови рыбу. Заведи собаку. Хочешь – начни вязать носки. Главное – уберись с глаз долой, пока всё не утихнет. И благодари Бога, что с Гвендолин всё обошлось. Иначе я бы тебя прикончил».

«Она бы всё равно пошла, – сказал Бенколин. – Вы же знаете, какая она. Упертая. Как...»

«Как её мать, – тихо сказал Уильямсон. И лицо его вдруг смягчилось. – Чёрт... Кто хотел ей навредить, Жак?»

Бенколин провёл рукой по волосам:

«Она случайно сфотографировала того, кто следил за нами в лесу. Они ворвались в дом, оглушили мисс Майерс, забрали ноутбук, сделали всё, будто это был грабёж. В это время она была на связи со мной – пыталась разглядеть лицо. Но вор опередил её...»

Уильямсон выдохнул:

«То есть у нас – ноль улик?»

Прежде чем Бенколин ответил, в коридоре появились Ирен и Даниэл. Лица их были бледны, глаза тревожны.

«Как она?» – спросила Ирен, почти не дыша.

«Врачи сказали – лёгкая травма головы», – ответил Уильямсон.

«Сознание ещё не вернулось», – добавил Бенколин.

«Хорошо, что вы нашли ее и вовремя вызвали скорую помощь, благодаря вам она отделалась легкой травмой», – сказал Даниэл. Он говорил сдержанно, но в голосе его звучала благодарность. Бенколин лишь коротко кивнул.

Ирен шагнула вперёд:

«Я хочу её увидеть».

Они с Даниэлом скрылись за дверью палаты.

Уильямсон прищурился, обернувшись к Жаку:

«Ты откуда знаешь этого парня, Даниэла?»

«Мисс Майерс познакомила нас. Почему спрашиваете?»

Шеф медленно выдохнул:

«Молодой профессор. Потерял мать в младенчестве. Вирус в лаборатории Кальдерона. Помнишь инцидент?»

«Восемьдесят седьмой? – Бенколин кивнул. – Да... Я был ещё ребёнком. Помню траур, новости...»

«Да, – голос Уильямсона прозвучал хрипло – Дэниел винит Риккардо Кальдерона, владельца лаборатории, в смерти своей матери. Он буквально одержим этим человеком. Жаловался на него годами. Но эксперты тогда сказали – несчастный случай. Просто роковая случайность. И всё же Дэниел не унимается. Требуется, чтобы мы раскопали правду. А Кальдерону, между прочим, семьдесят. Слабоумие. Его разум уже не здесь, не с нами. Я бы тебе не советовал сближаться с Дэниелом, Жак. Он заиклен»

«Напротив, – спокойно ответил тот, но голос звучал твёрдо. – Мне он показался здравомыслящим. Разумным, вдумчивым»

Уильямсон усмехнулся, прищурился.

«Он умный, не спорю. Обычно. Но когда дело касается профессора Кальдерона – он меняется. И еще одно... Его девушка – внучка Кальдерона. Ты улавливаешь иронию? Он ненавидит старика до дрожи в пальцах, но при этом влюблён в его внучку? – Он выразительно поцокал языком. – Ну что ж. Я проверю свою упрямцу, а ты – иди отдохни. Возьми отпуск. Не гоняйся за убийцей в одиночку. И не унывай. Заезжай ко мне. Мы с тобой давно не завтракали.» – Он хлопнул Бенколина по плечу, на миг задержав руку – будто хотел сказать больше, но передумал, и скрылся за дверью палаты.

В этот момент, задыхаясь, к нему подбежал Гермес. Его лицо было взволнованным, волосы растрепаны.

«Бенколин! Я только что узнал... Что случилось? Как Гвендолин?» – выпалил он.

«Она в порядке. Беспокоиться не о чем,» – ответил тот, стараясь держаться спокойно.

Гермес шумно выдохнул, плечи его расслабились.

«Могу я её увидеть?»

«Сейчас она с друзьями и дядей. Не стоит вторгаться сейчас. Давай позже, вместе, когда шеф уйдёт»

Гермес кивнул, облизал губы, пытаясь прийти в себя.

«Как это произошло? Я слышал, в её дом кто-то вломился»

Бенколин рассказал, коротко и сдержанно. В это время дверь открылась, и вышел Уильямсон.

«Пойдём,» – сказал он, и они вошли.

Гвендолин сидела на больничной койке, облокотившись на подушки. На лбу и затылке – аккуратные повязки. Глаза ясные, хотя в них и таился усталый блеск боли.

«Мисс Майерс, с вами всё в порядке?» – спросил Бенколин, деликатно приблизившись.

«В порядке, насколько это возможно для человека с ушибом головы, – ответила она с лёгкой усмешкой. – Мне сказали, что это вы доставили меня в больницу. Спасибо.»

Бенколин опустил взгляд.

«Не стоит. Это случилось с вами из-за меня.»

«Не вините себя. Я должна была быть осторожнее. Он, наверное, понял, что я его сфотографировала. Потому и пришёл. Я должна была отдать вам карту, а не брать ее домой. Теперь у нас нет никаких доказательств,» – её голос дрогнул. Тень печали пробежала по лицу.

Гермес подошёл ближе, мягко сказал:

«Да плюнь ты на улики. Главное – ты жива, и с тобой всё в порядке.»

«Да, Гвен, – добавила Ирен, сев рядом и взяв её за руку. – Ты не виновата.»

Бенколин чуть наклонился вперёд:

«Вы звонили. Как будто хотели сообщить, кто он. Вы узнали этого человека?»

Гвендолин покачала головой, разочарование отразилось на её лице.

«К сожалению, он был в чёрном. Капюшон. Лица не видно. Если бы фотография уцелела... Возможно, мы смогли бы его найти в базе»

«Ничего, – тихо сказал Жак. – Я отдал дротик в лабораторию. Посмотрим, что покажут анализы»

«Дротик?» – удивился Гермес, подняв бровь.

«Да! Я уже рассказал тебе. Тот, кто преследовал нас в лесу, стрелял дротиками. Мне удалось вытащить один и передать его в лабораторию для анализа.»

«Нет, Бенколин. Похоже, ты упустил главное. Если бы ты упомянул о дротике, ждать результатов не пришлось бы. В этом городе есть только один человек, владеющий ядовитыми дротиками так, будто они продолжение его руки. Это наемник Риверы – Тристан Остин».

У Ирен внутри словно завязали узел. И с каждой секундой тот затягивался туже, холоднее. Она прижала ладонь к животу – как будто могла остановить страх руками.

«Гарсия... зачем киллеру Риверы гоняться за нами по лесу? – удивился Жак. – При чём тут Фантомный Палач?»

«Я сам в растерянности. Но если дротик его, тогда, возможно, человек, вломившийся в дом Майерс, – тоже Тристан»

Он вытащил телефон, нашёл нужную фотографию и показал Гвендолин.

«Это он?»

Та всмотрелась в экран, прищурилась. Нервно облизнула губы.

«Я не уверена. Фото была размытой. ... но да, похоже» – Она подняла глаза на Бенколина. В них плескалось сомнение и страх.

Гермес убрал телефон в карман. Усмехнулся, качнув головой:

«Ривера буквально под каждым камнем. С ума сойти»

Имя прозвучало как удар в грудь. Сердце Ирен дрогнуло, как птица, попавшая в силки. Мир вокруг замедлился. В ушах зазвенело. Всё остальное исчезло – остался только голос внутри: *«Они узнают. Господи, они узнают, что я тоже на него работаю...»*

«С тобой всё хорошо?» – голос Дэниела прозвучал как из-под воды. Он дотронулся до её плеча, мягко.

«Ирен?»

Она моргнула, улыбнулась через силу.

«Я в порядке. Просто устала. Не люблю больницы»

«Какая связь у Риверы с Палачом?..» – подумала она.

«Это всё потому, что ты питаешься как студент на стипендии. Я принесу тебе кофе» – сказал Дэниел и поднялся.

Бенколин тоже встал.

«Я вас больше не побеспокою, мисс Майерс. Отдыхайте»

Когда они вышли, Дэниел тихо пробормотал:

«Это уже не просто расследование. Это становится опасным.»

«Именно. И я не должен был вас впутывать»

«Но я уже впутан. Я сделаю всё, что в моих силах»

Бенколин кивнул, собираясь что-то сказать.

«Профессор Льюис...»

«Просто Дэниел.»

«Хорошо... Дэниел, насколько вы доверяете своим коллегам в лаборатории?»

«Мы как семья, – ответил он, приподняв брови. – Я им доверяю. Почему вы спрашиваете?»

«Где-то произошла утечка. Я не обвиняю вас, но хочу проверить всех»

«Вы подозреваете нас?»

«Я подозреваю факт. Не людей. Но в команде завёлся крот, и я должен найти его. Надеюсь, вы понимаете»

Жак внимательно изучал молодого мужчину. Умный. Честный. Он не был предателем – Жак знал это нутром. Столько лет в профессии, и интуиция почти никогда не подводила.

«Проверяйте. Делайте, что нужно, – сказал Дэниел. – Если мои ребята ни при чём, это только укрепит доверие»

«Благодарю за понимание»

В этот момент открылась дверь, и вышел Гермес.

«Вы всё ещё здесь?»

«Заговорились, – ответил Дэниел, – я пошёл за кофе»

Он попрощался и пошел по коридору к кофейному автомату. Жак тоже собрался уходить.

Гермес догнал его:

«Ты домой?»

«Да. Хочу заснуть и проспять до полудня»

«Ты живёшь один?»

Бенколин приостановился. Насторожился.

«Да. А в чём дело?»

«Могу я остаться у тебя на ночь?»

«Почему?»

«У меня дома отключили всё – свет, воду, газ. Говорят, не платил, но это чепуха. Всё списывается автоматически. В понедельник обещали проверить. А пока я как бомж.»

«Вот до чего техника дошла. Умный дом, а проблема – человеческая.»

«Вот именно. Я поехал в мотель, но карты не сработали. Все мои друзья – с семьями. Не хотел сидеть в темноте без воды... и тут увидел тебя. Решил – может, повезёт».

Бенколин не любил гостей. Любил тишину, одиночество и порядок. Но было в голосе Гермеса что-то искреннее. Отчаяние, не игра.

«Я могу спать на полу. Или на диване. Я не доставлю хлопот»

После долгой паузы Бенколин вздохнул.

«Только до понедельника.»

Гермес просиял.

«Спасибо тебе. Правда. Я этого не забуду»

Глава 16. Ривера и Тристан

После двух часов изматывающего онлайн-собеседования, которое, благодаря разнице во времени, закончилось в три часа ночи, Гаспар Ривера щёлкнул мышкой и с усталым стоном выключил ноутбук. Он откинулся в кресле, зажал переносицу двумя пальцами и прикрыл глаза. В голове шумело, глаза горели от усталости. Галстук душил, и он с раздражением сорвал его, расстегнул верхние пуговицы рубашки, снял тяжёлые золотые запонки и закатал рукава.

Кабинет был погружён в полумрак. На улицах бушевал ветер, жалюзи дергались, будто кто-то снаружи пытался вломиться. Гаспар встал, прошёл к старому деревянному глобусу в углу – тайному мини-бару, – приподнял крышку и достал бутылку виски. Некоторое время он смотрел на неё, словно пытался заглянуть сквозь стекло в иное измерение, в другую жизнь. Затем сорвал крышку, сделал глоток. Жгло горло. Второй глоток – согрел грудь. С бутылкой в руке он опустился на трехместный кожаный диван и улёгся.

Доктор строго запретил ему пить, но сейчас Гаспару было всё равно. Виски убивало мысли лучше таблеток. Он закрыл глаза – и вскоре провалился в сон, неровный, вязкий. Его лоб покрылся потом, а брови сдвинулись в тревожной складке. И снова – как в детстве – он оказался лицом к лицу с человеком, направившим на него пистолет. Страшный человек. Никакой надежды. Никакого выхода.

Дверь лифта щёлкнула, и в коридоре послышались шаги. Тристан вошёл в кабинет.

Когда он узнал от своего информатора, что Палач преследуется копами в лесу и что у этой девушки есть чип, с помощью которого ее можно отследить, ему ничего не оставалось, как взять дело в свои руки. Времени было в обрез, и он не мог терять его, сообщая о случившемся Ривере. По счастливой случайности он в это время находился рядом с виллой, издали следя за Бенколином. Он позвонил Палачу, чтобы предупредить его, и потребовал, чтобы тот немедленно убил девушку и скрылся. Со своей стороны, ему не оставалось ничего другого, как попытаться отвлечь Детектив-Лейтенанта в лесу, полном полицейских, дав убийце время скрыться.

Тристан понял, что его дротики с наркотиками могут привести копов прямо к нему. Но он не мог воспользоваться пистолетом. Он не хотел навлекать на себя других копов. Поэтому дротики были лучшим решением. Но погода мешала ему прицелиться. Кроме того, в результате его действий Гвендолин сфотографировала его, и теперь он не знал, удалось ли ей его разоблачить. Он успел забрать карту памяти, но у нее была возможность посмотреть на фотографию. Поэтому он не был уверен, что его опознали или нет.

Лампа над диваном всё ещё горела. Он подошёл ближе, присел на корточки рядом с Гаспаром, аккуратно вынул у него из руки бутылку и поставил на стол. Тот метался во сне.

Он провёл рукой по его влажным от пота волосам. Рядом с этим человеком исчезала усталость, замирали страхи.

«Папа... не надо... – простонал Гаспар. – Они... мои друзья...»

«Гаспар, – мягко окликнул Тристан. – Это сон. Проснись. Всё хорошо». – Он нежно коснулся его лица

Глаза Гаспара распахнулись. Он резко схватил Тристана за запястье. Мгновение – и узнал.

«Это я, всё в порядке... ты дома. – Голос Тристана дрожал. – Это был сон».

Гаспар тяжело сел, провёл рукой по лицу. Шея хрустнула от неудобного сна. Взгляд на часы: пять утра. Он обвёл Тристана цепким взглядом и нахмурился.

«Ты только что вернулся? – спросил, всматриваясь в его мокрую одежду. – Что с тобой? Ты весь... ты воняешь рыбой».

Тристан стоял на коленях, словно молился перед судьёй. Волосы прилипли ко лбу, одежда прилипла к телу. Он не смотрел на Ривера. Лицо его было как из воска.

«Работы было много, – выдавил он. – Мне сообщили, что какой-то катамаран прочесывает дно океана в нашем районе. Пришлось их остановить»

Ривера сощурился.

«Им что, жить надоело? Какой придурок отправится на поиски сокровищ в такую погоду?»

«Чокнутый на голову помощник Кастильо. Курт Альваро оказался излишне внимателен и сразу понял, что мы не полицейские. Мы чуть не опрокинулись. Мне пришлось объяснить, кто мы такие. Я передал ему, что вы хотите встретиться с Кастильо».

Ривера вздохнул, провёл рукой по лицу. Похмелье пульсировало в висках. Он уселся, свесив руки между колен.

«Ну и ладно. Всё равно собирались вести с ними дела, – сказал он, но тут же заметил: – Ты что-то недоговариваешь. Почему отводишь взгляд?»

Тристан молчал. Губы дрожали.

Ривера наклонился к нему и схватил его за подбородок, заставив поднять голову. Тот вздрогнул, но не сопротивлялся.

«Подними глаза, пока я не выколол их тебе», – прошептал Ривера, его голос был похож на холодную сталь.

«Лучше мне выколют глаза, чем видеть, как ты смотришь на меня с разочарованием», – Тристан говорил тихо, и голос его предательски дрогнул.

«Говори!» – рявкнул Ривера.

Тот поднял взгляд.

Серые, как пепел после пожара, глаза Риверы впились в него, и всё внутри сжалось. В этот момент Тристан захотелось испариться. Он любил Гаспара больше всего на свете. Он был готов отдать за него жизнь. Меньше всего в жизни он хотел разочаровать его. Беспомощность была невыносима. Он ненавидел это чувство, но выбора не было. Он заговорил. Всё – как было.

Когда он закончил, Ривера взревел. Его рука сомкнулась на горле Тристана – не до удушья, но достаточно, чтобы встряхнуть.

«Проклятье, Тристан! Как ты мог совершить такую глупость? Если тебя опознают – Бенколин поймёт, что Палач связан со мной!»

«У них нет улик», – прошептал Тристан.

«Улики?! Им достаточно догадки, и они вцепятся нам в глотку!»

«Прости...»

«Мне уже начинает казаться, что я излишне добр к тебе! Тот факт, что мы знаем друг друга с детства, не дает тебе никакого преимущества. Гарсия узнает твои дротики. А ты ещё использовал наркотик доктора Марио? Прекрасно! Ты только что вывел его на нас!»

«У нас не было времени. Я должен был отвлечь их. Он был окружён полицейскими. Я не мог позволить ему попасться. Он слишком важен... для тебя».

В этот миг Ривера понял: Тристан пытался спасти всё. А провал был на совести Палача, не его. Глупо было устраивать такой фокус под носом у копов только ради мести. Палач заигрывался, и это начинало пугать. Очень.

Сжав челюсти, Ривера оттолкнул Тристана, и тот отлетел спиной к полу. Тупой удар затылка отозвался глухо. Сам Ривера тяжело опустился на диван и закрыл глаза. Виски горело внутри. Голова раскалывалась.

«Ты в порядке?» – Тристан поднялся на колени, глядя на него с тревогой.

«В порядке».

«Доктор запретил тебе пить...»

«К чёрту доктора!» – рявкнул Ривера, и Тристан тут же поджал хвост, как побитая собака. Ривера глубоко вздохнул, уставившись в никуда.

«Палач начинает меня подводить. Ошибка за ошибкой. А ведь он нужен мне живым... пока что. Но его срок – почти вышел».

Тристан подошёл ближе, медленно, словно боялся спугнуть зверя. Взял руку Риверы в свои ладони. Потом наклонился, прижав к ней лоб.

«Прости меня, Гаспар, – прошептал он. – Я сегодня облажался. Но я всё исправлю. Только не отворачивайся от меня... Это слишком тяжело».

Ривера долго молчал. Его пальцы нервно подёргивались. Он смотрел на этого мужчину, который молил о прощении с такой искренностью, что это ранило.

«Никто не незаменим, Тристан», – тихо сказал он.

Тристан закрыл глаза. Продолжал держать его руку – как нечто священное.

«Я поклялся быть рядом до последнего вздоха, – сказал он. Голос охрип. – Мне не нужно, чтобы ты напоминал мне, что я тебе не друг. Я и так знаю, кто я».

Ривера посмотрел на него. Что-то в его взгляде смягчилось. Он провёл ладонью по мокрым волосам Тристана – почти по-отечески.

«Возьми себя в руки. Нас ждёт буря. Мне нужен ты весь, без остатка. Иди, прими душ, отдохни. Утром Кастильо прилетит. Мы пойдём вместе».

Тристан поцеловал его руку, встал и поклонился, сдержанно, почтительно. Потом вышел, и за ним закрылась дверь.

Глава 17

Воскресенье 26 сентября

В полдень, Бенколин стоял под душем, чувствуя, как горячие струи стекали по шее и плечам. Ему только что позвонила Гвендолин:

«У нас есть нечто важное. Очень. Приезжай в лабораторию. Срочно».

Он вытерся наспех и вышел в гостиную, по дороге натянув рубашку. Дом был удивительно чист. Пахло поджаренным хлебом и кофе. Гермес, похоже, наводил порядок, и, как ни странно, это казалось... утешительным.

«Чёрт, – пробормотал Бенколин себе под нос, – может, позволить Гермесу пожить здесь – не такая уж плохая идея».

В прихожей Гермес, стоя у двери, вытирал мотоциклетный шлем краем футболки. Он выглядел так, будто только что вышел из голливудского боевика – небритый, сосредоточенный.

«Ты куда?» – спросил он

«В лабораторию. Майерс вызвала».

«Отлично. Я с тобой» – сказал он небрежно, не поднимая взгляда.

Бенколин молча кивнул. Они выехали через пятнадцать минут. Один поехал на машине, второй – на ревущем мотоцикле.

Лаборатория была погружена в притихшее напряжение. Все члены команды сидели вокруг овального стола из тёмного дерева, как присяжные в зале суда, ожидая, пока войдёт обвиняемый – или спаситель.

Жак появился первым. За ним – Гермес. Комната ожила.

«Я слышал, вас отстранили, мистер Бенколин, – первым заговорил Дэниел. Голос у него был искренне сочувствующий. – Мне жаль. Это ведь... ненадолго?»

Бенколин пожал плечами.

«Пока не знаю. Родители подростков с вечеринок подумывают подать в суд. Так что начальство решило меня от греха подальше... временно изолировать».

Логан лениво почесал затылок.

«Присутствие Шерлока я могу понять, – буркнул он. – Но с какой стати здесь Сержант Дракула из отдела по борьбе с организованной преступностью?»

Бенколин бросил на него ленивый, усталый взгляд.

«Гарсия живёт у меня. Приехал со мной».

Рут, не отрываясь от планшета, пробормотала:

«Два красавца под одной крышей... Хотела бы я быть там».

Гермес взглянул на неё спокойно, даже с лёгкой улыбкой.

«Это касается и меня, – сказал он. – Насколько я понял, Ривера связан с убийством Саманты».

Гвендолин прищурилась.

«А почему ты живёшь у Бенколина?»

Он чуть смутился, поправил воротник и с обаянием, ответил:

«У меня в доме отключили всё – газ, воду, свет. Технические проблемы. Бенколин приютил меня».

«До понедельника», – уточнил Бенколин с нажимом.

Гермес кивнул. В этот момент у Жака завибрировал телефон. Он мельком взглянул на экран – и глаза у него вспыхнули.

«Есть результаты. Это был не яд... – он поднял взгляд на всех. – Это наркотик. Тот самый, что нашли в крови Кэндис».

«Как я и думал!» – сказал Гермес, его лицо осветилось триумфом.

Гвендолин невольно коснулась лба – там всё ещё болела рана.

«Только что говорила с доктором Андерсоном. Тот же наркотик был в крови Саманты. Очень сильное вещество. Видимо, поэтому Палач так легко увёл её. Но когда понял, что за ним охотятся копы, он не стал рисковать – убил её на месте. Ножом».

Бенколин нахмурился:

«Наверное, тем же ножом, которым Кэндис убила собаку. Размер и форма раны совпадают».

«В прошлый раз вы не нашли нож в лесу, – сказала Гвендолин. – Значит, Палач подобрал его раньше»

Ирен, будто откуда-то издалека, прошептала:

«В памяти собаки мелькнул нож... позолоченный, с узорами... Там были буквы, кажется, R и B. Но чётко я не разглядела...»

«Но почему Саманта пошла с ним добровольно? – нахмурился Дэниел. – Он же не тащил её через лес на спине».

«Нет. Следы показывают, что они бежали рядом, – сказал Бенколин. – Он будто специально выбирает дождь, чтобы скрыть следы».

«Может, он подбирает жертв, глядя на прогноз», – пробормотала Гвендолин.

«Но всё равно не понимаю, – сказал Дэниел, потеряв подбородок. – Даже под наркотиками... почему она убежала с ним?»

Гвендолин крутила в руках телефон, глядя в одну точку:

«Возможно, она уже была не в себе. Потеряла рассудок».

Логан лениво собирал свои непослушные волосы в хвост и, не глядя на собеседников, пробросил:

«А может, она уже знала его. Доверяла».

Он замолчал, ощутив на себе взгляды.

«Ну, это просто... догадка. Глупая».

Гвендолин вдруг замерла, как будто пазл в её голове сошёлся.

«Не такая уж и глупая. Убийцы часто знакомятся с жертвами заранее. Это даёт им контроль».

«Тогда мы должны выяснить, с кем она общалась в последние дни, – сказал Бенколин. – Молодец, Скотт. В кои-то веки ты принес пользу».

Логан расправил плечи, преисполненный гордости.

«Ну... наконец-то кто-то оценил мой гениальный ум».

«Не переусердствуй, – бросил Жак. – Даже сломанные часы дважды в день показывают верное время».

«Забавно слышать это от копа, который позволил убийце увести жертву прямо у себя под носом», – язвительно отозвался Логан.

«Логан!» – предупредительно сказала Гвендолин.

«Что? Я не прав? – настаивал Логан. – Эти сведения вообще-то должны быть конфиденциальными! А он... где это видано, чтобы детектив получал помощь от гражданских? С моей точки зрения, он выглядит жалко»

Гермес сдержанно нахмурился:

«Ты перегибаешь».

«Вы все играете в детективов. И если мы продолжим в том же духе, нас ждёт судьба Гвендолин».

«Я и сам теперь гражданский, – спокойно сказал Бенколин. – Мне нужно поймать убийцу. Любой ценой. И как бы жалко я ни выглядел мне не до гордости Скотт».

«Вижу! Ты даже не покраснел, – пробормотал Логан. – Это уже не хладнокровие, это наглость».

Гермес потёр подбородок:

«Может, к сути вернёмся? Этот наркотик распространяется, как огонь по сухому лесу. Если мы не найдём доктора Марио – будет поздно».

«Как насчёт Квентина?» – спросил Жак.

«Мы его пасём. Пока – тихо», – ответил Гермес, почесав щетину. Ирен невольно сжалась, услышав его имя, и это не ускользнуло от его внимания.

Рут отложила планшет:

«Хотите прослушку? У меня есть устройство. Работает отлично».

«Не прокатит, – вздохнул Гермес. – Он не носит одно и то же дважды. А вся инфа – на ноутбуке. Хранит его в „Аполлоне“, клубе, которым управляет».

«Ну, хоть что-то, – сказала Рут. – У меня есть браслет, может скопировать данные».

«Проблема в том, что в „Аполлоне“ глушат сигнал. Телефоны запрещены. Всё удаляется при выходе».

«Вот это да... – прошептала Рут. – Они сканируют всех. Гениально. Полная изоляция».

«А значит, – тихо сказал Бенколин, – внутри – что-то нелегальное. Наркотики, проституция, азартные игры... Кто знает?»

«Отец Квентина работает с Риверой, – сказала Гвендолин. – Потому он и чувствует себя неприкасаемым».

«Все дороги ведут к Ривере, – пробормотал Гермес. – А вы всё на меня кидаетесь».

«Ему и надо подсунуть устройство», – сказала Гвендолин.

«Ерунда! – резко бросил Логан, оттолкнувшись от стула и ударив ладонью по столешнице. – Ватсон, если тебе так нужен адреналин – прыгни с парашютом, чёрт возьми!»

«Логан! – предупредила Ирен, – да что с тобой?».

Он повернулся к ней, глаза полыхали.

«Это всё – дикая, безумная идея. Ривера – как предупреждение на бензопиле. Только взгляни на него: на лбу у него написано опасность: смерть или серьёзные повреждения при попытке приблизиться. Сначала вы связались с чертовым Палачом, а теперь – Ривера? Вы с ума сошли?»

«Ты всегда был таким трусом?» – тихо, но жёстко бросил Дэниел, прищурившись.

Логан резко повернулся к нему.

«А ты, значит, герой, да? Забыл, как я защищал тебя в университете, когда тебя травили, а ты не мог дать сдачи? Конечно, ты сейчас такой смелый. Потому что я всегда вытаскивал тебя из дерьма, когда ты влипал в него по уши!»

Щёки Дэниела налились кровью. Он встал, стул заскрипел о пол.

«Какого хрена?! Что с тобой, Логан? Объясни! В чём твоя проблема?!»

Вся комната словно втянула воздух. Николь, сидевшая между ними, быстро поднялась и схватила Дэниела за руку, сжала его пальцы, пытаясь остановить бурю.

Логан шагнул вперёд. Остальные поднялись вслед за ним – как будто вспыхнувшая искра вот-вот подожжёт всё помещение.

«Хочешь знать? Пожалуйста! – рявкнул он, лицом почти касаясь Дэниела. – Ты называешь нас командой, но все решения принимаешь один. Ты сам связался с этим психом – Палачом, ты отправил наших друзей в подсознание дохлой собаки, едва не сварив им мозги, ты использовал чип, который мы только что изобрели, – и даже не подумал нас предупредить. А теперь – Гаспар Ривера. Во что ты нас втягиваешь? Может, скажешь заранее, чтобы мы бронжилеты успели надеть?»

Натан положил руку на плечо Логану.

«Эй. Остынь, приятель!»

Дэниел выдохнул, проглотил гнев. Его голос был холодным, почти спокойным.

«Мы уже обсуждали историю с Палачом. А что до чипа – извини, не думал, что мне нужно у тебя спрашивать разрешение на использование моего изобретения. Прости, Логан. Но, честно говоря, ты – единственный, кто жалуется».

Глухое молчание. И тут раздался голос Бенколина – твёрдый, как камень.

«Я думаю, Логан прав».

Все обернулись к нему.

«Дэниел, ты – блестящий ум. Настоящий мотор этой группы. Но, помогая мне, ты поставил себя и своих друзей под удар. Сейчас я ближе к Фантомному Палачу, чем когда-либо, и благодарен каждому из вас. Но... с этого момента наши пути расходятся».

«Нет, пожалуйста, детектив Бенколин...» – начала Гвендолин, вскинув голову, но тот мягким жестом остановил её.

«Мисс Майерс. Утром кто-то уже связался с Йеном. Заявил, что у него есть информация о Палаче. И, судя по деталям, он не врёт».

«Что? – Гвендолин выпрямилась, глаза расширились. – Это... это очень важно...»

«Да, – кивнул Бенколин. – Он хочет, чтобы мы гарантировали его безопасность. И если мы допустим хоть малейшую ошибку – Палач найдёт его и прикончит. Поэтому сегодня в 22:00 мы его забираем. Отвезём в укрытие, и только там он даст показания».

Он лгал. Намеренно. Проверял, кто из присутствующих – предатель. Если за ним проследят, он узнает, откуда утечка.

Дэниел прищурился.

«Рад слышать. Значит, мы вам больше не нужны, мистер Бенколин».

«Можно мне тоже увидеть его?» – робко спросила Гвендолин, зная, какой будет ответ.

«Мисс Майерс, это невозможно. Вы уже помогли мне больше, чем могли. Я не хочу снова подвергать вашу жизнь опасности».

Тут Рут, молчавшая всё это время, подняла глаза от планшета.

«Ирен... твой дедушка. Он наверху у дверей паба».

Все взгляды обернулись к ней. Ирен вскочила, выхватила планшет – на экране стоял худой старик в тени, в поношенном жилете.

«Что этот убийца делает здесь?!» – рявкнул Дэниел.

«Я не знаю, Дэн. Прости. Его деменция прогрессирует...»

«Но дорогу сюда он не забыл!» – зарычал тот.

«Я заберу его. Сейчас же», – сказала Ирен и выбежала из комнаты.

Бенколин медленно повернулся к Дэниелу. Его голос был тихим.

«Не хочу лезть в вашу личную жизнь... но почему вы называли его убийцей?»

Дэниел смотрел на пол. Затем поднял глаза, полные тьмы.

«Потому что дед Ирен убил восемнадцать человек».

«Дэниел! Это был несчастный случай! – голос Гвендолин разрезал тишину. – Это могло случиться с кем угодно. Его даже не было в лаборатории, когда разбилась капсула с вирусом!»

«Вот именно! – Дэниел резко повернулся к ней. Его зрачки были расширены, лицо горело. – Почему в тот день его там не было? Такой трудоголик! Такая целеустремлённость! И вдруг – пропал. Неужели только мне это кажется подозрительным? Почему никто, кроме меня, не задаётся этим вопросом?!»

Логан шагнул вперёд, стиснув челюсти. Его глаза метнули искру гнева. «Ты просто ищешь, на кого свалить вину за потерю матери, – процедил он. – Думаешь, профессор Кальдерон не винит себя? Ты видел, кем он стал? Человеком, которого сожрала собственная совесть. Он... он свихнулся, мать твою!»

«Интересно, почему?! – голос Дэниела стал высоким, почти визгливым. – Если он не виноват, откуда такая вина? Почему он так себя ведёт?!»

Гвендолин с трудом удерживалась, чтобы не повысить голос. Она подошла ближе, мягче: «Потому что это была *его* сыворотка. Его лаборатория. Его жена и коллеги... Все погибли. И да, он несёт ответственность. Но он уже заплатил за это. Ты несправедлив, Дэниел»

Он отвернулся, но не успокоился. Его дыхание стало частым, кулаки дрожали.

«Нет! Он жив. А моя мама... она ушла. Ушла слишком рано. Не увидела, как я рос. Не обняла меня после выпускного... – Голос сорвался. – А он дожил. Видел сына своего внука. И за это я никогда его не прощу»

Гермес, стоявший у стены, шагнул вперёд. Голос его был хриплым, но твёрдым:

«Профессор, ты здравомыслящий человек. Сядьте. Поговорите. Спроси. Не дай гневу сжечь тебя»

Дэниел на секунду задумался. Его подбородок дрожал. Потом резко кивнул:

«Знаешь что... Ты прав, сержант!» – и, не сказав больше ни слова, развернулся и зашагал прочь.

Комната застыла. Напряжение сгустилось.

Гвендолин бросила на Гермеса гневный взгляд:

«Гарсия! Что ты наделал?!»

«Что? Я что-то не так сказал?» – удивился тот, оглядываясь, как будто надеясь, что кто-то объяснит, что именно пошло не так.

Гвендолин, скрепя сердце, последовала за Дэниелом.

«Будем молиться, чтобы он не схватил его за горло...» – пробормотала она.

Бенколин и Гермес молча пошли следом.

Когда Ирен открыла дверь, её сердце сжалось.

Перед ней стоял её дед – профессор Риккардо Кальдерон. Без пальто. В одних старых тапках, на ногах – красные следы от холода. В дрожащих руках – потёртый плюшевый мишка. Его глаза, блестящие, полные испуга, искали спасения.

«Дедушка! – воскликнула она и метнулась к нему. – Что ты тут делаешь? На тебе даже пальто нет! Ты же простудишься!»

Он крепче прижал мишку к груди, его пальцы побелели от напряжения.

«Я... я должен был тебя увидеть... – выдавил он, будто с трудом вспоминая слова. – Я видел его. По телевизору...»

Ирен с усилием втянула его во внутрь, запах холода и старости ворвался в бар. Она накинула своё пальто ему на плечи, словно укрывая ребёнка.

«Кого ты видел, дедушка?» – прошептала она, глядя в его испуганные глаза.

«Его... – голос у Риккардо дрогнул. – Он... не изменился. Совсем. Всё тот же...»

«Я не понимаю... Но тебе нельзя было приходить. Дэниел... он злой. Очень. Я вызову такси. Ты должен уйти...»

Раздались шаги. Тяжёлые, вымеренные.

«Профессор Кальдерон. Давно не виделись», – холодно произнёс Дэниел.

Ирен резко обернулась и встала между ними. В её глазах – паника.

«Дэн... он пришёл без пальто... Я не могла...»

«Давно меня не называли профессором...» – пробормотал Риккардо, озираясь, как зверёк, загнанный в клетку.

«И правильно. Ты не заслуживаешь этого звания, – шагнул вперёд Дэниел, голос стал острым, как нож. – Хочешь рассказать, что случилось в тот день? В лаборатории?»

«Лаборатория... вирус...» – пробормотал тот что-то невнятное и слезы навернулись. Он начал еще больше нервничать.

Ирен заслонила собой деда:

«Дэниел! Пожалуйста... не сейчас...»

Тут в коридоре появились Гвендолин, Гермес и Жак. Их взгляды застыли. Картина перед ними была странной, болезненной – словно взрослый ставит в угол и ругает непослушного ребенка. Риккардо рыдал в панике, сжав мишку до боли в пальцах. Ирен – между ними, как хрупкий щит.

Дэниел сделал шаг. Одним движением вырвал мишку из рук старика. Бросил его на пол. Сухой хлопок плюшевого тела эхом отозвался в стенах.

«Хватит этого спектакля! Перестань! Ты мне всё расскажешь!»

«Тодди...» – прошептал Риккардо, глядя на игрушку. Будто в ней было всё, что у него осталось.

«Говори!» – взревел Дэниел.

Гвендолин бросилась вперёд, схватила Дэниела за плечо.

«Прекрати! Посмотри, что ты сделал! Это же старик!»

«Не вмешивайся!» – рявкнул он и резко толкнул её. Она пошатнулась, и Жак едва успел её поймать.

«Дэниел, хватит!» – сказал Жак, его голос дрогнул от злости.

Гермес шагнул вперёд, заслоняя Гвендолин собой.

Риккардо начал говорить, сотрясаясь всем телом:

«Мне нужна ДНК... Она не совпадает... Где вторая сыворотка? Сабрина взяла её... Последняя стадия... Отец и сын... Одна ДНК... Но не совпадает! Не совпадает! Есть два Дэниела. Один убивает, другой оживляет...»

Молчание. Воздух сгустился. Все взгляды – на него. Они не понимали, сумасшествие это или откровение.

«Два Дэниела? – Дэниел шагнул ближе. – Какую сыворотку Сабрина приняла? Ту, что разбилась?»

Риккардо метнулся к Жаку, вцепился в его воротник.

«Дэниел! Мы должны сравнить гены! Время – ключ! Мутация произошла! Два одинаковых гена!» – голос его надрывался, он трясся, как в лихорадке.

Жак заговорил, как мог, мягко и спокойно:

«Профессор Кальдерон. Я Жак Бенколин. Полицейский. Я не Дэниел. Вы путаете меня... Я не причиню вам вреда.»

«Дедушка! – Ирен вцепилась в его руку. – Посмотри на меня! Отпусти, пожалуйста! Всё хорошо!»

Ситуация становилась всё более безумной.

Внизу, в технической комнате, Рут, Натан, Николь и Логан наблюдали происходящее по камерам. Когда напряжение достигло пика, они поспешили наверх.

«Боже мой...» – прошептала Рут, глядя на Гвендолин. – Что происходит?»

«Дэниел сходит с ума, вот что происходит», – ответил Логан, губы его были сжаты в тонкую линию.

«Какой ген? Какая мутация? Я – Дэниел! – крикнул Дэниел, приближаясь к старику. – Скажи мне, что ты знаешь!»

«Дэниел! – Ирен закричала. – ты хочешь довести его до сердечного приступа? Тормози!»

Риккардо, как сломанный механизм, пробормотал:

«Я хотел помочь... Я хотел, чтобы ребёнок рос с мамой и папой... Я не знал, что всё так...» – и вдруг – он обмочился.

Мокрое пятно медленно расплзлось по его брюкам. Он поник. Тело дрожало, в глазах застыло что-то детское, потерянное.

Дэниел отступил на шаг. Словно удар пришёл не снаружи – изнутри.

Он больше не видел великого профессора. Перед ним стоял дряхлый, больной, сломленный человек. Осталась только оболочка – а ум, сила, гордость ушли.

Ирен подбежала, оторвала деда от Жака и обняла.

«Ты не сделал ничего плохого, дедушка... Всё хорошо... Всё хорошо...»

Риккардо обнял её, судорожно всхлипывая. На лицах всех присутствующих появилось выражение жалости.

Логан подошёл. Осторожно положил руку Ирен на плечо:

«Дай мне ключи. Я отвезу вас домой»

Она, не глядя ни на кого, достала ключ из кармана. И передала ему. Гвендолин наклонилась, подняла с пола плюшевого медвежонка и тихонько передала его Ирен.

Они ушли. Молча. Не бросив взгляда на Дэниела.

У Гвендолин зазвонил телефон. Она сунула руку в карман пиджака, бегло взглянула на экран, нахмурилась и сказала:

«Мне нужно ответить».

Она сделала пару шагов в сторону, прижала телефон к уху:

«Слушаю... Когда? ... Два тела – в одном месте? ... Поняла. Уже выезжаю».

Гвендолин быстро завершила разговор и вернулась к остальным.

«Есть новости о Палаче?» – спросил Бенколин, и в его голосе прозвучала тревога.

«Мне жаль, но я не могу сообщить вам об этом. Вы отстранены», – строго ответила она.

«Ну что вы, мисс Майерс! Это серьёзное дело, – запротестовал Бенколин, шагнув к ней. – Единственный способ поймать Палача – это работать вместе. Вы это прекрасно понимаете».

Гвендолин на секунду колебалась. В глазах – напряжённая борьба. Наконец она глубоко вздохнула:

«Найдены два тела. Я не думаю, что это связано с Фантомным Палачом».

Потом она обернулась к остальным и коротко сказала:

«Я убегая. Увидимся позже».

И, не дожидаясь ответа, вышла за дверь.

Бенколин тут же набрал номер.

«Йен, где ты?»

Он кивнул остальным.

«Я тоже ухожу. До свидания».

И вышел, продолжая говорить по телефону.

Гермес провожал его взглядом.

«Конечно, он поедет на место преступления, – пробормотал он. – Он не остановится. Никогда».

Он повернулся к Дэниелу:

«Мы не особо близки, но я не могу промолчать. Что бы там ни было в прошлом, то, как вы набросились на этого старика, было неправильно. К тому же его внучка – ваша девушка. Вы не можете вернуть то, что ушло. Но вы можете сохранить то, что у вас есть».

Дэниел медленно повернул голову к нему.

«Тогда скажите, Сержант Гарсия, – сказал он холодно, – почему вы до сих пор преследуете Риверу? Почему не забыть всё и не идти дальше?»

Он увидел, как осунулось лицо Гермеса, и добавил:

«Легко давать советы другим, правда? Легко осуждать».

С этими словами он развернулся и ушёл в лабораторию.

Остальные переглянулись, но молча вернулись к своим делам.

В этот момент у Гермеса зазвонил телефон. Он раздражённо ответил:

«Слушаю».

Пауза. Лицо нахмурилось.

«Какая посылка? Я ничего не заказывал».

Он слушал, потом отрывисто сказал:

«Наверное, ошибка. Ладно, просто оставьте на пороге. Я заберу».

Он повесил трубку, и Рут подошла ближе:

«Проблемы?»

«Кто-то заказал на моё имя кухонную утварь, – пробурчал Гермес. – Теперь мне придётся бросить всё и возвращать этот хлам».

Рут на секунду задумалась.

«А вы знаете, с какого сайта заказ?»

«Знаю. А это важно?»

«Если хотите, я могу глянуть. Если получится узнать IP-адрес покупателя, мы поймём, кто это. И знаете, если вы дадите мне данные своей карты, и он купит что-то ещё – я, возможно, смогу выследить его прямо во время оплаты».

Гермес посмотрел на неё с новой надеждой.

«Если вы можете это сделать... я буду вам обязан».

Но тут его взгляд потускнел.

«Хотя подождите... Тогда я не смогу отменить карту. Там, конечно, немного, но всё же...»

«У нас нет другого способа найти этого человека, Сержант. Но решать вам. Мы сделаем так, как вы скажете».

Он смотрел на неё несколько секунд, потом кивнул.

«Мисс Моррис... найдите этого ублюдка».

И Рут улыбнулась – впервые за долгое время её глаза вспыхнули азартом.

Глава 18. Кастильо

Из просторной гостиной доносились глухие, низкие гортанные выкрики, – голос Данте Кастильо на итальянском срывался в гневные визги, заставляя стекла дрожать, как от слабого землетрясения. Дом был построен как укреплённая цитадель – три этажа белого камня и металла, с внутренним двориком, где цвели апельсиновые деревья. Он управлял казино на Сицилии и в Сан-Вриго, на территории Cosa nostra. Раньше он также занимался контрабандой фальшивых денег и оружия, но в последние годы в его ведении были только ночные клубы и казино. Пять месяцев назад Кастильо начал заниматься контрабандой наркотиков. Кокаин загружали в торпеды и перевозили с Кубы во Врига-Вриго на построенном вручную подводном судне. Первая партия товара успешно добралась до места назначения, но три дня назад со второй партией произошел казус: капитану пришлось оставить торпеду в океанских глубинах, потому что кто-то слил в полицию информацию о дате и маршруте подводной лодки, перевозившей торпеду, и таможенная полиция организовала операцию. Как оказалось, информацию узнали не только полицейские, но и другая группировка, потому что пираты напали на субмарину и убили экипаж. Так что торпеда стоимостью в несколько миллионов теперь находилась где-то в глубинах океана, и никто не знал, где она. Кастильо был в ярости. Кроме того, больше всего его бесило то, что ответственность за все это нес его сын.

«Ты! – заорал он, хлётко ударив кожаным ремнём по спине молодого человека, стоящего на коленях на мраморном полу. – Это я виноват, что доверился тебе – паразиту, которому поручил важное дело!»

Бразио Кастильо – стройный, с нежным лицом и темными, волнистыми волосами, дрожал от боли. Его правая рука была прижата к ребрам, лицо – в слезах и испарине.

«Субмарину атаквали, отец! Это не моя вина. Это жестоко – наказывать меня за то, чего я не мог предотвратить!»

Данте шагнул ближе. Его глаза, стальные и холодные, как клинки, сверкнули.

«И ты еще оправдываешься? – прорычал подтянутый, слегка седовласый мужчина лет шестидесяти, – Кто еще мог проболтаться, как не ты, пьянчужка без мозгов? Ты думаешь, полиция и пираты просто так узнали маршрут? Твоё рваное рыло – вот причина! Подумал бы хоть раз!»

Бразио зажмурился. Его сердце колотилось в груди, как пойманная птица. На коленях он покачивался взад-вперёд, как в трансе, бессильно и безнадёжно.

Ему было тридцать. Он должен был быть наследником. Мужчиной. Но в глазах отца он был лишь слабым подобием. Слишком мягкий, слишком... не тот. От него требовали, чтобы он во всем был наилучшим. Его отец обладал властным характером. Он был лидером и доминантом. Он был весьма силен как интеллектуально, так и физически. Он хотел, чтобы его сын как минимум был похож на него, но Бразио оказался гораздо ниже этих требований. Поначалу он делал все возможное, чтобы сделать отца счастливым, но у него ничего не получалось. Потому что его потенциал оставлял желать лучшего. Это еще больше деморализовало его и привело к потере уверенности в себе. Он умудрялся проваливать даже самые банальные простые задания, которые ему поручали. Поэтому, в то время как он был обязан быть идеальным во всем, а его отец постоянно твердил, что он бесполезный паразит, он пристрастился к алкоголю и наркотикам, чтобы перестать думать об этом и даже забыться. Только так он сумел продержаться. Теперь, спустя долгое время, отец поручил ему очень серьезное задание, и он приложил все усилия, чтобы оправдать себя в глазах отца.

Бросил пить, прошёл реабилитацию. Он вычеркнул из жизни наркотики, чтобы не подвести. Всё ради этого одного шанса. Но за день до отплытия – вечеринка. День рождения друга.

Он не пил. Клялся себе, что не будет. Но, вероятно, кто-то подсыпал ему что-то. Очнулся на полу. Память – обрывками. Отец не поверил ни слову.

«Ты знаешь, сколько миллионов долларов я потерял? Твои пустые мозги в твоей глупой башке способны это подсчитать?»

«Говорю тебе, папа, кто-то специально накачал меня наркотиками! Они нас подставили!»

«А ты не задумывался, почему это случается только с тобой? Если бы тебе подсыпали яд, ты бы тоже его выпил, идиот! Я поражаюсь, как ты до сих пор не сдох с твоей бестолковостью! Я вырос в трущобах. Я добрался сюда своим умом, своей силой запястья из этих вонючих кварталов. Никто не тянул меня за руку и не тащил вверх, наоборот, на каждом шагу мне подкладывали камни. Я неграмотный, улицы стали моим университетом. Но я воспитал тебя, дал тебе образование, но ты оказался никчемным. Посмотри на дом, в котором ты живешь, посмотри на машину самой последней модели. Даже фирменные трусы на твоей заднице были куплены на мои деньги, на деньги твоего безграмотного отца. У тебя есть отец, которого не было у меня, и единственное, что от тебя требуется, – это следовать тому, что я говорю, но ты не способен даже на это!»

Эти слова обожгли Бразию, как раскаленное масло. Его подбородок задрожал, а в черных глазах вспыхнули искры гнева.

«Мне жаль, что я не могу быть тобой, папа!» – язвительно сказал Бразию, – твое семя гнилое, и ничего с этим не поделаешь! Я такой, какой есть, и никогда не стану таким, каким ты хочешь меня видеть. Если бы ты хоть немного любил меня, а не критиковал все время, может быть, все было бы по-другому».

«Любить? – спросил Кастильо с раздраженной усмешкой, глядя на сына с таким выражением лица, словно он только что наступил чистыми ботинками в лошадиный навоз, – если бы я не любил тебя, Бразию, ты бы сейчас гнил под землей! Потому что с таким сыном, как ты, и врагов особых не надо! Ты мое наказание в этом мире!»

Данте швырнул на стол ключи и кредитные карты сына. – «Я заблокировал всё. Отныне – ни дома, ни машины. Ты живёшь здесь, в Сан-Вриго. Управляешь клубом. Всё, что от тебя требуется – не обанкротиться. Вот и всё!»

«Ты не можешь... – Бразию вскочил, лицо покраснело, губы дрожали. – Я больше не мальчишка. Ты не смеешь обращаться со мной, как с мусором!»

«Ты перечишь мне? – Данте говорил уже почти шепотом, губы его вытянулись в тонкую черту. – Собачонка решила лаять?»

В следующее мгновение раздался звонкий удар – хлёсткий, как плеть. Бразию упал, налетев спиной на диван, но тут же попытался подняться. Его губы запачкались кровью, в глазах метались слезы и гнев. И он снова ударил. Бразию отбил удар, закричал, как зверь, израненный в бою. Он был не бойцом, но гнев и унижение толкнули его вперёд.

«Давай! Покажи, что ты мужчина! Или сдохни, как сопливый трус!»

Он попытался ударить в ответ, но Данте оказался быстрее. Прямой в живот. Бразию согнулся, захрипел.

Курт впервые за долгое время выпался по-настоящему. Сон был крепким, без сновидений, как будто тело наконец отпустило накопленную усталость. Он принял горячий душ, смыл напряжение, побрился, уложил мокрые локоны на макушке. Свет в ванной был тёплым, мягким. В зеркале отразился обновлённый человек: коротко подстриженные виски, легкая аккуратная бородка, черно-белая толстовка с уличным акцентом, кожаная куртка, карго-брюки, белые кроссовки. Он выглядел моложе, чем чувствовал себя, и в этот момент – живым.

Он бросил последний взгляд на своё отражение и с лёгкой усмешкой одобрил результат. Щёлкнул выключателем, спустился по лестнице, ведомый гулом голосов снизу.

Два охранника стояли по обе стороны от двери в гостиную, с каменными лицами и руками за спиной. Курт кивнул им, но не двинулся дальше. Он знал, что внутри – буря. Очередная ссора отца и сына. Не первая и, чёрт побери, далеко не последняя.

«Еще одна заваруха с Бразиио?» – раздался голос сзади, и Курт повернул голову, чтобы увидеть Россо, своего близкого друга по банде.

«Боюсь, что да. С подводной лодкой дела плохи».

«Готовься, мы следующие. Кастильо поймёт нас обоих».

«Ты тут ни при чем. Мы с Бразиио отвечали за это».

«Я привел тебя сюда и поручился за тебя, помнишь? – сказал Россо, затем, наморщив лоб, словно что-то вспомнив, полез в карман куртки-бомбера, достал конверт, протянул ему: Меня попросили передать это тебе. Я его не открывал».

Курт мгновенно выхватил конверт из его рук, быстро развернул его и пробежался глазами по бумаге внутри. На его лице появилась улыбка.

«Что это?» – с любопытством спросил Россо. Но прежде чем Курт успел осознать вопрос, изнутри раздался вопль – сдавленный, животный, словно человека терзали. За криком – шум, грохот, лязг мебели.

Курт обменялся тревожным взглядом с охраной.

«Я посмотрю», – сказал он резко и толкнул дверь.

Внутри царил хаос. Бразиио валялся у дивана, на коленях, захлёбываясь кровью. Кастильо, его отец, нависал над ним, схватив за ворот рубашки обеими руками. Его лицо было искажено яростью, глаза горели безумием. Он наносил удары – неугомонно, с остервенением. Будто вбивал в сына всё своё разочарование и ненависть, накопленные годами.

«Сэр! – Курт бросился вперёд, – Вы его убьёте! Пожалуйста, отпустите его!»

Он схватил Кастильо за руку, но тот не отреагировал – был как в трансе. Его дыхание было прерывистым, почти неестественным, глаза стеклянными. Он не слышал, не видел – только бил.

Курт понял, что иначе не остановить. Он рухнул на пол и накрыл Бразиио собой. Следующий удар пришёлся Курту под ухо – звон в голове, резкая вспышка боли.

Кастильо резко отпрянул, словно его выдернули из кошмара. Он тяжело дышал, осел на пол, опустив руки. Пот струился по его лбу, заливая глаза.

Курт поднялся на локтях и потряс Бразиио за плечо.

«Эй! Бразиио!» – голос дрожал.

Тот не реагировал. Глаза закатились, губы порозовели от крови.

Кастильо шмыгнул носом, отвернулся.

«Уберите его с глаз долой», – скомандовал он охрипшим голосом и потянулся к бутылке виски.

Курт поднялся, жестом подозвал охранников. Те молча вошли, подхватили безвольное тело Бразиио за плечи и ноги, понесли прочь. Курт наблюдал, как они исчезли в коридоре, и только тогда подошёл к Кастильо.

«Сэр... Ривера будет здесь через час. Просто чтобы вы знали».

Кастильо налил себе двойной виски, сделал глоток, затем повернулся к нему.

«Спасибо, что оторвал меня от него, парень, – тихо сказал он. – Я бы убил его. Честно. Я едва не стал убийцей собственного сына».

Курт опустил глаза, молча склонил голову.

«Что скажешь, – продолжал Кастильо, немного отойдя от безумия, – как думаешь, с каким предложением придёт Ривера? Партнёрство в подводном бизнесе?»

«Не знаю, сэр, – Курт пожал плечами и выдержал паузу. – Вы всё ещё хотите заниматься наркотиками?»

Глаза Кастильо вспыхнули. Чёрные, как омут, полные гнева. Курт ощутил, как холод пробежал по позвоночнику.

«Как давно ты со мной, Курт?»

«Три года, сэр».

«Кажется, будто вчера. Тогда ты был шофёром. Потом телохранителем. А теперь ты моя правая рука. Знаешь, почему?»

«Лучше вас никто не знает, сэр».

«У тебя талант. Острый ум. Ты не задаёшь лишних вопросов. Ты честен. Ты предан. Вот и всё».

«Спасибо, сэр. Вы помогли мне, когда у меня ничего не было. Дали работу, крышу, хлеб. Я просто стараюсь быть достойным».

Кастильо пристально посмотрел на него. Взгляд его стал вдруг отстранённым.

«Курт, ты занял это место потому, что ты... как я. А Бразио... Он только внешне мой сын. Всё, что он унаследовал, – дерзость. Он разрушит всё, над чем я трудился. А ты это знаешь. Ты бы мог стать моим настоящим наследником».

«Сэр, я...» – Курт опустил глаза.

«После моей смерти тебе не составит труда уничтожить его и взять всё. – Голос Кастильо стал холодным. Он вытащил из-за пояса пистолет и направил на Курта».

Курт не шелохнулся. Лишь нахмурился, развёл руки в стороны. Его взгляд встретился с глазами босса – прямой, уверенный.

«Вы думаете, я вас предал?»

«Ты всегда был против наркотиков».

«Потому что это опасно. Потому что я хотел уберечь вас. И потому что вы не сказали об этом Ривере. Я оказался прав. Но не понимаю, почему сейчас я на мушке».

«Потому что я не думаю, что ты боишься меня, тебе... слишком комфортно. А я таких боюсь. Я когда-то был пацаном из трущоб, а теперь я капо. Ты – как я. И это опасно».

«Я не претендую на ваше место. Я не преступник. Я не сделал ничего, чего стоило бы бояться».

«Только ты, я и Бразио знали об операции».

«Ещё капитан подлодки и его экипаж», – Курт говорил спокойно, будто рассуждал о погоде.

«Ты сообщил курс в самый последний момент...»

«Вам нужны от меня оправдания, сеньор? – Курт шагнул вперёд. – Этот пистолет говорит сам за себя. Вы мне не доверяете. Вы уже приняли решение. – Он упёрся лбом в дуло пистолета. – Я был вам предан. Но если вы решили иначе – жмите на спуск».

На губах Кастильо появилась нервная улыбка.

«Думаешь, я отступлю? Думаешь, я поведу на красивую речь?»

Курт шагнул назад. Глаза его сияли холодом. В следующее мгновение он выхватил пистолет из-за пояса – и без колебаний приставил его к своему виску.

Кастильо изумлённо уставился на него, моргнул, словно не веря своим глазам, и тихо, но с отчётливым надрывом в голосе спросил:

«Что, чёрт возьми, всё это значит?»

Курт ухмыльнулся, но в его глазах уже пылал огонь:

«Жаль. За три года вы так и не узнали меня. Я скорее умру, чем буду работать на человека, который мне не доверяет... и думает, будто я воткну ему нож в спину при первом же удобном случае».

Он снял пистолет с предохранителя, и палец лег на спусковой крючок.

Выстрел прогремел внезапно – оглушительно, как удар хлыста в тишине. Пуля ушла в потолок, выбив кусок штукатурки, потому что Кастильо успел в последний момент дёрнуть

Курта за руку. Он с поразительной ловкостью вырвал у него пистолет и швырнул его в сторону. Рот его приоткрылся от удивления, глаза округлились – в них смешались страх, ярость и... любовь.

Сердце у него колотилось в груди, словно пытаясь вырваться наружу. Он смотрел на Курта, как на сына, которого почти потерял.

«Ладно, я знаю, ты чокнутый, но это уже за гранью! – пробормотал он, тяжело дыша, и засунул свой пистолет обратно за пояс».

«Мне обидно... что вы обращаетесь со мной как с предателем. Я этого не заслуживаю, – сказал Курт, и его голос надломился. Он чуть отвёл глаза, будто стыдясь собственной слабости».

Кастильо подошёл ближе. Его лицо вдруг стало серьёзным, почти нежным. Он обхватил лицо Курта ладонями и заглянул ему прямо в глаза:

«Ты – единственный человек, которому я доверяю в этой жизни. Единственный, кому могу отдать всё... без оглядки. Курт, прошу тебя – не подведи меня, сынок. Если ты предашь меня... пуля будет самым милосердным из того, что тебя ждёт. Моё воображение безгранично, когда речь идёт о боли».

Он крепко прижал Курта к себе, будто пытаясь впитать его тепло, прочувствовать его сердце. Через мгновение отстранился и уже деловито сказал:

«Узнай, откуда копы получили информацию, и сделай то, что должен».

«Вообще-то я именно это и хотел обсудить, – отозвался Курт. Он полез в карман кожаной куртки, достал сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его Кастильо. – Эстебан Васкес. Член экипажа. Был осведомителем. Это чек, который ему заплатили копы за предыдущую работу».

Кастильо взял листок, пробежался глазами по строкам. На его лице мелькнуло что-то новое – уважение, даже гордость.

«Когда ты успел это выяснить?»

«Сразу после операции во Врига-Вриго. Я проверил всех, кто был причастен. Жена Эстебана в последние месяцы жила не по средствам – траты, подарки сыну. Мы надавили... и она заговорила».

Кастильо на секунду прикрыл глаза. Он в который раз осознал, насколько ценен Курт. Насколько он хладнокровен, умен и предан. И почему он нравился ему больше, чем даже родной сын.

«Ублюдок! – зарычал Кастильо. – Теперь он мёртв! Легко отделался от меня!»

В этот момент телефон Курта завибрировал. Он глянул на экран.

«Сэр, машина Риверы подъезжает к воротам».

Кастильо кивнул, провёл ладонью по седым волосам.

«Рано он... Хорошо. Иди. Встречай. Я приму его в кабинете».

Курт коротко кивнул и, не оборачиваясь, вышел.

Глава 19. Деловая сделка с Кастильо

Черные джипы остановились перед массивной, будто вырезанной из тумана виллой. Небо сдавлено серыми облаками, воздух тягучий, как перед бурей. Ривера вышел первым – спокойный, как всегда, с едва заметной полуулыбкой на губах. За ним – Тристан и двое его людей, настороженные, с каменными лицами.

У кованых дверей их уже ждали. Курт стоял прямо, как по линейке, с двумя своими людьми по бокам. Его улыбка – широкая, гостеприимная.

Они встретились взглядами с Тристаном. Их первое знакомство было не очень приятным, да и из-за погодных условий они не могли хорошо разглядеть друг друга. Они тогда поняли: противник достоин.

Сейчас же оба стояли, изучая друг друга открыто, словно вновь взвешивая силу и волю.

Курт поднял взгляд на Риверу. Голос его прозвучал мягко, почти по-доброму:

«Добро пожаловать. Сеньор Кастильо ждёт вас. Прошу следовать за мной».

Они тронулись. Краем глаза Тристан заметил: по саду, скрываясь между кустами и каменными статуями, бродили шестеро вооружённых до зубов охранников. Они не пытались спрятаться. Это был сигнал: мы готовы.

Внутри – прохлада, мрамор под ногами и резной потолок, словно в старом монастыре. У внешней двери стояли двое телохранителей. Ещё двое – впереди, у комнаты, где ждал Кастильо. Курт остановился у двери и обернулся. Он посмотрел прямо в глаза Ривере, затем – Тристану.

«В комнату может войти только один телохранитель с мистером Риверой. И только с одним пистолетом. Остальных попрошу подождать здесь. Таковы правила». Он пожал плечами, изображая безразличие, как человек, которому поручили сообщить дурные новости.

Тристан резко нахмурился. Его челюсть напряглась.

«Эти правила для обычных людей. Перед тобой – Гаспар Ривера. Как ты смеешь!»

Курт не шелохнулся. Только уголок его губ дрогнул.

«Всё в порядке, Тристан», – мягко, но с твёрдостью сказал Ривера. Он положил руку на плечо Тристана. – «Мы – гости. Уважим правила. В конце концов, мы цивилизованные люди, а не варвары».

Курт кивнул, едва заметно.

«Благодарю за понимание. Вас обыщут. Прошу оставить остальное оружие в этой корзине». Он указал на плетёную корзину у стены.

Тристан посмотрел на неё с видом, будто туда предложили сдать его гордость. Он повернулся к Ривере. Тот кивнул. Сдерживая раздражение, Тристан медленно достал и бросил в корзину нож для мизинца, перочинный, запасной пистолет и обойму.

Он уже шагнул к Ривере, но Курт протянул руку, останавливая его.

«Полагаю, ты не возражаешь, если я тебя обыщу?»

Тристан глянул на него с презрением. Его рука слегка раздвинула полы кожаной куртки, показывая пистолет на поясе.

«У меня только один пистолет. Что тебе ещё нужно?»

Курт сдержал улыбку.

«Дело в том, что я не вижу среди сданных вещей твоего электрошокера. Ты его случайно не забыл?»

Губы Тристана дрогнули. Он сверлил Курта взглядом, будто хотел прожечь дырку в лбу.

«Тристан, будь добр. Мы теряем время», – сухо бросил Ривера, не глядя на них.

Тристан что-то буркнул себе под нос, сунул руку в рукав и вытащил компактный электрошокер. Бросил в корзину с таким видом, будто кидает туда свою ненависть.

Курт, всё с той же вежливой ухмылкой, шагнул ближе.

«Мне всё равно придётся тебя обыскать».

Тристан закатил глаза и медленно развёл руки и ноги, глядя в потолок с видом обречённого.

Курт начал снизу, тщательно. Его руки двигались по ногам, бокам, рёбрам. Тристан стискивал зубы, сдерживаясь, пока волны раздражения катились по спине. Он чувствовал: Курт нарочно затягивает процесс.

И точно. Во внутреннем кармане Курт нащупал что-то. Вытащил зажигалку. Простой хромированный корпус.

Тристан дёрнулся за ней:

«Это всего лишь зажигалка! Отдай!»

Курт отступил на полшага, ловко увернулся, покрутил вещицу в пальцах. Щёлкнул. Огонёк вспыхнул, затем погас. Он нажал на незаметную кнопку – и из зажигалки выскочил острый, короткий клинок.

«Мило», – хмыкнул он, поднимая брови.

Ривера сжал пальцы в кулак.

«Если вы удовлетворены, мы можем пройти внутрь, молодой человек?»

Курт отдал знак охране. Те отступили, и тяжёлая дверь отворилась.

Ривера вошёл первым, не оборачиваясь. Тристан замедлил шаг, бросил на Курта исподлобья:

«Если хоть одна моя вещь пропадёт – разобью твою ухмыляющуюся рожу, Капитан».

Курт наклонился ближе, почти касаясь его уха:

«Ты слишком напряжён, дракон. Я просто облегчил тебе ношу. Радуйся – теперь ты почти воздушный».

Когда они оба попытались пройти через дверь одновременно, их плечи столкнулись. Тристан зло взглянул на него. Курт чуть отступил и жестом предложил пройти вперёд.

Внутри пахло сигарами, кожей и дорогим алкоголем. Их встретил Данте Кастильо – высокий, с проседью на висках и сигарой, зажатой в зубах, как вечный жезл власти. В комнате, затянутой лёгкой дымкой, помимо Курта, стоял второй телохранитель – Россо. Оба располагались рядом с креслом Кастильо в расслабленных позах, словно были в баре, а не на деловой встрече. Россо, заметив Тристана, метнул в него злобный взгляд, полных насмешки и презрения. Тристан отвёл глаза – не потому что испугался, а потому что этот взгляд был слишком пуст – как свалка сгоревших машин.

«Добро пожаловать, мой друг Гаспар Ривера! – расплылся в широкой улыбке Кастильо, слова его звучали с отчётливым итальянским акцентом, как будто он только что сошёл с экрана старого гангстерского фильма. Он широким жестом указал на одно из двух кожаных кресел друг напротив друга: – Располагайся!»

Они сели. Курт и Тристан остались стоять позади – каждый рядом со своим лидером. Россо, не отрывая взгляда от Риверы, встал по другую сторону кресла Кастильо.

«Что я могу вам предложить? Виски, шампанское, кофе?» – спросил Кастильо, выпуская кольцо дыма.

«Спасибо. Буду признателен, если мы сразу перейдём к делу. В конце концов, время дорого нам обоим», – Ривера говорил без лишних слов, спокойно, будто знал, что уже выиграл эту игру.

Кастильо рассмеялся, обернулся к своим, кивнул в сторону Риверы:

«Вот настоящий бизнесмен. Смотрите и учитесь».

Затем вновь повернулся к Ривере, взгляд его стал острым, прищуренным:

«Значит, ты хочешь вести со мной дела?»

«Да. Я думаю, наш союз будет взаимовыгоден. Единственная причина, по которой я предлагаю эту работу именно вам, – вы умеете подделывать деньги. Хорошо умеете. С моим планом – мы доведём это до совершенства».

Кастильо чуть подался вперёд, глаза прищурились:

«Я давно завязал с этим. Но да, ты прав: наш старый принтер был почти идеален. Бумага – плотная, чуть шероховатая, как у настоящей. Отличить купюру от настоящей могли только машины, и то не всегда. Почему, скажи, я должен вбухивать миллионы в купюры, которые потом будут пылиться на складе?»

«Мои пройдут даже через детектор».

Пауза. Брови Кастильо чуть вздрогнули. Он медленно повернулся к Курту – тот в ответ лишь чуть скривил губы, как бы говоря: *«Я бы не поручился»*.

Ривера продолжал:

«Мне нужна только ваша машина и подводная лодка. О деталях позаботятся мои люди».

«Подлодку забрала полиция. Сейчас строится новая. А станок давно на свалке. Его придётся собирать с нуля».

«Без проблем. Мы никуда не спешим».

Кастильо медленно разглядывал Ривера с ног до головы:

«Я занимаюсь серьёзными делами. Это не сидеть в пентхаусе в дорогом костюме, потягивая вино и командуя наёмниками через спутниковую связь. Здесь нужно испачкать руки. Ты уверен, что не убежишь потом к мамочке, всхлипывая на коленях?»

Он рассмеялся. Сигара дымилась в его руке, как кусок горящего угля.

Ривера остался спокоен. Как лёд. Ни одна мышца на его лице не дрогнула.

Тристан сжал кулак. Он еле сдерживался, чтобы не подойти и не выбить из Кастильо всё дерьмо вместе с золотыми коронками. Курт почувствовал это инстинктивно, кожей. Он наблюдал за Тристаном, как охотник наблюдает за волком: челюсть напряжена, плечи каменные, пальцы сжимаются, ногти белеют от усилия.

Тристан почувствовал на себе этот взгляд. Повернул голову чуть влево – и встретился глазами с Куртом. Взгляд в упор, в трёх метрах друг от друга. Ему не нравилось, что тот так откровенно его изучает.

Он кивнул: *«Что уставился?»*

Курт улыбнулся – широкой улыбкой. И, наконец, отвёл взгляд.

Ривера сидел, небрежно закинув ногу на ногу. Его голос, когда он заговорил, звучал ровно и спокойно, как шелест шелка:

«Кстати, о серьёзных делах: ваша торпеда у нас, и она в безопасности. Если бы вы предупредили нас заранее, у вас не возникло бы этой проблемы. Мы бы указали вам безопасный маршрут... и дали знать нашим ребятам на таможне. Не зря ведь говорят – каждый петух воркует на своей территории».

Он слегка улыбнулся, и в ту же секунду выражение лица Кастильо изменилось. Его прежняя уверенность, ленивое, почти скучающее презрение – всё это мигом исчезло. Лицо стало жёстким, глаза – холодными.

«Как мы можем быть уверены, что ты не конфисковал наши товары с самого начала?»

«Потому что все знают, – сказал Ривера, чуть склонив голову и улыбаясь, – я не из тех, кто опускается до таких трюков. В нашем районе ни одна птица не пролетит, не оставив перо. Банда, что провернула это дело, была уже идентифицирована. По моему приказу, между прочим. Я отдавал его, сидя в Пентхаусе скрестив ноги и попивая ром. Эти ребята теперь у нас в гостях. Я прикажу упаковать их и отправить вам – по суше, конечно. Мы оба знаем, что океан – не ваша стихия».

Тристан усмехнулся. Это была холодная, опасная усмешка. Он понял, что Ривера словом вывел Кастильо из равновесия.

Кастильо уронил сигару, вскочил.

«Ах ты, сукин сын!»

Тристан рефлекторно вытащил пистолет и направил на него. Курт, не колеблясь, – на Тристана. Россо, стоявший сзади, – на Риверу.

В комнате повисла тишина. Электрическая. Смертельная. Пот пахнул железом.

Кастильо замер, медленно расстегнул пиджак и, не спуская глаз с Тристана, сел обратно. Сигара шипнула под подошвой его ботинка.

Он говорил уже другим тоном – твердым, но сдержанным:

«Опустите оружие. Мы не враги. Такие стычки между друзьями – дело житейское. Кроме того, они гости».

Россو послушно убрал пистолет. Курт остался стоять, держа оружие направленным. Тристан тоже не двигался.

«Курт, – мягко сказал Кастильо, – пожалуйста. Опустите оружие. Они наши гости».

Курт задержался на секунду – взглядом вымерял Тристана, будто прицеливался – и наконец опустил руку. Оружие исчезло за поясом. Тристан повторил движение. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Ривера, будто ничего не произошло, откинулся на спинку кресла и спокойно сказал:

«Так... на чём мы остановились? – Он изогнул бровь, сделал паузу. – Ах да, торпеда. Как я уже говорил, я всегда готов помочь друзьям. Конечно... если они считают меня другом».

Кастильо всё понял. Ультиматум был очевиден: хочешь товар – играй по моим правилам.

Он подал знак, и Курт тут же достал новую сигару, протянул. Сам поднёс зажигалку к краю, но не свою – ту, что отобрал у Тристана. В этот момент он краем глаза посмотрел на него и улыбнулся. Спокойно. Глумливо.

Тристан сверкнул взглядом. Губы едва заметно шевельнулись:

«Ублюдох».

Курт весело скривился, вернулся на место, играя зажигалкой, словно нарочно.

Кастильо затянулся, задумался, выпустил тонкую струю дыма и медленно произнёс:

«Если хочешь вести дела на моей земле – мои ребята будут главными. Они чувствительны к чужакам. Без обид».

«Обид нет, – ответил Ривера. – Но я не хочу работать *на тебя*. План мой – и командовать будут мои люди. Без слепой веры. Без обид».

Кастильо медленно кивнул. Сделал ещё одну затяжку. Потом сказал:

«Хорошо. Пусть будет так. Ты выбираешь одного своего, я – одного своего. Они будут руководить. Только вдвоём. Больше – никого».

«Согласен», – кивнул Ривера.

Курт и Тристан переглянулись. Курт подмигнул. Тристан в ответ одарил его взглядом, который мог бы расплавить стекло.

Он уже знал, с кем ему придётся работать. И это ему категорически не нравилось.

«Когда я получу свои товары?» – спросил Кастильо, уже почти без эмоций.

«Когда дело будет сделано», – спокойно ответил Ривера.

«Ты мне не доверяешь, молодой человек?»

«Скажем так... – Ривера медленно подался вперёд, с лёгкой улыбкой. – Я всегда держу своего осла привязанным к крепкому колышку».

Кастильо не ответил. Только кивнул. Медленно. Тяжело. Он ненавидел, когда ему приходилось соглашаться.

Глава 20. Место преступления

Бенколин поспешно вышел из своей машины, которую неуклюже припарковал, пробрался в толпу любопытных и подошел к ленте «места преступления», но молодой полицейский остановил его.

«Детектив-Лейтенант Жак Бенколин, начальник отдела убийств». Он представился только устно, потому что его полицейский значок был конфискован.

«Я знаю вас, начальник, и также знаю, что вы временно отстранены от работы, поэтому, к сожалению, вы не можете войти», – смущенно ответил молодой полицейский.

Йен, заметив Бенколина издали, подошел к ним с гримасой.

«Дружище, я дал тебе эту информацию не для того, чтобы ты пришел сюда! Черт возьми, Жак, почему ты такой упрямый?» – проворчал Йен, в раздражении потирая ноющую шею, «если шеф узнает...» Но его слова повисли в воздухе, потому что Гвендолин, тоже увидев Бенколина, хлопнула себя рукой по колену и сказала: «Серьезно? Вас здесь быть не должно!» Затем она повернулась к детективу Йену Ли: «Детектив Ли, в чем дело? Здесь нет тел!»

Йен глубоко вздохнул с таким выражением, словно проглотил кусок испорченного мяса, и сказал: «В любом случае, ты услышишь об этом в новостях, Жак, позволь мне рассказать вам вкратце: женщина выгуливала свою собаку, и вдруг собака прибежала сюда и начала копать. Когда хозяйка увидела зарытую в землю человеческую руку, она тут же вызвала полицию».

«Ты сказал, по телефону что их было двое,» – сказал Бенколин.

«Верно. Два тела. Мужчина и женщина, но тела увезли в морг для вскрытия, до моего приезда и я тоже их не видел».

«Что?» Гвендолин и Жак одновременно удивились и посмотрели друг на друга.

Бенколин сказал: «Когда? Почему они так торопились? Неужели следствие прибыло так рано?»

«Я тоже не знаю, когда я приехал видел, как уезжала труповозка, говорят шеф так приказал».

Гвендолин удивилась и сказала: «Мой дядя? Мне нужно с ним поговорить!»

«Почему Уильямсон отдал такой приказ?» – спросил Бенколин, задумчиво почесывая бороду на подбородке.

«В дополнение к недавним событиям, когда были найдены эти тела, он опасался публичного линчевания. Он приказал отправить тела в морг до приезда журналистов. Думаю, это приказ сверху».

«Боже мой! Не могу поверить, что мой дядя способен на такое!» – ворчала Гвендолин.

«Даже не знаю какого черта тут происходит», – скептически сказал Йен.

«Я чего-то не знаю?» – спросил Бенколин, заметив скептицизм на лице своего друга.

«Я не уверен,» – сказал он, указывая глазами на Гвендолин, – «мы поговорим позже, дайте мне убедиться. А ты иди уже, шеф очень рассердится, если услышит, что ты припёрся сюда».

Глава 21. Дэниел

Паб «Океания» был почти пуст. Из колонок едва слышно играло что-то блюзовое, а за барной стойкой Натан протирал стаканы.

Логан вошёл с таким видом, будто нес на плечах груз. Он устало опустил на высокий стул у стойки, провёл руками по лицу и упёр локти в липкий деревянный бар.

Натан взглянул на него поверх стеклянной пирамиды и кивнул:

«Как профессор?»

Логан выдохнул, не поднимая головы.

«Успокоился. А вот Ирен... она была на грани. И всё из-за Дэниела. Он повёл себя, как последний козёл».

Натан расставил стаканы по полке и облокотился на стойку, глядя на него с лёгким упрёком.

«Вы с ним только и делаете, что грызётесь. Что бы между вами ни было – поговорите. Вы же не мальчишки. И нам, знаешь ли, не легче наблюдать за этим со стороны».

«Ты не видишь, что он творит? Он становится... другим. Слишком амбициозным. Будто у него в голове только цель, а люди вокруг – просто ресурсы. Неужели только меня это тревожит?» – голос Логана стал тише, но в нём сквозила усталость, замешанная на злости.

Натан пожал плечами.

«Ты тоже не ангел, Логан. Ты его судишь и задеваешь гордость. А он, чёрт возьми, просто хочет быть полезным. Пытается. По-своему, может, глупо, но честно».

Логан хотел что-то ответить, но вдруг замер.

Дэниел стоял в дверях. Лицо – хмурое, напряжённое. Он быстро оглядел зал, увидел их и пошёл к стойке.

«Можем поговорить?» – спросил он, остановившись рядом.

Логан медленно поднял на него зелёные глаза. Лицо – каменное.

«Только если ты угощаешь пивом», – сказал он с усталой насмешкой.

Дэниел молча махнул Натану. Тот налил два стакана, поставил их перед ними и, словно по команде, отступил вглубь зала, оставив их наедине.

Дэниел сделал глоток. Смотрел на Логана сбоку.

«Ты весь на взводе в последнее время. Проблемы дома?»

«Да всё как всегда. Только ты – моя главная проблема», – бросил Логан, не глядя на него.

«А разве не ты жаловался, что мы не используем машину? Что изменилось?»

«Я не говорил тебе гоняться за самым опасным убийцей столетия!» – Логан потянулся к пиву, делая вид, что смотрит в стену.

Дэниел вздохнул.

«Прости. Я не думал, что всё так завернётся. Ты знаешь меня – когда я работаю, я забываю обо всём. Иногда и правда перегибаю».

Логан усмехнулся:

«Твои амбиции тебя похоронят. Я ведь пытался тебя остановить...»

Он замолчал, и между ними повисла пауза, пока капля пива стекала по боку кружки.

«Мы должны избавиться от этого детектива-лейтенанта, – сказал Логан вдруг. – Этот мужик – ходячая неприятность. Он подвергает нас опасности».

Дэниел медленно провёл ладонью по лицу.

«Он сам сказал, что справится без нас, – ответил он, медленно покачивая кружку. – Я не знаю, что со мной происходит, но что-то внутри меня шепчет... Мы должны помочь ему».

«Может, это дьявол тебе шепчет? Когда ты последний раз был в церкви, приятель? Не пренебрегай этим» – усмехнулся Логан, прищурившись.

«Пошёл ты, – хмыкнул Дэниел и легонько ударил его в плечо. – Шутник чёрттов».

Логан вдруг посерьёзней.

«А как насчёт профессора, а?»

Лицо Дэниела помрачнело. Он отвернулся.

«Я... Я перешёл черту. Но он... он не святой, Логан. Поверь».

«Этот человек – дедушка Ирен. Ты мог бы сдерживать себя хотя бы ради неё. Ты видел, как она была напугана? Как расстроена?»

Дэниел поставил кружку на стол и долго вглядывался в янтарную пену.

«И ты, как храбрый принц, защитил её. Помог. Как всегда», – язвительно бросил он, не глядя на него.

Логан молчал, потом тихо спросил:

«Ты ревнуешь?»

«Я не знаю, – честно признался Дэниел, пожал плечами. – А должен?»

«Ирен – моя лучшая подруга. Я всегда считал её своей сестрой, – сказал Логан с мягкостью, в которой звучала сталь. – Поэтому любой, кто разобьёт её сердце, найдёт меня перед собой».

«Это угроза или предупреждение?» – Дэниел медленно поднял на него взгляд.

«Она влюблена в тебя. Все это видят, – сказал Логан, в голосе не было осуждения – только разочарование. – Я не думаю, что твоё поведение по отношению к ней правильно. Ты должен быть с ней... поласковее».

Дэниел отвёл взгляд. Он сжал губы, с трудом сдерживая эмоции, но затем, почти шепотом, выговорил:

«Поверь мне. Ирен тоже много значит для меня».

Логан медленно поднялся.

«Я не верю в то, чего не вижу, – сказал он и постучал Дэниела по плечу, но в этом жесте не было ни тепла, ни прощения – только усталость. – Спасибо за пиво».

Затем пошёл к выходу, оставляя друга наедине с гулкими мыслями и недопитым стаканом.

Ирен сидела на потёртом кожаном диване в углу лаборатории, поджав ноги и уставившись в пол. Воздух в помещении пах железом, старым кофе и пылью. Монотонный гул аппаратов не мешал её мыслям – он скорее убаюкивал, помогая спрятаться от реальности. Она думала о брате, о долгах, об их расплывающейся жизни, как шов на старом халате. Её брови были сведены, а пальцы медленно теребили край пледа, брошенного на спинку дивана.

Она даже не заметила, как Дэниел вошёл. Его голос прозвучал где-то сбоку, словно сквозь вату:

«Ирен?»

Она не отреагировала. Тогда он подошёл ближе, помахал перед её лицом ладонью. И только тогда она вздрогнула, очнувшись, словно вернувшись из-под воды. Перед ней – Дэниел. Те самые темно-синие глаза, которые она когда-то называла своими маяками. Глаза, что умели видеть её насквозь.

«Можем поговорить?» – спросил он, слегка улыбнувшись, будто виновато. На лице застыло смущение, глаза бегали, не решаясь встретиться с её взглядом.

Она кивнула коротко. Слишком коротко. В её жесте было больше холода, чем согласия.

Он опустился рядом, чуть ближе, чем стоило бы.

«Я звонил тебе несколько раз. Ты не ответила».

«Не то чтобы я не хотела...» – её голос был ровным, но в нём пряталась усталость. – «Что-то с телефоном. Зависает, когда пытаюсь позвонить или принять звонок».

«Телефон – это почти продолжение нас самих», – сказал он. – «Дай его мне. Я отнесу знакомому. Пусть починит».

«Угу», – отозвалась Ирен с ледяной интонацией.

Он вздохнул. Словно готовился к прыжку в ледяную воду.

«Я прошу прощения... за тот случай. Я не должен был срываться. Но когда увидел его... прости».

«Ты не мне должен извиняться», – голос Ирен стал тверже, будто гранит. – «Если ты не извинишься перед моим дедом, то и мне не нужно».

«Ты знаешь, как я отношусь к нему, Ирен. Неужели ты всё ещё на его стороне? Хотя раз ты пыталась представить, каково мне было?»

Ирен не удивилась. Всё шло по знакомому сценарию. Дэниел умел крутить словами, как фокусник монетками. Начинает с извинений – а заканчивается тем, что извиняться приходится ей.

«Он уже не тот. Не профессор Кальдерон. После инцидента он просто... исчез. Замкнулся. Думаешь, ему легко? Он едва не сошёл с ума», – сказала она, и голос её дрогнул, как тонкая ветка на ветру.

Дэниел подался ближе, обнял её одной рукой, осторожно прижал голову к себе. Пальцы мягко перебирали её волосы.

«Прости. Я не хотел тебя расстраивать», – прошептал он и коснулся её лба поцелуем.

Она не сопротивлялась. Обняла его в ответ. В его руках было тепло, которого ей так не хватало. Любовь к нему была как старая мелодия – знакомая, щемящая, настоящая. Но где-то в глубине она знала: он никогда не простит её деда. Никогда.

Дэниел осторожно приподнял её подбородок, чтобы заглянуть в глаза.

«Разве мы не договаривались – не ссориться из-за других людей?»

Ирен слабо улыбнулась.

«Мы слишком взрослые для таких глупостей, Дэн».

Он тоже улыбнулся, тепло, по-настоящему. Потом нахмурился:

«Ты какая-то не в себе в последнее время. Что происходит?»

Она отвела взгляд.

«Это из-за Матео».

«Что он натворил на этот раз?»

«Занял деньги. У мафии. Подписал бумагу, не читая».

Дэниел выругался шёпотом и провёл рукой по лицу.

«Дай угадаю... условия прописаны мелким шрифтом. Если не погасит часть долга в срок – процент растёт. Так?»

Она кивнула. Он попал в точку.

«Сейчас таких схем – пруд пруди. Мою сестру, кстати, завалили такими делами. Матео, конечно, не дурак. Но видимо, сильно прижало».

Ирен не хотела рассказывать Дэниэлу всю правду.

Точнее, не могла.

Стоило только сказать о том, что ростовщики убили партнёра Маттео – пришлось бы признать, кто стоял за этим. А стоял за этим Ривера. Тот самый человек, который с ледяным спокойствием однажды сказал: «Если заговоришь – следующей будет твоя семья».

Поэтому она просто опустила глаза и сказала тихо, словно оправдываясь перед самой собой:

«Это большие деньги, Дэн. С процентами – двести сорок тысяч долларов».

Дэниэл присвистнул, качнул головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.